

Индекс **П8643**

4
2023

РОССИЯ XXI 2023 4

РОССИЯ XXI

4. 2023 июль–август

Геоглобалистика

Сергей Орешин

Политическое развитие Чеченской Республики в 2000–2004 гг. _____ 6

Ярлыки и мифы

Дмитрий Маслов

«...Всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером». Что привело Владимира Ульянова в революцию: дискуссии продолжаются _____ 34

Андрей Юрганов

Сокрытая личная жизнь сталинского драматурга Александра Афиногенова _____ 72

Андрей Богданов

Суворов в Финляндии: мифология и история _____ 88

Страницы истории

Дмитрий Рублев

Всероссийская федерация
анархической молодежи (1918–
1919 гг.): идеология и эволюция
организационных структур _____ 126

Олег Наумов

Дворянин в интерьере советской
эпохи: Григорий Александрович
Пушкин – внук поэта _____ 146

Ресурсы нации

Сергей Козлов

«Выдающиеся аграрники-новаторы
России XIX – начала XX вв.»
Очерк 2. «Настоящий путь к
усовершенствованию нашего
хозяйства»: Франц Христианович
Майер (1783–1860) _____ 172

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Политика – это биение
общественного пульса.

Уэнделл Филлипс

В политике, так же как и в
жизни, следует желать только
достижимого.

Генрих Гейне

Сергей Орешин

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2000–2004 гг.

УДК

93/94

Статья посвящена политическому развитию Чеченской Республики в период нахождения у власти А.-Х.А.Кадырова. Автор анализирует внутривнутриполитическую обстановку в республике, процесс формирования органов государственной власти, взаимоотношения между военными и гражданскими властями в Чечне. Политический процесс в Чечне проходил в исключительно сложных условиях, обусловленных острейшим социально-экономическим кризисом и продолжающимся вооруженным противостоянием между федеральным центром и сепаратистами. А.-Х.Кадыров проводил курс на выстраивание конструктивных отношений с федеральным центром. Ключевым событием стал референдум в марте 2003 г., закрепивший статус Чечни в качестве субъекта России и выборы президента в октябре 2003 г. Гибель чеченского президента в мае 2004 г. стала резонансным событием, но не смогла изменить заданный им вектор политического развития республики.

The article reviews the political development of the Chechen Republic while A.-Kh.A.Kadyrov was in power. The author analyzes the internal political situation in the republic, the process of forming state authorities, the relationship between the military and civilian authorities in Chechnya. The political process in Chechnya took place in extremely difficult conditions due to the acute socio-economic crisis and the ongoing armed confrontation between the federal center and the separatists. A.-Kh.Kadyrov pursued a course towards building constructive relations with the federal center. A key event was the referendum in March 2003, which consolidated Chechnya's status as a subject of Russia and the presidential elections in October 2003. The death of the Chechen president in May 2004 was a resonant event, but could not change the vector of political development of the republic.

Ключевые слова: Российская Федерация; Чеченская Республика; сепаратизм; Чеченский конфликт; Вторая Чеченская война; государственное строительство; политическая борьба; В.В.Путин; А.А.Кадыров; А.А.Масхадов.

Key words: Russian Federation; Chechen Republic; separatism; Chechen conflict; Second Chechen War; state construction; political struggles; V.V.Putin; A.A.Kadyrov, A.A.Maskhadov.

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Одной из острых проблем, стоявших перед Российской Федерацией в конце XX – начале XXI вв., являлся поиск путей урегулирования Чеченского кризиса, начавшегося в 1991 г., после захвата власти в этом регионе сепаратистами. На протяжении большей части 1990-х гг. Чечня представляла собой де-факто независимое, но непризнанное государство, носившее название Чеченская Республика Ичкерия. В ходе начавшейся осенью 1999 г. контртеррористической операции (в историографии известна как «Вторая Чеченская война») сепаратисты потерпели тяжелое поражение и утратили контроль над регионом. В июне 2000 г. новый Президент Российской Федерации В.В. Путин назначил бывшего муфтия Ичкерии А.А. Кадырова, перешедшего на сторону федерального центра, главой временной администрации Чеченской Республики. Однако обстановка в республике оставалась очень сложной: экономика в ходе боевых действия была разрушена, социальная

Владимир Владимирович Путин – президент Российской Федерации в 2000–2004 гг.

Ахмат-Хаджи Абдулхамидович Кадыров – глава Временной Администрации Чеченской Республики в 2000–2003 гг., президент Чеченской Республики в 2003–2004 гг.

Разрушенный Грозный, 2000 г.

инфраструктура пришла в полный упадок, жизненный уровень населения очень сильно снизился, а сепаратисты развернули масштабную диверсионно-террористическую войну как против федеральных войск, так и против пророссийски настроенных чеченцев. Президент самопровозглашенной Ичкерии А.А.Масхадов отказывал в легитимности пророссийской временной администрации.

Аслан Алиевич Масхадов – в 1997–2005 гг. президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия

Несмотря на то, что события Второй Чеченской войны и политическая биография первого президента Чеченской Республики в составе Российской Федерации А.-Х. А. Кадырова относительно часто оказывались в фокусе внимания российских политологов и историков, следует признать, что в отечественной историографии проблема внутриполитического развития Чечни в период пребывания Кадырова-старшего у власти пока еще не получила должного освещения. В связи с этим представляется важным выявить основные тенденции политической жизни Чеченской Республики в 2000–2004 гг.; проследить формирование постоянно действующих органов власти в регионе; изучить политический курс А. Кадырова и его окружения; рассмотреть взаимоотношения чеченских органов власти с федеральным центром; осветить основные вехи вооруженного конфликта с сепаратистами, а также проанализировать их стратегию и тактику в указанный хронологический период.

Формирование республиканских органов власти и первые внутриэлитные разногласия

Назначение А.-Х. Кадырова на высший руководящий пост было воспринято неоднозначно среди пророссийски настроенной чеченской элиты. Влиятельный военный и политический деятель Б. С. Гантамиров практически сразу заявил, что не считает для себя возможной совместную работу с А. Кадыровым. Известные братья Ямадаевы тоже далеко не сразу приняли назначение бывшего муфтия на высший пост в республике. Некоторые главы администраций районов Чеченской Республики

Бислан Сайдалиевич Гантамиров – в 2000–2001 гг. первый заместитель главы временной администрации Чеченской Республики

и руководящие сотрудники аппарата Полномочного представительства Правительства Российской Федерации в Чеченской Республике обратились к российскому Президенту с письмом, в котором заявили, что считают невозможным для себя работать и находиться рядом с Кадыровым, который в 1990-е гг. выступал против России. Сразу же последовала коллективная отставка большинства руководителей департаментов временной администрации Чеченской Республики и глав районных администраций, несогласных с этим назначением [13, с. 343]. Наконец, некоторые чиновники из администрации Д.Г.Завгаева (в 1995–1996 гг. занимавшего пост главы Чеченской Республики в составе России) вовсе расценили назначение Кадырова как глубокую ошибку Кремля, заявив, что не видят принципиальной разницы между ним и лидерами сепаратистов [4, с. 789].

Однако В.Путин дал понять, что не будет менять свой выбор. Несомненно, что, назначая А.Кадырова главой Чечни, российский президент учитывал как внутри-, так и внешнеполитические факторы. Назначение главой республики муфтия должно было служить наглядным доказательством для мусульманских государств, что Россия не преследует на Северном Кавказе ислам. Для Запада и либерально настроенной части политического истеблишмента это назначение должно было служить демонстрацией поиска политического компромисса с недавними политическими противниками. Москва также рассчитывала, что Кадырову удастся склонить к миру хотя бы часть полевых командиров [13, с. 345].

Сам А.Кадыров, встав во главе республики, сразу же сложил с себя полномочия муфтия, тем самым подчеркнув светский характер государственности, создававшейся в Чечне [11, с. 276]. Он заявил, что будет жестко и последовательно пресекать любые действия, приводящие к дезориентации доведенных до отчаяния жителей республики, а также последовательно добиваться преобразования своей администрации в полноправное республиканское правительство, «способное самостоятельно формировать кадровый состав исполнительной власти в республике и распоряжаться финансовыми потоками» [5, с. 175]. Впрочем, федеральный центр к этим пожеланиям Кадырова отнесся довольно осторожно и не спешил повышать его статус. Более того, в июле 2000 г. Б.Гантамиров был назначен первым заместителем А.Кадырова и куратором силовых структур в республике. Тем самым в Кремле старались создать некий «противовес» главе временной администрации и не допустить чрезмерного усиления его позиций, тем более что Гантамиров

пользовался поддержкой начальника Генерального штаба ВС РФ генерала А.В.Квашнина.

Как и следовало ожидать, уже спустя неделю между Кадыровым и Гантамировым вспыхнул конфликт из-за того, что глава временной администрации сменил руководителей администраций районов Грозного, назначенных на эти посты Гантамировым в бытность мэром чеченской столицы. Кадыров упрекал Гантамирова в том, что по его вине не была налажена работа глав четырех районов республики, а действия подчиненной Гантамирову милиции характеризовал как бесконтрольные. В свою очередь, Гантамиров обвинял Кадырова в том, что тот руководствовался тайповыми предпочтениями при формировании органов

власти в центре и на местах, а также предоставил управленческие посты лицам, в 1990-х гг. принимавшим активное участие в сепаратистском движении [2, с.267]. Дело чуть было не дошло до открытого вооруженного столкновения между «кадыровцами» и «гантамировцами». В конфликт вынужден был вмешаться полномочный представитель президента России в Южном федеральном округе генерал армии В.Г.Казанцев [4, с.790]. Однако вскоре отношения между двумя политиками вновь обострились. Гантамиров угрожал подать в отставку. В октябре в ситуацию вновь был вынужден вмешаться В.Казанцев, который вызвал обоих политиков в Ростов-на-Дону и сумел достичь их «примирения». Было принято решение, что Гантамиров сохраняет пост заместителя главы временной администрации, начальника милиции Чеченской Республики и мэра Грозного и вместе с Кадыровым сосредоточится на наведении порядка в республике [4, с.793]. Впрочем, Кадырова и Гантамирова объ-

Виктор Германович Казанцев –
в 2000–2004 гг. полномочный представитель
президента Российской Федерации
в Южном федеральном округе

единыло желание укомплектовать государственный аппарат и силовые структуры Чечни этническими чеченцами и минимизировать влияние российских военных на кадровые назначения в республике [11, с.282].

Большие усилия были сосредоточены на завершении формирования органов исполнительной власти всех уровней. В результате к концу 2000 г. в Чечне действовало 19 районных, 213 сельских и 4 городских администрации [11, с.278].

Асламбек Ахмедович Аслаханов – в 2000–2003 гг. депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Одновременно в республике шла кампания по выборам депутата Государственной Думы от Чечни, что должно было продемонстрировать стабилизацию положения в республике и ее «встраивание» в политическую систему Российской Федерации. В результате победу одержал пользовавшийся поддержкой федерального центра генерал-майор милиции А. А. Аслаханов. Занявший второе место лидер пророссийского движения «Адамалла» («Человечность») Ш.Х. Дениев в ноябре 2000 г. был назначен заместителем главы временной администрации Чеченской Республики [4, с. 792].

Следует отметить, что первоначально временная администрация не обладала необходимыми финансовыми и материальными ресурсами, в Чечне отсутствовали законодательная и судебная ветви власти. Нельзя не отметить и сохранявшийся параллелизм между военными и гражданскими органами власти. Глава временной администрации не мог самостоятельно назначать глав районов, все кадровые изменения необходимо было согласовывать с военным комендантом Чечни генералом И.И. Бабичевым [1, с.20]. Более того, Бабичев возглавлял республиканскую комиссию по отбору кандидатов на должности в исполнительных органах власти, в состав которой входили офицеры ФСБ и МВД России [12, с.2]. Командование Объединенной группировкой федеральных войск на Северном Кавказе, командиры отдельных воинских подразделений и военные коменданты районов зачастую игнорировали республиканские и районные органы власти, далеко не всегда

консультировались с ними и не ставили в известность при принятии тех или иных решений. Военные позволяли себе нарушения прав органов местного самоуправления, мотивируя это необходимостью борьбы с боевиками. В свою очередь, в сентябре 2000 г. А.Кадыров заявил, что из-за чрезмерно жестких действий федеральных войск и правоохранительных органов пророссийская администрация может утратить доверие большинства народа, что будет на руку сепаратистам. О весьма напряженной обстановке в республике красноречиво свидетельствовал факт обстрела вечером 31 октября 2000 г. кортежа А.Кадырова одним из российских военных подразделений, в ходе которого никто не пострадал только благодаря случаю.

Не до конца были разграничены сферы полномочий и компетенций временной администрации и аппарата полномочного представителя президента РФ в Южном федеральном округе. В конце сентября В.Казанцев создал аттестационную комиссию для кандидатов в исполнительные органы власти всех субъектов, входивших в состав ЮФО. Тем самым Кадыров был лишен возможности самостоятельно назначать чиновников в администрацию республики. Кроме того, комиссия занималась переподготовкой уже назначенных государственных служащих [1, с.20]. Была создана еще одна управленческая структура во главе с министром Российской Федерации по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в Чеченской Республике В.В.Елагиным, который, однако, не получил доступа к распределению финансовых потоков, а, следовательно, реально влиять на ситуацию просто не мог [13, с.346]. Однако Кадыров воспринял его назначение как ущемление своих полномочий.

В середине ноября 2000 г. в Ростове-на-Дону состоялась встреча В.Путина и А.Кадырова, в ходе которой обсуждался процесс создания временных органов власти в Чечне. Глава временной администрации предлагал приравнять ее полномочия к статусу, который имели правительства республик, входивших в состав России, что должно было стать первым шагом на пути к созданию полноценного республиканского правительства. В борьбе с сепаратистами Кадыров предлагал опираться на чеченскую милицию, которая должна была получить современное оружие и бронетехнику. В конечном итоге, эти предложения были направлены на расширение полномочий самого Кадырова. Однако российский президент в тот период времени считал целесообразным сохранение контроля федеральных силовых структур над гражданской властью в республике [1, с.20].

Однако к 2001 г. Путин взял на вооружение другой принципиальный подход, связанный с укреплением кадыровской администрации и постепенной передачей ей реальных рычагов управления в республике. Желая продемонстрировать свою поддержку чеченским властям, В.Путин в январе 2001 г. после встречи с А.Кадыровым подписал указ, согласно которому временная администрация фактически становилась постоянно действующим региональным правительством, а Кадыров оставался высшим должностным лицом в республике вплоть до проведения выборов. Он получил дополнительные полномочия, к которым относились: формирование правительства Чечни, утверждение положения об администрации и ее структуре, общее руководство деятельностью администрации, формирование своего аппарата и право представлять республику во взаимоотношениях с федеральными органами власти [1, с.21].

Председатель правительства становился заместителем главы администрации, он назначался на должность и увольнялся непосредственно

Станислав Валентинович Ильсов – в 2001–2002 гг. председатель правительства Чеченской Республики, в 2002–2004 гг. председатель Правительственной комиссии по вопросам восстановления социальной сферы и экономики Чеченской Республики

главой администрации по согласованию с полномочным представителем президента РФ в Южном федеральном округе. Им стал бывший председатель правительства Ставропольского края, уроженец Дагестана С.В.Ильсов [4, с. 793]. Мэром Грозного вместо Б.Гантамирова стал уроженец Чечено-Ингушской АССР О.Жидков, в советское время работавший в республиканском КГБ. В целом, это свидетельствовало об укреплении позиций Кадырова среди пророссийски настроенного чеченского истеблишмента. Они еще более упрочились после гибели 12 апреля 2001 г. в ходе террористического акта в родном селении Автуры заместителя Кадырова Ш.Дениева и назначения его другого заместителя (и одновременно соперника) Б.Гантамирова 20 июня 2001 г. главным

федеральным инспектором аппарата полномочного представителя президента РФ в Южном федеральном округе, что означало его перемещение из Чечни в Ростовскую область.

В октябре 2001 г. Кадыров упразднил аппараты временной администрации и правительства Чечни и создал на их основе новую структуру управления, подчиненную лично ему. Возглавил ее генерал юстиции Я.Сергунин. Тем самым были ограничены полномочия премьер-министра С.Ильясова. В Чечне был также создан Консультативный совет при главе администрации, который должен был разработать проект новой чеченской Конституции [13, с.354]. Во главе некоторых министерств и ведомств Кадырову удалось поставить своих сторонников.

К концу 2001 г., несмотря на сохранявшуюся напряженную обстановку, в Чечне практически в полном объеме были восстановлены республиканские и местные органы власти, судебная система (было создано 10 районных судов и Верховный суд республики в Гудермесе, но судьи назначались временно, сроком на 1 год, а республиканская и районные прокуратуры формировались из числа командированных работников из других регионов России [1, с.22]), заработали правоохранительные органы. Продолжал работу специальный представитель президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике В.А.Каламанов, в состав бюро которого входили три эксперта Совета Европы, а также Комиссия Государственной Думы по содействию политическому урегулированию и соблюдению прав человека в Чеченской Республике. В регион на постоянное пребывание вернулась Группа содействия ОБСЕ в Чечне [4, с.796].

Вооруженное противостояние в 2000–2001 гг.

К началу лета 2000 г. отряды сепаратистов смогли оправиться от понесенных тяжелых потерь, наладить связь и координацию своих действий. Возросло количество обстрелов блокпостов и комендатур федеральных войск. Практически во всех районах Чечни боевики регулярно нападали на небольшие подразделения Российской армии, широко применяя минирование дорог и устройство засад. Благодаря постоянной связи между собой, а также со своими сторонниками в населенных пунктах, группы боевиков наносили внезапные удары по противнику и быстро отходили. Новым тактическим явлением стало активное использование террористов-смертников, в том числе женщин, которые подрывали себя в местах дислокации федеральных сил [13, с.322]. Впервые подобная ак-

Отряд боевиков в горах Чечни

ция произошла 8 июня 2000 г. в селе Алхан-Юрт, когда два смертника взорвали начиненный взрывчаткой автомобиль около казармы омского ОМОНа. 3 июля смертники взорвали грузовики со взрывчаткой в местах дислокации российских силовых структур одновременно в городах Аргун, Гудермес, Шали и поселке Новогорозненском. Вскоре подобные взрывы стали распространенным явлением в Чечне [4, с. 787].

В свою очередь, федеральные войска наносили авиационные и артиллерийские удары по различным районам республики, осуществляли «зачистки» в населенных пунктах Чечни, а подразделения спецназа устраивали засады на отряды боевиков и пытались ликвидировать полевых командиров. Сепаратисты, особенно ваххабиты, развернули кровавый террор против чеченцев, занимавших пророссийские позиции (или просто подозреваемых в подобных симпатиям). От имени «шариатского суда» они убивали глав районных и сельских администраций, сотрудников чеченской милиции, имамов мечетей и суфийских духовных деятелей. Было неспокойно и в самой столице, где помимо военных и гражданских властей функционировала своего рода «теневая власть» во главе с амиром Грозненского джамаата полевым командиром М.Цагараевым, которому подчинялись почти все мелкие джамааты чеченских сепаратистов салафитского толка, действовавшие в районе Грозного и Урус-Мартана. Они буквально истребляли чеченцев, сотрудничавших с российскими властями.

Российская артиллерия ведет огонь по боевикам в Чечне

Сепаратисты также осуществляли интенсивную идеологическую обработку граждан республики. Решению этой задачи были подчинены деятельность телеканала «Кавказ», еженедельника «Голос Джихада», содержание выпускавшихся листовок, работа мобильных интернет-групп по открытию новых сайтов на разных языках [2, с.268]. Была изменена и структура военных групп, которые насчитывали от 3 до 20 человек, действовали автономно и объединялись для выполнения конкретной боевой задачи [2, с.269].

Однако в сепаратистском лагере не было единства. Между президентом Ичкерии А.А.Масхадовым и многими радикально настроенными полевыми командирами, объединившимися вокруг возглавляемого Ш.С.Басаевым Высшего военного совета Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа, существовали острые разногласия. Более того, Басаев, провозглашенный своими сторонниками «амиром моджахедов Кавказа», заявлял, что Масхадов не может ему приказывать или ограничивать его действия. Шариатский суд вообще вынес постановление об отстранении Масхадова от должности президента Ичкерии [13, с.333]. В свою очередь, Масхадов неоднократно публично осуждал действия ваххабитов, особенно находившихся в Чечне арабов во главе с Э.Хаттабом.

21 января 2001 г. указом В.Путина была создан Региональный оперативный штаб ФСБ на Северном Кавказе, который возглавил адмирал

Шамиль Салманович Басаев – в 2000–2002 гг. амир Высшего военного Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа, в 2002–2005 гг. глава военного комитета ГКО-Маджлисуль Шура Чеченской Республики Ичкерия

Эмир ибн аль-Хаттаб – в 2000–2002 гг. военный амир Высшего военного Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа

Г. А. Угрюмов. Борьба с терроризмом в регионе шла в основном методом «зачисток», от которых зачастую страдало мирное население. Накал диверсионной войны в республике не стихал: только за 8 месяцев 2001 г. погибли 12 руководителей органов местной власти, 24 милиционера и 3 священнослужителя [4, с. 795]. К концу 2001 г. обстановка в республике оставалась напряженной. Основным местом сосредоточения отрядов сепаратистов по-прежнему оставались восточные районы Чечни, где в труднодоступной местности были оборудованы склады с оружием и замаскированные укрытия. Небольшие по численности группы боевиков продолжали подвергать обстрелам пункты дислокации федеральных войск, минировать маршруты движения транспортных средств органов внутренних дел и войсковых колонн, совершать постоянные нападения на небольшие отряды солдат и милиционеров [2, с. 280]. Так, против группировки МВД России только в 2000 г. было совершено около 3300 обстрелов и 220 подрывов, а в 2001 г. – более 4000 обстрелов и около

400 подрывов [6, с. 525]. Регулярным нападениям боевиков подвергались многие населенные пункты в горных районах Чечни и даже города, прежде всего, Аргун и иногда Гудермес.

В то же время российские спецслужбы довольно успешно действовали против вооруженных формирований сепаратистов. В частности, были убиты многие известные полевые командиры – А. Бараев, братья Ахмадовы, М. Цагараев, Х. Хачукаев, З. Садаев, А. Мовсаев. Больше внимания стало уделяться привлечению чеченцев к службе в местных органах правопорядка. Весной 2001 г. только во внутренних войсках и органах МВД служило более 6 тысяч чеченцев, причем среди них были и амнистированные боевики [13, с. 330]. Однако многие отряды сепаратистов избежали разгрома и сумели укрыться на территории Панкисского ущелья, расположенного в Грузии. Накал борьбы снижался очень медленно.

Политическое развитие Чеченской Республики в 2002–2003 гг.

Глава администрации Чеченской Республики А. Кадыров продолжал методично укреплять свои позиции, хотя его взаимоотношения с на-

значаемыми из Москвы чиновниками не всегда складывались гладко. Стремлением создать некоторый баланс Кадырову можно объяснить новое появление в Чечне Б. Гантамирова, который в феврале 2002 г. был назначен вице-премьером, министром по делам информации и печати Чеченской Республики.

В ноябре 2002 г. министром Российской Федерации и одновременно представителем президента Российской Федерации в Чеченской Республике был назначен С. В. Ильясов. На него возлагалась задача обеспечения координации деятельности федеральных органов исполнительной власти по социально-экономическому развитию Чеченской Республики. Основная работа по подготовке основополагающих документов по разграничению предметов ведения между Чечней и федеральным центром возлагалась на Департамент регионального развития Аппарата Правительства Российской Федерации, который возглавлял Н. Г. Корнев. В структуре этого Департамента функционировал специальный отдел по вопросам Чеченской Республики, взаимодействовавший с аппаратом министра Российской Федерации С. Ильясова [2, с. 288]. Новым премьер-министром Чечни был назначен вице-губернатор Ивановской области М. В. Бабич [6, с. 536].

11 декабря 2002 г. в Гудермесе состоялся Съезд народов Чеченской Республики, в работе которого участвовало 392 делегата – представи-

тели от населенных пунктов Чечни, общественно-политических партий и движений, религиозных объединений, чеченских землячеств в других регионах. Присутствовали министр по делам Чечни С.Ильясов и полпред Президента РФ в Южном федеральном округе В.Казанцев. Обсудив общественно-политическую обстановку, сложившуюся в республике, участники съезда отметили, что «народ Чечни не мыслит себя без России или вне России. Чечня желает быть полноправным членом Российской Федерации, жить в соответствии с Конституцией Российской Федерации» [6, с.556]. А.Кадыров констатировал, что ситуация в Чечне позволяет провести референдум по республиканской Конституции, а также выборы президента и парламента.

В то же время по-прежнему сохранялся параллелизм в полномочиях военных и гражданских властей, а глава Шалинской районной администрации Ш.Алихаджиев в конце 2002 г. отмечал, что гражданские власти на местах фактически бессильны, а реальная власть находится в руках военного командования [10, с.112]. Однако Кадыров методично укреплял свои позиции. В конце декабря без согласования с окружными и федеральными властями он снял с должности министра финансов С.Абрамова и заменил его чеченцем Э.Исаевым. Протест премьер-министра М.Бабича был им проигнорирован. Заручившись поддержкой В.Путина последний смог в конечном итоге добиться отставки Бабича [11, с.289].

15 декабря 2002 г. В.Путин подписал Указ «Об утверждении Положения о проведении референдума Чеченской Республики по проекту Конституции Чеченской Республики, проектам законов Чеченской Республики "О выборах Президента Чеченской Республики" и "О выборах в Парламент Чеченской Республики"». Федеральный центр уделял большое значение проведению референдума, который должен был юридически закрепить статус Чечни в качестве субъекта Российской Федерации. В феврале–марте 2003 г. состоялось обсуждение проекта Конституции Чеченской Республики. Республику посетили многие высокопоставленные политические деятели, убеждавшие граждан проголосовать за предлагаемый проект Конституции [2, с.293]. Приехавший в Грозный 13 марта руководитель администрации президента РФ А.С.Волошин сообщил, что после референдума начнется разработка договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Чечней, а его заместитель В.Ю.Сурков обещал республике широчайшую автономию. 16 марта с обращением к чеченскому народу выступил сам Путин, призвавший его сказать «да» на предстоящем референдуме и подтвердивший обещание

предоставить Чечне широкую автономию в составе России. В преддверии голосования был начат частичный вывод российских воинских подразделений из Чечни [9, с. 60].

Референдум прошел 23 марта 2003 г., участие в нем приняло 89,48 % лиц, имевших право голоса, свыше 80 % участников, по официальным данным, проголосовало за проекты Конституции Чеченской Республики, законов о выборах президента и парламента. На следующий день после голосования В. Путин на совещании с членами Правительства Российской Федерации заявил, что народ Чечни сделал выбор в пользу мира и позитивного развития вместе с Россией. Глава государства подчеркнул, что тем самым была закрыта «последняя серьезная проблема, связанная с территориальной целостностью Российской Федерации» [4, с. 804].

В Конституции Чечни был утвержден принцип разделения властей, при этом органы законодательной, исполнительной и судебной власти были объявлены самостоятельными. Высшим должностным лицом, возглавлявшим исполнительную власть в республике, являлся ее Президент. Единственным законодательным органом власти становился Парламент, состоявший из двух палат – Совета Республики и Народного Собрания. Помимо этого, в состав органов государственной власти входило республиканское Правительство и суды Чеченской Республики [10, с. 111].

Впрочем, на «переходный» до выборов период был создан своего рода «предпарламент» – Государственный Совет Чеченской Республики. В его состав входило 42 человека (по 2 представителя от каждого района республики), которые избирались на сходах граждан путем открытого голосования. Госсовет был сформирован 21 июня 2003 г., его возглавил руководитель территориального управления Министерства имущественных отношений РФ по Чеченской Республике Х. А. Исаев [10, с. 112].

Конституционный референдум в Чеченской Республике, 23 марта 2003 г.

В начале июля в Москве прошло первое заседание рабочей группы по подготовке договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Чеченской Республикой. Проект договора предоставлял республике большие полномочия: от эмиссии наличных денег и образования свободных экономических и таможенных зон до передачи Чечне полного права на реализацию нефтяных и других сырьевых ресурсов [9, с. 61].

Практически сразу после референдума началась подготовка к президентским выборам в Чечне. 4 июля 2003 г. В. Путин подписал указ № 729 «О выборах первого президента Чеченской Республики», в котором назначил их проведение на 5 октября 2003 г. [14]. О намерении баллотироваться на этот пост заявили 14 человек, но основным кандидатом выступал действующий глава администрации ЧР А. Кадыров. Один из основных его оппонентов, предприниматель и политик М. М. Сайдуллаев не был зарегистрирован в качестве кандидата Верховным судом Чечни, который посчитал, что тот допустил серьезные нарушения при сборе подписей избирателей в свою поддержку. Такие влиятельные политики, как У. А. Джабраилов и А. А. Аслаханов, которые могли составить серьезную конкуренцию Кадырову на выборах, в итоге сняли свои кандидатуры. Р. Хасбулатов 31 июля заявил о желании выдвинуть свою кандидатуру, но уже 14 августа отказался от участия в выборах, заявив, что не верит в их честность [9, с. 61]. В это же время с должности заместителя председателя правительства Чеченской Республики был снят Б. Гантамиров, что фактически поставило точку в соперничестве двух самых влиятельных в то время пророссийских чеченских политиков.

В состоявшихся 5 октября 2003 г. выборах, по официальным данным, приняло участие 87,7% избирателей, из них 81% отдали свои голоса за А. Кадырова. Второе место с большим отрывом занял историк и политический деятель А. М. Бугаев, набравший 5,77% голосов, третье – Ш. Д. Дураев (3,95%), 2,59% выбрали графу «Против всех», остальные кандидаты получили еще меньший процент. Российская Центральная избирательная комиссия утвердила их итоги. Наблюдатели от СНГ и Лиги арабских государств подчеркнули, что выборы прошли легитимно, свободно и демократично, хотя некоторые правозащитные организации и даже государства (в частности, США) заявили, что выборы в Чечне не соответствовали международным стандартам и поэтому не могут быть признаны [7].

**Военное противостояние
в 2002–2003 гг.**

В 2002 г. федеральным силам удалось нанести несколько чувствительных ударов по сепаратистскому подполью. В частности, в апреле в ходе тщательно спланированной спецоперации был ликвидирован арабский полевой командир Э.Хаттаб, координировавший связь боевиков с международными террористическими организациями исламистского толка. В июле–августе обострилась обстановка в пограничном с Грузией Итум-Калинском районе, когда крупный отряд боевиков пытался прорваться в Чечню из Панкисского ущелья. В августе боевикам удалось сбить в районе Ханкалы вертолет Ми-26, в результате чего погиб 121 российский военнослужащий, включая многих высокопоставленных офицеров. Сепаратисты старались перенести боевые действия и на территорию сопредельных регионов Северного Кавказа, надеясь на интернационализацию конфликта. В сентябре 2002 г. крупный отряд полевого командира Р.Гелаева, базировавшийся в Грузии, атаковал территорию Ингушетии. 10 октября в результате теракта в РОВД Заводского района Грозного погибло 22 сотрудника чеченской милиции, 15 человек было ранено [6, с.539–542]. Террористические акты стали происходить и в Москве, самым громким был захват заложников в здании театрального центра на Дубровке 23 октября 2002 г. 27 декабря 2002 г. около Дома правительства в Грозном был взорван груженный взрывчаткой грузовик,

Дом правительства Чеченской Республики после взрыва 27 декабря 2002 г.

в результате само здание было разрушено, погиб 71 человек и 130 было ранено [6, с.559].

К началу 2003 г. федеральные силы смогли разгромить основные боееспособные формирования сепаратистов, уничтожить множество тайных баз и схронов боевиков, пресечь многие каналы финансирования подполья. Были ликвидированы и арестованы многие известные полевые командиры. Некоторые из них сложили оружие и явились с повинной, часть перешла на сторону федеральных сил. Удалось обеспечить надежную блокаду Чанты-Аргунского ущелья и полностью перекрыть чеченский участок российско-грузинской границы на всем его протяжении, что значительно затруднило получение сепаратистами помощи из-за рубежа. Однако боевики смогли сохранить хорошо законспирированное руководящее звено и, несмотря на понесенные потери, продолжить масштабную диверсионно-террористическую войну. Наибольший размах она приобрела в горных районах Чечни, особенно в Веденском, Шатойском и Ножай-Юртовском [3, с.220–221].

Боевики по-прежнему активно использовали террористов-смертников, при этом география терактов продолжала расширяться. Они регулярно проводились на территории Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии. 5 июля 2003 г. террористки-смертницы взорвали себя в Москве на рок-фестивале «Крылья», в результате 13 человек погибли

Чеченская милиция («кадыровцы») в 2000-х гг.

и более 50 получили ранения [6, с. 560]. Были взорваны военный госпиталь в Моздоке и электричка в Ставропольском крае. Тем не менее, в связи с определенным улучшением обстановки, была поставлена задача о сокращении контрольно-пропускных пунктов на территории Чеченской Республики. В течение 2003 г. было ликвидировано 8 блокпостов [2, с. 290].

С 2003 г. начался новый этап конфликта, который многие публицисты называли «чеченизацией». Суть его состояла в том, что ведущая роль в подавлении сепаратистского подполья перешла к республиканским правоохранительным органам, в значительной степени укомплектованным чеченцами [11, с. 223]. В то же время с середины 2002 г., особенно после гибели Хаттаба и наиболее одиозных полевых командиров ваххабитского толка, усилился процесс консолидации среди сепаратистов. В октябре 2002 г. президент Ичкерии подписал «Положение о ГКО-Маджлисуль Шура», согласно которому произошло объединение двух военных центров сепаратистов – «умеренного» Государственного комитета обороны во главе с Масхадовым и более радикальной Маджлисуль Шуры, во главе которой стоял Басаев. Объединенное командование возглавил Масхадов, а все полевые командиры, включая тех, кто находился в оппозиции, признали его в качестве единственного руководителя Ичкерии.

Инаугурация президента Чеченской Республики Ахмата Кадырова. Гудермес, 19 октября 2003 г.

**Деятельность А.Кадырова
на посту президента
и итоги его правления**

19 октября 2003 г. в Гудермесе состоялась инаугурация А.Кадырова. Появление в Чеченской Республике избранного президента не означало,

однако, немедленного перехода всей полноты реальной власти от военных к гражданской администрации, но глава региона стремился неуклонно продвигаться в этом направлении. Вскоре после своего вступления в должность А.Кадыров представил масштабный план преобразований, связанных с восстановлением мира и спокойствия в республике и развитием конструктивных отношений с федеральным центром. В частности, было создано республиканское Министерство внутренних дел, которое подчинялось Правительству Чеченской Республики, а не напрямую Москве, как было раньше. Параллельно с МВД функционировала Служба безопасности президента Чеченской Республики, которую возглавил сын А.Кадырова Рамзан [2, с.298]. В распоряжении Службы безопасности находились вооруженные отряды, в которых состояли, в том числе, бывшие боевики, оставившие лагерь сепаратистов под личные гарантии А.Кадырова. Чеченский президент заявил о бескомпромиссной борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, в то же время обещал добиться для республики особого экономического статуса.

В январе 2004 г. А.Кадыров посетил Саудовскую Аравию, где был принят наследным принцем этой страны, выразившим ему свою поддержку и обещающим финансовую помощь. Фактически это означало признание Кадырова в качестве президента Чечни мусульманским миром и повлекло существенное сокращение помощи сепаратистам [6, с.567].

Однако реализовать все намеченные планы первый президент Чечни не смог. В начале 2004 г. оперативная обстановка в Чеченской Республике все еще оставалась сложной. Значительная часть сепаратистов была настроена на дальнейшее продолжение вооруженной борьбы. Тактика действий боевиков оставалась прежней, основной упор делался на диверсионно-террористическую деятельность. Боевики минировали маршруты движения колонн военной техники, совершали обстрелы подразделений федеральных сил, чеченских милиционеров, а также мирных граждан [2, с.305]. 6 февраля 2004 г. в московском метро террорист-смертник совершил самоподрыв, в результате которого погибло 40 человек и более 100 получили ранения.

Однако и федеральные силы достигли крупных успехов. Спустя неделю после взрыва в Москве в столице Катара Дохе был убит бывший президент Ичкерии З.Яндарбиев (катарские власти обвинили в его гибели

ли российские спецслужбы) [8, с. 44]. В конце февраля в Дагестане был наголову разгромлен отряд Р.Гелаева, пытавшийся прорваться в Панкисское ущелье, при этом сам полевой командир, считавшийся неуловимым, погиб. В марте на сторону федеральных сил перешли бывший министр обороны Ичкерии М.Хамбиев и начальник личной охраны Масхадова Ш.Турлаев. В апреле в ходе спецоперации был убит один из главных финансистов боевиков, преемник Хаттаба и эмиссар «Аль-Каиды» в Чечне Абу аль-Валид [6, с. 568].

Одновременно развивался и политический процесс. В Чечне прошли выборы в Государственную Думу Российской Федерации, на которых предсказуемую победу одержала партия «Единая Россия», а депутатом от республики был избран А.Г.Завгаев, младший брат советского партийного функционера Д.Г.Завгаева. Власти Чечни активно включились в подготовку и проведение выборов Президента Российской Федерации, при этом оказывая недвусмысленное предпочтение действующему главе государства. Достаточно сказать, что штаб В.Путина в Чеченской Республике возглавил Р.А.Кадыров, для которого эта кампания стала первым участием в «большой политике». В результате 14 марта 2004 г. Путин получил в Чечне, по официальным данным, 92,3 % голосов избирателей, что стало одним из самых высоких показателей среди регионов России [9, с. 62].

9 мая 2004 г. во время праздничного концерта, посвященного Дню Победы, в Грозном на стадионе «Динамо» произошел террористический акт. В результате подрыва взрывного устройства погибли А.Кадыров

Ахмат Кадыров на стадионе «Динамо» в Грозном 9 мая 2004 г. за несколько минут до гибели

и председатель Государственного Совета Чеченской Республики Х.Исаев. Тяжелое ранение получил командующий Объединенной группировкой федеральных войск на Северном Кавказе генерал-полковник В.П.Баранов. Ответственность за теракт взял на себя Ш.Басаев. 11 мая В.Путин посмертно присвоил А.Кадырову звание Героя России и издал указ об увековечивании его памяти [4, с. 806].

Подводя итоги, следует отметить, что начало 2000-х гг. было очень сложным периодом в истории Чечни. Социально-экономическая сфера была полностью дезорганизована. Несмотря на окончание активной фазы контртеррористической операции, в республике продолжались боевые действия между федеральными войсками и отрядами сепаратистов. На протяжении всего периода существовал своего рода политический параллелизм: наряду с пророссийской временной администрацией Чеченской Республики во главе с А.-Х.Кадыровым, действовало правительство самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия во главе с президентом А.Масхадовым. В то же время полномочия временной администрации и районных администраций были ограниченными, реальная власть фактически принадлежала военному командованию.

Многие политологи предрекали А.Кадырову судьбу Д.Завгаева, который в 1995–1996 гг. не смог привлечь на свою сторону симпатии большинства чеченского общества, изолировать сепаратистов и добиться реальных полномочий со стороны федерального центра. Однако ситуация оказалась иной. Кадыров показал себя грамотным, расчетливым и прагматичным политиком. Подчеркивая лояльность федеральному центру и не ставя под сомнение факт вхождения Чечни в состав Российской Федерации, он выступал за широкую автономию региона и усиление полномочий местных органов власти. А.Кадыров сделал ставку на традиционный для Чечни суфийский ислам, превратив его в основу идеологии и стержень национальной консолидации чеченского общества. Тем самым он смог вырвать из рук сепаратистов знамя чеченского национализма, что позволило ему не только успешно противостоять лидерам Ичкерии во главе с Масхадовым, но и привлечь на свою сторону многих рядовых боевиков и даже полевых командиров, которых чеченский президент превращал в одну из военно-политических опор новой республиканской власти [11, с.302]. Постоянно испытывая дефицит административного ресурса, он все же смог добиться значительной консолидации чеченского общества путем достижения множества компромиссов. Ему

удалось наладить диалог чеченской власти и чеченского общества, который складывался непросто, но постепенно приносил свои плоды.

Что касается федерального центра, то он старался оказывать временной администрации всестороннюю поддержку. Правда, в 2000–2002 гг. российские власти стремились не допустить концентрации всей полноты власти в регионе в руках А.Кадырова. Сначала в качестве своего рода «противовеса» служили такие влиятельные политики, как Б.Гантамиров и Ш.Дениев, назначенные заместителями главы временной администрации, а впоследствии – назначаемые из Кремля председатели правительства Чечни, которые были уроженцами других регионов. В какой-то степени это напоминало советскую управленческую политику в союзных республиках, когда первым секретарем Компартии был представитель титульного народа, а вторым секретарем – русский, осуществлявший за ним своего рода негласный надзор. Однако премьер-министры менялись в Чечне каждый год и ни один из них не смог стать по-настоящему влиятельной фигурой в республике.

В начале 2003 г. Кремль взял курс на «чеченизацию» вооруженного конфликта и безусловную поддержку А.Кадырова, который начал стремительно укреплять свои позиции. В свою очередь, Кадыров, избранный президентом Чечни, решительно боролся с сепаратистами и обеспечивал электоральный успех в регионе партии «Единая Россия» и президенту В.Путину. Гибель чеченского президента в 2004 г. стала резонансным событием, но не смогла поколебать ту политическую систему, которая

Музей Ахмат-Хаджи Кадырова в Грозном

была им заложена за время нахождения у власти (хотя не вызывает сомнения тот факт, что если бы А.Кадыров остался на вершине «политического Олимпа» еще 10 лет, вектор развития Чеченской Республики был бы несколько иным). По словам журналиста Т.Юнусовой, «Ахмат Кадыров принял Чечню разрушенную, с растоптанной, сожженной столицей, а оставил возрождающуюся, с зелеными скверами, в строительных лесах, со стильно одетыми горожанами, с множеством веселых детских голосов» [15, с.6].

Библиографический список

1. Анников С.П. Структура власти в Чеченской Республике в системе российского федерализма: к проблеме взаимоотношений центра и региона (1999–2001 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. №1. С.19–23.
2. Бугай Н.Ф. Чеченская Республика: конфронтация, стабильность, мир (1990-е годы – начало XXI в.). М.: б/м, 2006. 476 с.
3. Головлев А.А. Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Ульяновск: Издательство «Вектор-С», 2007. 296 с.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х тт. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 832 с., ил.
5. Косиков И. Федеральный центр и Чечня: о новой системе отношений в сфере государственного управления и экономики (формирование госаппарата) // Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001. С.376–408.
6. Ляховский А.А. Зачарованные свободой. Тайны Кавказских войн. Информация. Анализ. Выводы. М.: Детектив-Пресс, 2006. 640 с.
7. Мнацаканян А. Чечня 2003: политический процесс в Зазеркалье // Аналитический портал «ПОЛИТ.РУ» [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2004/05/18/shechnya/> (дата обращения – 06.09.2023).
8. Осмаев А.Д. Общественно-политическая ситуация в Чеченской Республике в 2004 г. // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Материалы Международной научной конференции. Часть II. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С.41–46.
9. Осмаев А.Д. О политическом процессе в Чеченской Республике в 2003–2004 годах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009 №2. С.60–64.
10. Осмаев А.Д. Процесс формирования органов государственной власти Чеченской Республики в 1999–2006 годах // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 3. 2009. №6. С.109–115.

11. Осмаев А.Д. Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру. Грозный, 2014. 550 с.
12. Постановление Правительства РФ от 13.07.2000 г. «О мерах по обеспечению деятельности Администрации Чеченской Республики» // Бизнес в России. 2000. 15 августа. №10. С. 1–2.
13. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. III. М.: Русь, 2002. 398 с., ил.
14. Указ Президента Российской Федерации от 04.07.2003 г. №729 «О выборах первого Президента Чеченской Республики» // Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/19666> (дата обращения – 06.09.2023).
15. Юнусова Т. Итоги // Информационно-аналитический журнал. Пресс-служба Правительства Чеченской Республики. Б/м., б/г. С. 1–6.

Революционеры поклоняются
будущему, но живут прошлым.

Николай Бердяев

Драматург: чревовещатель
души.

Станислав Ежи Лец

Человек – это то,
во что он верит.

Антон Павлович Чехов

Оптимизм – религия
революций.

Жан Банвий

Подлинное познание
человечества –
это познание человека.

Александр Поп

Дмитрий Маслов

**«...ВСЯКИЙ ПРАВИЛЬНО
ДУМАЮЩИЙ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН
БЫТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ»**

**ЧТО ПРИВЕЛО ВЛАДИМИРА
УЛЬЯНОВА В РЕВОЛЮЦИЮ:
ДИСКУССИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

93/94

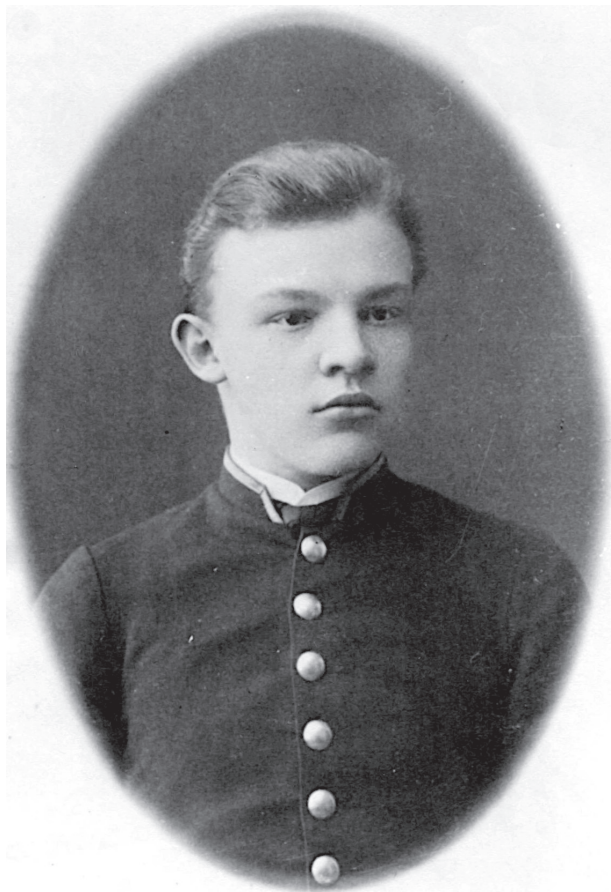
В статье рассматриваются факторы, способствовавшие трансформации В.И.Ульянова (Ленина) в революционера. Показано, что даже известные источники (прежде всего, воспоминания родных вождя) таят в себе определенные загадки и недоговоренности. Современная историография освободилась от штампов советского времени с ее довольно прямолинейной трактовкой пути Ленина в революцию, но страдает порой произвольным обращением с фактами. Применение методов психологического анализа, сопоставление источников, выявление политической позиции их авторов, времени, в котором создавались воспоминания, и другие методы направлены на уточнение тех условий и обстоятельств, с которыми связан уход Владимира Ульянова в революцию.

The article examines the factors that contributed to the transformation of V.I.Ulyanov (Lenin) into a revolutionary. It is shown that even well-known sources (first of all, the memories of the leader's relatives) are fraught with certain riddles and omissions. Modern historiography has freed itself from the cliches of the Soviet era with its rather straightforward interpretation of Lenin's path to revolution, but sometimes suffers from arbitrary treatment of facts. The use of methods of psychological analysis, comparison of sources, identification of the political position of their authors, the time in which memories were created, and other methods are aimed at clarifying the conditions and circumstances associated with Vladimir Ulyanov's departure into the revolution.

Ключевые слова: Владимир Ульянов (Ленин); революционер; Александр Ульянов; И.Н.Ульянов; А.И.Ульянова-Елизарова; Н.Г.Чернышевский; марксизм; биография; лениниана.

Key words: Vladimir Ulyanov (Lenin); revolutionary; Alexander Ulyanov; I.N.Ulyanov; A.I.Ulyanova-Elizarova; N.G.Chernyshevsky; Marxism; biography; Leniniana.

E-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

В.И. Ленин, 1887 г.

В неисчерпаемой литературе о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине, казалось бы, должны содержаться ответы на все вопросы его биографии. Тем не менее один из главных для историка вопросов – как юноша из Симбирска стал профессиональным революционером, а говоря иначе, вступил на тот путь, по которому пошли совсем немногие представители его поколения, остается до конца не проясненным. И если для писавших на эту тему в советское время такой проблемы могло и не существовать – кем же еще, по логике многих тогдашних авторов, мог стать Ленин, как не революционе-

ром, – то недостаточное внимание некоторых авторов современных биографий вождя к этому сюжету понять трудно. Ведь помимо необходимости более глубокого понимания личности Ленина и российской действительности конца XIX века в целом, исследование данного сюжета будет способствовать более глубокому пониманию тех механизмов, которые делают обычного гражданина ниспровергателем основ общества. А это актуально во все времена. Наша тема приобретает, таким образом, как теоретическое, так и практическое значение.

Изучение темы в нашем случае предполагает более тщательный анализ не только историографии, но и тех воспоминаний, авторы которых затрагивают интересующий нас сюжет. Несмотря на известность этих текстов исследователям, дальнейший анализ содержания воспоминаний остается актуальной научной задачей. В советское время ее решение исходило из представления о закономерности становления Владимира Ульянова как революционера. В период начавшейся в годы горбачевской «перестройки» критики Ленина интересующий нас сюжет либо вообще выпадал из поля зрения исследователей, либо освещался, главным образом, через призму субъективных факторов, что позволяло представить процесс ухода Ульянова в революцию как преимущественно случайный. Приближение к исторической правде в этом вопросе видится не только в применении известных методов источниковедения, в частности, сравнительного анализа содержания источников, но и элементов социально-психологического анализа, методов исторической реконструкции.

Основными вопросами заявленной темы можно считать следующие: кто и что повлияло на формирование революционных взглядов Владимира Ульянова? Когда он вступил на революционный путь? Есть в этой проблеме и еще один срез. Как известно, далеко не все революционеры – марксисты. Вопрос о том, почему Владимир Ульянов избрал именно это направление, тоже заслуживает внимания.

Краткий проблемный обзор историографии темы

Прежде всего рассмотрим, как решался поставленный вопрос в историографии, обозреть все многообразие которой, конечно, в одном очерке невозможно, почему и остановимся на сравнении показательных работ советского времени с современными. Сразу оговоримся, что в нашей статье будет опущено изучение вопросов об этнических корнях Ульяновых-Бланков. Этот сюжет приобрел особую остроту

на рубеже 1980–1990-х гг., когда некоторые авторы с непонятным самоупоением громогласно провозгласили известное, но замалчивавшееся ранее, – в жилах будущего вождя текла, оказывается, и еврейская кровь. Отсюда делались и весьма обязывающие выводы, например, о якобы нелюбви Ленина к русскому народу [см. образец подобной литературы: 22]. На сегодняшний день родословная вождя в основных своих линиях достаточно хорошо изучена вплоть до XVII века [см., напр.: 28]. Но главное не это. Справедливо задает риторические вопросы современный исследователь биографии Ленина: «Что, собственно, может быть "запрограммировано генами", национальной принадлежностью? Жестокость? Интерес к путешествиям? ...Ленин был продуктом этнического смешения, но сам себя не воспринимал таким образом, ...он считал себя русским» [11, с.40–41]. Автор этой статьи также отвергает версию о том, что в революцию Владимира Ульянова привели его этнические корни, считая рассуждения такого рода ненаучным шарлатанством.

Интересующая нас тема поднималась уже в прижизненных работах о Ленине, и единообразия в ее освещении не было. С одной стороны, появлялись биографии вождя, в которых весь его путь в революцию представлялся или подразумевался буквально предопределенным чуть ли не с пеленок. В некоторых ранних биографиях, как, например, под авторством партийного историка В.И. Невского, даже не возникал вопрос о том, что же привело Владимира Ульянова в революцию [18]. Современные лениноведы справедливо обнаруживают внеисторическую прямолинейность такого подхода, отмечая при этом, что в те же годы у части ленинских биографов (например, Г. Шидловского) проявлялось намерение получить объективную информацию от самого Ленина [2, с.67–69]. Но у вождя не находилось ни времени, ни желания содействовать такого рода намерениям [о незаконченной весной 1917 г. попытке такого рода см.: 29, с.5–6].

Советская лениниана уже вскоре после смерти вождя в целом шла магистральной дорогой, но с вариациями. Одной из таких вариаций стала попытка некоторых мемуаристов, повествовавших о юном Владимире Ульянове, подстроить реальные факты под идеализируемый образ вождя, представить ситуацию так, как было показано выше на примере написанного В.И. Невским текста. На недопустимость «подлаживания» к общеизвестному образу вождя уже вскоре после его смерти обращали внимание младшие брат и сестра В.И. Ульянова [10, с.334].

Постепенно в лениниане складывалась традиция объяснять уход Ленина в революцию влиянием гнетущей общественной среды, семейным воспитанием, а также личными качествами самого Владимира Ульянова. Приведем некоторые канонические представления того времени. Так, во втором издании краткой биографии Ленина (1955) было заявлено о «передовых взглядах» отца будущего вождя – Ильи Николаевича – и о том, что Мария Александровна стремилась воспитать в своих детях помимо прочих качеств некую «идейность» [15, с.5]. Уточнения, о каких именно «передовых взглядах» и какого рода идейности идет речь, в издании не содержится. В советской лениниане такой прием был довольно распространенным – читатели как бы по умолчанию должны были додумать недосказанное в «правильном» русле. К этому сюжету нам еще предстоит вернуться.

Далее в упомянутом издании повествование смещается на учебные дарования Володи Ульянова [15, с.5–6], что само по себе сомнений не вызывает, многократно подтверждено источниками разного происхождения и при этом не противоречит здравому смыслу (нестыковки с которым в советских биографиях Ленина не редкость). При этом опять же по умолчанию подразумевается, что люди с таким образованием и интеллектуальными данными не могли не пойти в революцию.

Издатели краткой биографии обращают внимание на то, что юный Володя Ульянов уже с детства общался «с людьми труда» разных национальностей, населявших Поволжье. Особо подчеркивалось, что юношей он наблюдал проявления недовольства и народного возмущения и «возненавидел классовый и национальный гнет» [15, с.6]. При этом отсутствовали ссылки на источники, подтверждающие такие факты.

Особое внимание советская лениниана уделяла вопросу об усвоении Ульяновым революционных идей. Утверждалось, что уже в юности Владимир прочел «все лучшее, что было в революционно-демократической литературе России» и в 14–15 лет осилил роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?» А в 1885–1886 гг. Владимир Ульянов «начал знакомиться» с «Капиталом» К.Маркса, который привозил с собой на каникулы его старший брат Александр [15, с.6–7]. В библиографическом обзоре «Биографической хроники» Ленина уже после выхода за рубежом работ Н.Валентинова, оспорившего факт раннего знакомства Владимира Ульянова с «Капиталом», утверждалось лишь, что в указанные приезды Александра на каникулы Влади-

мир лишь «впервые увидел» данный труд Маркса, читал и конспектировал его первый том зимой 1888 г. [25, с. 11].

Поднимался в советской литературе и вопрос о роли старшего брата в формировании революционности Владимира. Но решался он, как ни странно для советского периода, с различиями в нюансах. Так, авторы цитируемой «Краткой биографии» полагали, что Ленин был настроен революционно уже в старших классах гимназии. В доказательство обычно везде приводится раздраженная фраза директора гимназии Ф. М. Керенского (примечательно, что имя отца будущего премьера Временного правительства в этом случае не упомянуто), которую он произнес, возвращая Владимиру Ульянову сочинение: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, причем это тут?» [4, с.23]. Согласно логике «Краткой биографии», казнь старшего брата лишь «еще более укрепила решение Ленина идти по революционному пути» [15, с. 7].

В биографии 1960 г. прослеживалась попытка исторического подхода к формированию Владимира Ульянова как революционера. Отмечалось, что мировоззрение Ленина в первый период его юности складывалось «под влиянием семейного воспитания, примера родителей, под воздействием революционно-демократической литературы и соприкосновения с жизнью народа»; признавалось и влияние старшего брата Александра [5, с. 6]. Более или менее подробно и доказательно раскрывается лишь роль старшего брата, но и в этом случае оставались недоговоренности. Факторы же, перечисленные первыми, сколь-нибудь убедительными свидетельствами не подкреплены. Декларативным выглядит утверждение авторов Биографии о том, как юный Володя Ульянов «пристально наблюдал жизнь», «видел, в какой нужде жил народ, какому гнету и эксплуатации подвергались рабочие и крестьяне», общался «с людьми труда» и при этом еще особо выделял угнетенное положение нерусских народов [5, с. 7]. Непонятно также, из каких источников следовал вывод о том, что чтение революционно-демократической литературы пробуждало в Ульянове ненависть к общественно-политическому строю царской России [5, с. 8].

Что же касается влияния старшего брата, то в этом случае советские историки отвергали жесткую связь между казнью Александра и уходом в революцию Владимира. Так, в Биографии 1960 г. отмечалось, что казнь брата лишь «укрепила» революционные взгляды Владимира [5, с. 9]. Однако из текста этой не самой краткой биографии вождя так до конца и непонятно, когда и под влиянием каких

конкретных обстоятельств сформировались революционные взгляды Владимира Ульянова. Неясно также и то, каково было содержание этой революционности (если даже признать ее существование), ведь к революционерам, как известно, уже тогда относили себя представители самых разных направлений – анархисты, марксисты, сторонники индивидуального террора и пр.

В российской эмигрантской, а затем и в части постсоветской ленинианы акцент смещается на субъективный фактор – казнь старшего брата Александра, а уход Владимира Ульянова в революцию отодвигается на более позднее время. Градус «запрограммированности» этого ухода резко снижается.

Поиски того рубежа, за которым Владимир Ульянов стал тем, кто известен всему миру как Ленин, лежат в интервале с детских лет до конца 1890-х гг. В официальной советской лениниане Ленин считается революционером с 1887 г., когда в декабре он участвовал в студенческой сходке Казанского университета и был из него исключен; начало же этого пути обозначено как «ранняя юность» [см., напр.: 6, с.7–12]. Н. Валентинов счел несерьезными попадавшие в советской литературе сведения о том, что Володя Ульянов уже в семь лет «страстно декламировал стихи о богачах и бедняках» [3, с.398]. Сам Валентинов, обстоятельно занимавшийся биографией Ленина, считал проведенный Ульяновым после отчисления из университета год в Кокушкино важнейшим периодом в формировании Ленина, временем «начального превращения» Владимира Ульянова в Ленина [3, с.440]. Валентинов пытался восстановить по памяти ненайденный источник – запись 1919 г. В.В.Воровским рассказа Ленина (1904 г.) о том, как он стал революционером. Согласно записи, Ленин, с его собственных слов, стал революционером еще до знакомства с марксизмом – под влиянием Н.Г.Чернышевского (что, по Валентинову, противоречит официальным советским биографиям вождя). В тексте Валентинова есть указание на небольшой эпизод, свидетельствующий, что даже в 1891 г. Ленин еще не был «стопроцентным» марксистом и искал контакты с российскими революционерами бланкистского типа [3, с.82].

Автор новейшей биографии вождя Б.Соколов не указывает событие или момент времени, с которых Ульянов может считаться революционером. Этот автор биографии даже не упоминает о влиянии Чернышевского на молодого Ульянова, а главу о начале революционной деятельности В.Ульянова начинает с 1893 г. [21, с.47]. 1893 год назван

временем «приобщения» Владимира Ульянова к классовой борьбе и в книге Э. Каррер д'Анкосс [14, с. 23]. Фактически сходкой в Казанском университете отмечает начало революционного пути Ульянова авторитетный его биограф В. Т. Логинов [17, с. 68]. Л. Данилкин аналогичное мнение выразил категорично: казанская сходка, а не казнь брата стала «точкой невозврата ульяновской карьеры» [11, с. 53]. В. Никонов таким поворотным событием считает казнь Александра Ульянова в мае 1887 г. [19]. Таким образом, этот краткий обзор показывает, что в научной литературе вопрос о времени и факторах формирования В. И. Ленина как революционера решается по-разному, нередко без серьезных обоснований. При этом В. Т. Логинов подчеркнул в интервью 2020 г., что «фактически никаких предрасположений у Ленина к революционной деятельности не было; когда говорят, что он чуть ли не с детства читал Маркса, – это все неправда» [8].

Проанализируем далее те факторы, которые чаще всего называются в числе тех, что влияли на формирование революционных взглядов Владимира Ульянова.

О роли родителей и семейного воспитания

Вопрос о формировании Владимира Ульянова как революционера обсуждался еще при жизни сестер, брата и вдовы вождя. Это вполне естественно, учитывая, что все дети из этой семьи (за исключением умершей в молодости Ольги, а также двух умерших в младенчестве детей) ушли в революцию.

Первая загадка здесь – содержание общественно-политических взглядов родителей Владимира. Источники не дают четкой картины. Единства в этом вопросе не было даже в самой семье Ульяновых. Так, без сомнения, имевшая наиболее полное представление по данному вопросу старшая сестра вождя Анна Ильинична Ульянова-Елизарова в опубликованных воспоминаниях вообще не упоминает об общественных взглядах родителей, отмечая лишь, что «семейная обстановка и условия воспитания были очень благоприятны для развития ума и характера детей» [10, с. 17–19]. Понятно, что ум и характер – это еще необязательно про революцию.

Рецензируя один из первых сборников воспоминаний о Ленине, изданный к годовщине его смерти, А. И. Ульянова-Елизарова отвергла сведения об отце как человеке, якобы часто дебатировавшем на революционные темы с сыновьями Александром и Владимиром, и со-

общила, что в их доме такие споры вообще не велись [10, с.292]. Это опровергает воспоминания некоторых из тех, кто близко знал Ульяновых в Симбирске, например, учительницы В.Кашкадамовой, свидетельствующей о том, как Владимир мог спорить с отцом на общественно значимые темы [13, с.191]. Со слов Анны Ильиничны, «...отец, не бывший никогда революционером, в эти годы, в возрасте за 40 лет, обремененный семьей, хотел уберечь нас, молодежь. Поэтому же, вероятно, следующим детям он никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал». И.Н.Ульянов был против террора [13, с.205]. Но в таком случае выходит, что Владимир от отца получил еще меньше заряда общественных идей, чем Александр, но тем не менее ушел в революцию.

Более откровенно высказалась Анна Ильинична на заседании комиссии по реставрации Дома-музея Ленина в Ульяновске 16 июня 1929 г.: Илья Николаевич «был либералом, но революционером никогда не был». Правда, как далее она сообщила, отец научил старших детей «революционным песням» и «все же давал детям направление», но оба старших сына «пошли дальше» [10, с.301–302]. В письменных ответах на вопросы Дома-музея Анна Ильинична добавила об отце, что он либерал, «мирного направления народник». Даже прогрессивный журнал «Современник» скорее, по ее мнению, подходил для шкафа старшего брата Александра, но не для родительских комнат [10, с.306].

Однако младший из братьев Ульяновых, Дмитрий Ильич, в своем недатированном письме отметил, что рассказы отца об итогах его объездов губернии, о крестьянских детях в совокупности с тем, что его родным детям было известно об условиях жизни простых людей, настраивали мысли юных Ульяновых «на гражданские, а потом и революционные мотивы». И если Анна Ильинична припоминала, что отец указал Александру на стихотворения Н.А.Некрасова «Размышления у парадного подъезда» и «Песня Еремушке», то Дмитрий Ильич предположил, что Илья Николаевич не мог не дать таких рекомендаций и другим детям, в т. ч. и Володе [10, с.319–320]. Определяя тех, кто в семье оказал влияние на Владимира, Д.И.Ульянов называет обоих родителей и брата Александра.

Нетрудно заметить, что Дмитрий Ильич, явно знавший отца хуже, чем его старшая сестра Анна Ильинична, тем не менее о его влиянии на Владимира говорит более решительно. К тому же письмо Д.И.Уль-

янова писалось, как следует из текста, в последний период его жизни, когда он находился на лечении в Горках.

Д. И. Ульянов критиковал известную исследовательницу биографии Ленина М. С. Шагинян за ее фразу об Илье Николаевиче о том, что тот не был политиком. Дмитрий Ильич полагает, что точнее было бы сказать, что отец не был революционером. В обоснование своей критики Д. И. Ульянов приводит фразу Ильи Николаевича из романа Шагинян с осуждением самодержавия, держащего народ в забитости [10, с.321–322].

Даже если не принимать во внимание то, что Д. И. Ульянов обосновывает свой вывод фразой из романа – произведения художественного – и не приводит на этот счет собственных воспоминаний, возникает сомнение, можно ли считать политиком человека, всего лишь высказывающегося на политические темы.

Несколько позже Д. И. Ульянов, положительно оценив выход 1-ой части романа М. Шагинян «Семья Ульяновых», установил прямую связь между доставшимися в наследство от отца личными качествами Владимира (например, умение чувствовать человека) и их ролью в успехе его революционного дела [10, с.325].

Самая младшая из Ульяновых, Мария Ильинична, в воспоминаниях об отце, подготовленных в начале 1930-х гг., находила влияние на него «лучших идей» рубежа 1860–1870-х гг. и полагала, что отец не мог быть глух к освободительному движению. И все же И. Н. Ульянов, по ее мнению, был из числа «мирных культурных работников» [24, с.191]. М. И. Ульянова однозначно высказывалась в том духе, что отец не был революционером, а свидетельств о его отношении к современной ему революционной молодежи слишком мало. М. И. Ульянова была уверена, что отец знал о революционных настроениях старшего брата Александра. Приводимый ею отрывок из воспоминаний Д. И. Ульянова содержит информацию о напряженном разговоре Ильи Николаевича и Александра летом 1885 г. в Симбирске. Суть разговора Дмитрию не была понятна, но впоследствии он предположил, что разговор шел на политические темы и не был единственным для собеседников [24, с.219–220]. Довериться этим свидетельствам мешают следующие основания. После лета 1885 г. отец и старший сын Ульяновых уже не встречались. Следовательно, если и были еще встречи с соответствующими беседами, то они проходили либо тогда же, когда Александр Ульянов находился дома на каникулах, либо еще раньше. Однако, по крайней мере до лета 1886 г., Александр

мало интересовался общественными вопросами и не имел твердых политических взглядов, отдавая (и не без успеха) свое время учебе и научным занятиям [20, с.177, 190–191; 28, с.289–291]. Поэтому, если верить Д.И. Ульянову, не совсем понятно, что в политическом плане настораживало в старшем сыне Илью Николаевича в 1885 г. и тем более раньше. Вот почему приведенные выше воспоминания старшей сестры вождя вызывают гораздо большее доверие, чем воспоминания младшего брата. Остается лишь догадываться о тех мотивах, которые побудили Дмитрия Ильича удревнить революционную биографию своего брата вопреки не только фактам, но и здравому смыслу. Можно предположить, что он стал четко следовать линии, все больше утверждавшейся в официальной лениниане с 1930-х гг.

Информацию о том, как постепенно «политизировался» облик И.Н. Ульянова дает писательница М.С. Шагинян. Она сообщает о замечании, сделанном в ее адрес Н.К. Крупской по поводу черновика первого варианта «Семьи Ульяновых». Вдове вождя показалось некорректным утверждение Шагинян о том, что Илья Николаевич «не был политиком, не имел вкуса к политике». Крупская полагала, что сказать так можно, но это будет противоречить истине и написанному самой Шагинян. Такое замечание само выглядит противоречивым, но далее Крупская поясняет, что в 1860-е гг. под «политикой» понималось не то, что позже. Нельзя также, по ее мнению, считать 1870-е гг. периодом революционного затишья, революционное движение «пошло только другими путями, в других формах». М.С. Шагинян восприняла эти замечания и как указание на то, что историю семьи Ульяновых надо писать в контексте не биологического, а историко-социологического фактора [26, с.363–364]. Учитывая, что, как сообщает та же Шагинян, без одобрения ближайших родственников вождя ни одно слово в печать не пропускалось, становится понятной особая значимость замечаний, подобных приведенному выше. «Социологизация» образа Ильи Николаевича, как представляется, со временем усиливалась, что призвано было укрепить представление о закономерности того, что Владимир Ульянов стал революционером. При полностью аполитичном отце объяснить это «превращение» было более затруднительно.

Большинство биографов Ильи Николаевича отмечали немало его положительных качеств, привитых Владимиру. Так, в предисловии к биографии Ильи Николаевича (1963) А.И. Иванский пишет: «Илья Николаевич Ульянов имел большое влияние на Владимира Ильича.

Он воспитывал его добролюбивскими методами, учил зорко всматриваться в жизнь; вырабатывал в нем умение и к себе, и к своей деятельности подходить с точки зрения интересов дела; он привил ему большое благородство в элементарно житейском смысле этого слова. Очень многие из тех замечательных качеств, которые отличали характер, весь облик нашего незабвенного Ильича, были взлелеяны его отцом, Ильей Николаевичем... При изучении детских и юношеских лет нашего вождя нельзя было не обратить внимания на то, какое огромное, можно сказать, решающее влияние оказала на Владимира Ильича в эти годы семья, и прежде всего отец, Илья Николаевич Ульянов» [13, с. 5–6]. Понятно, однако, что эти качества еще не определяют человека как революционера. Впрочем, если кто и мог оказывать на Владимира какое-либо влияние в детстве, то этим «агентом социализации», безусловно, могла быть именно семья и, прежде всего, родители.

Авторы Биографии (1960 г.) осторожно отмечали, что «И.Н.Ульянов был человеком для своего времени передовым, близким к идеям русских просветителей 60–70-х годов XIX века... был настоящим демократом» [5, с.2]. Примечательны в этой цитате оговорки – «для своего времени»; демократизм же упоминается в связи с частым и даже «дружеским» общением Ульянова-старшего с крестьянами. Но в целом и позднесоветская историография не приписывала Илье Николаевичу слишком радикальных общественных взглядов.

В постсоветской историографии вполне обоснованной в вопросе о роли отца в воспитании Владимира Ульянова представляется позиция многими критикуемого как «антиленинца» Д. А. Волкогонова. Называя выдумками сведения о революционном влиянии на детей Ульяновых «песен Некрасова», якобы распевавшихся вполголоса в поле Ильей Николаевичем, Волкогонов пришел к выводу, что самым фактом создания в семье демократической обстановки, взаимного уважения формировалась благоприятная атмосфера и почва для того, чтобы «семена свободомыслия имели возможность прорасти, если бы они сюда попали... Нет, не Илья Николаевич "сделал" Ленина революционером. Но он и его жена воспитали у своих детей способность изменяться, чувствовать необходимость перемен» [9, с. 57]. Здесь важен факт того, что в революцию ушли почти все дети Ульяновых, и важно не только то, что происходило с Владимиром Ильичом.

Говоря «почти», автор имеет в виду Ольгу, не дожившую до двадцати лет. Она не ушла в революцию – не успела или не собиралась? Сведения для ответа на этот вопрос противоречивы. С одной стороны, она интересовалась литературой, которую обычно читали тогдашние будущие революционеры. В ее читательском «списке» были и произведения основоположников марксизма – но лишь в общем ряду с литературой вполне лояльного по отношению к строю содержания. На другой чаше весов ее стремление стать учительницей, что скорее соответствует биографической линии Ильи Николаевича [20, с.230–250]. Преждевременная смерть Ольги лишила исследователей дополнительной возможности поразмыслить над истоками революционности детей Ульяновых.

На наш взгляд, в вопросе о роли отца в формировании Владимира Ульянова не теряют значения мысли, высказанные М. С. Шагинян: «сравнительно короткая жизнь Ильи Николаевича вместила и эпоху великого подъема шестидесятых годов, и тяжелую пору реакции, упадка общественной энергии восьмидесятых. В атмосферу своей большой семьи Илья Николаевич внес исторические настроения: чувство счастья от потребности двигать вперед народную культуру, учить освобожденную от крепостничества крестьянскую молодежь – и нарастающую боль от невозможности это делать в условиях усиливающейся реакции. Эта атмосфера духовно питала революционное сознание всех детей Ильи Николаевича, – все они выросли революционерами...» [27]. Схожее суждение высказал не так давно в интервью В. Т. Логинов [8].

Что же касается роли матери будущего вождя в оформлении его общественно-политических взглядов, то таковая всегда рассматривалась как значительно меньшая, чем роль Ильи Николаевича. Поэтому лишь кратко упомянем, что младшие Ульяновы отвергали приписываемый Марии Александровне факт ее якобы значительного интереса к революции и увлеченности книгами о французской революции; тем более мать, по их наблюдению, не могла воспитывать в детях «уважение к революции» [10, с.335].

Подытоживая роль фактора семьи и, в первую очередь, родителей, в формировании Владимира Ульянова как революционера следует признать, что роль эта состояла не в том, чтобы направить детей в революцию, а в том, чтобы сформировать у них определенные качества, отчасти, как потом уже станет ясно, подходящие и революционерам. Попытки советской историографии представить Илью Николаевича

деятелем более радикальным, чем он на самом деле являлся, выглядят неубедительными. Но и перегибы историографии современной, в т. ч. и зарубежной, в которой встречается отрицание роли семьи Ульяновых в целом, также не соответствуют исторической правде. Обратимся к следующему фактору.

Фактор старшего брата

В антиленинской литературе и в общественном сознании встречается утверждение о том, что вся революционность Владимира – не более, чем месть за казнь старшего брата. Хотя даже не питающий симпатий к вождю Д.А.Волгонов полагал, что духовная атмосфера семьи Ульяновых создала предпосылки для революционизирования Владимира, а судьба старшего брата стала лишь «катализатором этого процесса». При этом Владимир Ульянов на момент казни брата не имел ясных взглядов на пути борьбы, но уже осознавал, что пути эти могут быть только радикальными, помноженными на волю к достижению цели [9, с. 58–59].

Влияние личности Александра Ульянова на Владимира признавали еще советская историография и мемуаристика, но, конечно, в известных рамках. Почти поэтизировала это влияние А.И.Ульянова-Елизарова следующей фразой: «Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира» [10, с.24]. Впрочем, ценны ее воспоминания по данному сюжету не этим. Она предприняла попытку показать непростые отношения братьев, не подлаживаясь под вскоре ставшей официальной формулу отношения Владимира к Александру «я как Саша».

Через послевоенные советские биографии Ленина красной нитью проходила мысль о том, что казнь брата лишь «укрепила» революционные взгляды Владимира [15, с.7; 7, с.8; 6, с.10]. Иногда советские лениноведы все же признавали «немалое влияние» «трагической судьбы любимого брата» на формирование Владимира Ульянова как борца с царизмом [25, с.12].

Что касается современной историографии, то автор новейшей биографии В.И.Ленина историк Б.В.Соколов, известный своим вниманием к советским вождям, «превращению» Ульянова в революционера уделил, по сути, всего одну фразу: «Ленин не простил самодержавию казнь брата и стал его непримиримым противником». После чего

следует информация о том, что в Казанском университете в 1887 г. Ульянов «впервые окунулся в политику» (правда, в биографии не пояснено, что под этим имеется в виду) [21, с.38, 40]. Понятно, что объем этой биографии – 320 страниц на всю жизнь вождя – едва ли располагал к более обстоятельным размышлениям на интересующую нас тему. Но остается непонятным, почему издатели этого труда выпустили его под рубрикой «самая полная биография». Л. Данилкин допускает, что казнь брата стала «событием-которое-все-объясняет» в биографии Ленина. При этом исследователь признает, что не существует документов, подтверждающих, что вся последующая деятельность Владимира Ульянова – «месть за Сашу» [11, с.43].

Любопытна логика рассуждений по данному сюжету Э. Каррер д'Анкосс. Она задается вопросом как бы от имени только что изгнанного из Казанского университета Владимира Ульянова: «Что читать тому, чей брат пал жертвой политической борьбы? Тому, кого подозревают в приверженности передовым идеям? Тому, кто в университете проникся социалистическими или анархическими идеями?» Для французской исследовательницы «ясно, к какому виду литературы по преимуществу обращался Владимир» (Маркс, Чернышевский) [14, с.22]. Очевидно, что для подобных выводов надежнее опираться на имеющиеся источники, чем вкладывать в уста Владимира риторические вопросы. Но и сама логика рассуждений Э. Каррер д'Анкосс выглядит безупречной: получается, что после казни брата Владимир с какой-то обреченностью обратился к революционной литературе (дескать, раз от меня ждут теперь чего-то революционного, этим и займусь). Но уж чем, а безропотностью Владимир Ульянов не отличался, что признавали его друзья и враги; он стремился не плыть по течению, а творить обстоятельства. К тому же из приведенных рассуждений французской исследовательницы непонятно, когда Владимир за считанные месяцы учебы в Казанском университете (с сентября по декабрь 1887 г.) успел проникнуться то ли социалистическими, то ли анархическими идеями (об этом еще пойдет речь).

Еще один автор современной биографии Ленина В. А. Никонов к вопросу о роли старшего брата в судьбе Владимира делает обширную теоретическую подводку. По его категорическому мнению, «ленинизм, да и все революционные традиции в России родились из чернильницы. Они вышли из-под пера русских литераторов и нескольких западных философов. Интеллектуальный слой в России появился довольно поздно и страдал множеством детских болезней. Обра-

зованная и остальная Россия не понимали друг друга, часто разговаривая – буквально – на разных языках – и редко даже пытались понять». С автором цитаты можно согласиться в том, что для России характерен определенный отрыв передовой интеллигенции от народа (причем не только для ленинского периода). Но, по сути, Никонов вообще отрицает наличие в России объективных предпосылок для революционного движения. Вся проблема, дескать, в головах небольшого количества ненормальных интеллигентов, не отделяющих книжное от реального. Так и слышится за кулисами совет Фамусова: «Забрать все книги бы да сжечь».

Пространные рассуждения по этому поводу Никонов подкрепляет ссылкой на разговор со своим дедом, В. М. Молотовым, сообщившим в свое время внуку о том, что революционером стал под влиянием художественной литературы, описывавшей страдания простого народа. Что ж, возможно, что для Вячеслава-деда единственным проводником в революцию стали книги. При этом не стоит забывать, что значимость русской литературы определялась не только «красотой слога», но прежде всего тем, что она активно откликалась на события и проблемы общественной жизни в условиях, когда другие легальные способы выражения оппозиционных мыслей блокировались властями. Но ведь кроме воспоминаний В. М. Молотова есть и другие свидетельства тех, кто в революционной среде имел немалый авторитет. Приведем прострannую цитату Андрея Желябова на суде: «Русские народолюбцы *не всегда* действовали метательными снарядами. В нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то *не мы тому виною*. Движение, *крайне безобидное по средствам своим, разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок*. Движение совершенно *бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное – было подавлено*. По своим убеждениям я *оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной*, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников» [курсив мой. – Д.М.]. А вот и Софья Перовская: «Кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходилось действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости...» (цит. по: 17, с.43–44). Позднее сам Ленин назвал заслугой Чернышевского то, что последний показал, что всякий правильно думающий и *действительно порядочный* человек должен быть революционером [курсив мой. – Д.М.]

[3, с. 500, 501]. Возможно, те, кто думал, как Ленин, заблуждались. Но современный историк не может не считаться с распространенностью подобного мнения среди части молодежи конца XIX века. В текстах Ленина мы найдем немало подтверждений того, что именно в конкретных условиях России рубежа XIX–XX вв. мирный, не-революционный путь прогресса заблокировала сама правящая элита своим нежеланием поступиться хоть чем-то. Убедительный ответ на подобные рассуждения можно найти, в частности, в работе отнюдь не «левого» исследователя Л. Данилкина, который, апеллируя к воспоминаниям рабочего-революционера И. В. Бабушкина, четко заявляет, что популярные ныне интеллектуальные попытки представить рабочий протест против существовавших в конце XIX – начале XX веков порядков исключительно как проявления «хама», «шарикова» являются собой не что иное, как «социальный расизм» [11, с. 118]. Можно сколько угодно «любить» или «не любить» революции и тех, кто их делает, но упорное игнорирование их объективной основы в России выглядит не более чем политической позицией.

Никонов далее с пафосом восклицает: «Уверен, идея мести за брата жила в Ленине всегда. Цель у него будет та же, что и у брата, – уничтожение династии Романовых. И он отомстит. Будет казнена вся родня Александра III, которая только окажется в руках у большевиков, включая двух его сыновей и пятерых внуков. Только это станет для Ленина лишь одной из целей, достижение которой должно предшествовать уничтожению капитализма и всей господствующей элиты. И добиваться этих целей он будет не собственными руками, начиная бомбы свинцом и стрихнином, а руками чужими, сплачивая все больше людей для самых радикальных действий» [19]. В этом выводе факты и документы автору заменяет собственная уверенность. Можно, конечно, предположить, что Ленин тридцать лет мотался по ссылкам и заграницам, а потом еще больше четырех лет возглавлял Советское правительство в тяжелейшие времена российской истории, и все это только для того, чтобы отомстить за брата. Такой ответ В. Т. Логинов, на наш взгляд, справедливо, называет «самым простым». Прислушаемся к аргументу опытного исследователя биографии Ленина: «А за кого мстила дочь петербургского генерал-губернатора Софья Перовская? Или орловский дворянин, генеральский сын Зайчневский? Или потомок старинного рода тверских дворян Михаил Бакунин? А Мартов и шестеро его братьев и сестер, выросших в достаточно благополучной семье?» [17, с.68]. От себя добавим и такой вопрос: а за кого мстил царскому режиму старший брат

Владимира, Александр Ульянов? Он тоже родился и вырос в благополучной семье, а в заговор против царя вступил в ситуации, когда впереди у него маячили более чем заманчивые научные перспективы и – между прочим – мстить ему было не за кого. Не отрицая в принципе роли личного фактора, В.Т.Логинов полагает, что одним из главных побудительных факторов участия в революции стали для молодежи конца XIX века «интеллектуальные веяния данного времени» [17, с.68]. И с этим трудно не согласиться, добавив, что эти интеллектуальные поиски сами стали следствием известных общественных процессов. В упомянутом выше интервью 2020 г. В.Т.Логинов не отрицает влияние фактора старшего брата, но в том смысле, что его трагедия доказала Владимиру Ульянову, что террор – это «ерунда» [8].

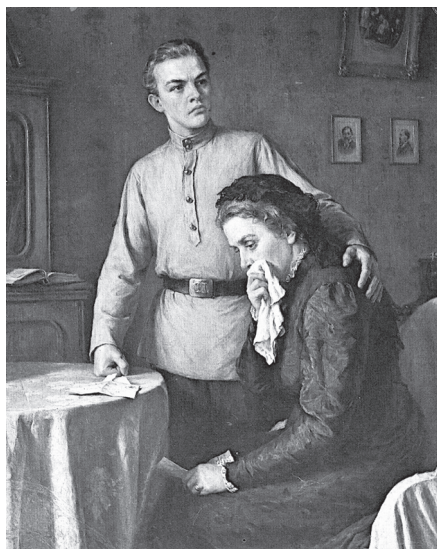
Много не только собиравшая материалы об Ульяновых, но и размышлявшая об их семье, М.С.Шагинян дала, на наш взгляд, психологически выверенную оценку роли отца и старшего брата Владимира Ульянова в формировании его общественной позиции. Рассуждая о том, что рядом с Лениным прошли две судьбы, которые «обожгли» его душу, Шагинян так определяет значение этих судеб: «Вот умер отец, веривший, что можно приносить пользу людям мирным и честным служением в рамках царского строя, – умер, видя развал труда всей своей жизни, ухудшение, а не улучшение жизни народа и, как итог, еще и плевков себе от того же царского строя. Вот погиб его брат, веривший, что можно смести этот строй жертвенным личным героизмом, путем уничтожения отдельных его представителей, погиб на эшафоте, – а самодержавие лишь укрепилось и стало еще реакционней» [26, с.253]. И с этой точки зрения уже не так важно, произносил ли Владимир Ульянов знаменитые слова про «другой путь»; ценнее то, что наглядный пример отца и старшего брата рано или поздно должен был подвести мыслящего молодого человека к реальному поиску этих самых «других путей».

В контексте сказанного представляется неправдоподобной ставшая в советское время канонической история с резюме Владимира Ульянова по поводу казни брата, сведенная в чеканную формулу «мы пойдем другим путем»¹. А ведь это один из ключевых для советской ленинианы эпизодов формирования вождя. Даже в некоторых советских биографиях Ленина можно найти логические противоречия в описании данного события. Так, в одной из них после канонической цитаты говорится о том, что «Владимир Ульянов *начал* [курсив мой. – Д.М.] поиски другого пути

¹ В оригинале звучит так: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти» [10, с.195].

освобождения трудящихся» [7, с.8]. Но если он после смерти брата только начал эти поиски, как он уже смог так уверенно произнести фразу о том, что идти надо другим путем?!

В современной литературе общим является то, что произнесение Владимиром данных слов прямо уже не признается. Исследователи разделились на тех, кто сомневается в данном факте, но допускает его существование (В. Никонов); на тех, кто его отрицает [2; иностранный исследователь Ларс Ли вообще называет эту историю анекдотом]; и, наконец, тех, кто о факте не упоминает вообще (В. Логинов). Опровергающие реальность данного факта в основном апеллируют к тому, что рассказавшей о нем Марии Ильиничне Ульяновой на момент произнесения слов про «другой путь» было лишь девять лет [2, с.83; еще раньше об этом писал Н. Валентинов, находивший к тому же приписывание В. Ульянову этих слов обидным для него самого, т.к. получается, по Валентинову, что Владимир в дни такого горя не нашел человеческих слов и взамен этого встал на еще неизвестные ему «марксистские ходули» – 3, с. 428]. Находим такой аргумент вполне убедительным, но считаем полезным дополнить его и анализом самого источника, породившего факт.

«Мы пойдем другим путем!» Худ. П.П.Белоусов. 1951

Таковым является речь М. И. Ульяновой на посвященном памяти только что умершего вождя заседании Моссовета 7 февраля 1924 года. Прежде всего обращает на себя внимание то, что текст, в целом, выдержан в стилистике траурных речей (о мертвом только хорошее) и носит явно назидательный характер. «Ильич» в речи выступает как человек, с ранней юности готовившийся к революции, много читавший, целыми днями напролет занимавшийся самообразованием, чутко относившийся не только к товарищам, но порой и к врагам и т. д. Показательно, что в речи несколько раз встречаются советы «учиться у Ильича». Таким образом, приведенный текст следует больше воспринимать как ритуальный и в меньшей степени как исторический источник. К тому же доверие к тексту подрывает сама автор, поведавшая слушателям неправдоподобную информацию о том, как Владимир уже в последних классах гимназии все время проводил за книгами, готовясь к революционной работе [24, с.43–45]. Как будет показано далее, круг чтения Ульянова в тот период был совсем иным. Примечательно также, что в очерке «Старший брат» М. И. Ульянова, отметив, что казнь Александра произвела на Владимира сильное впечатление, о словах про «другой путь» уже не упоминает [24, с.48], что обычно делается в отношении столь ярких фраз. Непонятно также, кому и с какой целью Владимир Ульянов мог говорить о «другом пути». Даже если представить, что он уже почувствовал себя к тому времени революционером, в его окружении не было в тот момент тех, для кого эти слова могли иметь какой-то смысл. Таким образом, есть серьезные не только психологические, но и источниковедческие основания считать сюжет про «другой путь» крайне маловероятным.

В биохронике приводятся сведения о встрече В. Ульянова после казни брата с его товарищем по Петербургскому университету И. Н. Чеботаревым [4, с.26]. Очевидно, что Владимир Ульянов расспрашивал Чеботарева не из любопытства; он еще только собирал информацию, которая должна была помочь определиться с траекторией собственного движения. Если бы Владимиром Ульяновым двигали только мотивы мести за брата, в таких расспросах не было бы особой необходимости: месть, как известно, слепое чувство.

Подводя итоги размышлений над фактором старшего брата, присоединимся к тем исследователям, которые, признавая этот фактор, рассматривают его как второстепенный по отношению к происходившим во Владимире Ульянове внутренним процессам. В каком-то смысле гибель Александра Ульянова и его товарищей не могла не под-

талкивать Владимира к поискам иных, не базирующихся исключительно на индивидуальном терроре, путей преобразования строя. Одним из таких путей в контексте общей атмосферы идей того времени не мог не оказаться и марксизм. Но для того, чтобы понять, как молодой Ульянов осуществил этот переход в своем духовном развитии, обратимся к следующему фактору его эволюции.

Книжный шкаф В.И. Ульянова

Кто и какое бы влияние ни оказывал на Владимира Ульянова, изучение формирования его как революционера обязательно выводит

исследователя на круг чтения будущего вождя. Родные Владимира Ильича дали такую информацию. Д. И. Ульянов обращает внимание на то, что «в годы Кокушкина» (т.е. после исключения из университета в конце 1887 г.) Владимир увлекался Гоголем и Тургеневым, а в раннем детстве «литературой об освобождении негров от рабства», в частности, знаменитой повестью Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» [10, с.328].

Лениниана советского времени и в этом случае проводила идею о весьма раннем интересе Ульянова к революционной литературе. Иногда это давалось в редакции, не позволяющей и сегодня уличить авторов советских биографий вождя в искажении фактов. Так, в разных биографиях утверждалось, что Владимир Ильич впервые увидел «Капитал» К.Маркса у старшего брата во время последнего приезда Александра в Симбирск [см., напр., 5, с.6]. Ни к чему не обязывающее «увидел» вовсе не свидетельствует даже о малейшем интересе Владимира к этому труду на тот момент. Утверждалось также, что юный Владимир Ульянов «впитал в себя революционный дух произведений В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.Г.Чернышевского, Д.И.Писарева и Н.А.Добролюбова», не говоря уже о русской классике XIX века [5, с.7–8].

Дотошно восстанавливавший круг чтения Владимира Ульянова Н.Валентинов пришел к выводу, что до весны 1887 г. библиотека вождя не давала никаких оснований заподозрить в нем будущего революционера. Валентинов обстоятельно изучил повышенный интерес Владимира Ильича к Тургеневу, причем к тем вещам последнего, которые могли только разочаровать в революции и революционерах. Чернышевского с его «Что делать?» юный Ульянов в 14 лет не понял, увлекшись им лишь после казни брата. Обстоятельный разбор тек-

стов Чернышевского привел Валентинова к выводу о том, что юного Владимира Ульянова привлекла в нем идея избранности революционеров, их право стать над массой, быть беспощадным в своей готовности идти до конца. Однако В. Т. Логинов убедительно показал несостоятельность такой «реконструкции» взглядов Ульянова. Корни упрощенчества, в которое впал Валентинов, по Логинову, в том, что проигнорированы взгляды Чернышевского, например, о насилии, которое он вовсе не выставлял в качестве идеального инструмента истории [17, с. 72–74].

Ленин послал Чернышевскому письмо [5, с.12], конечно, ненайденное. Но странно, что практически никто из биографов на этом факте не останавливается. А ведь для понимания генезиса Ульянова этот факт что-то значит. О чем мог написать Чернышевскому его новый поклонник? Какова была цель такого письма? Любые ответы на эти вопросы будут не более, чем предположением. Но если Владимир Ульянов не удовлетворился опубликованными текстами Чернышевского, значит, что-то хотел еще уточнить, понять, осмыслить. И значит, духовная эволюция Ульянова еще была далека от завершения.

Мысль Валентинова о решающем значении Чернышевского и его романа «Что делать?» на формирование В. Ульянова как революционера оспаривал М. Вишняк, отмечавший, что Чернышевский стал интересен Ленину лишь после казни брата, от которой он и получил «главный революционный заряд». По мнению Волкогонова, критикуя друг друга, Валентинов и Вишняк приходят к общему выводу: «Чернышевский стал для Ленина Иоанном Крестителем благодаря трагедии с братом Александром» [9, с. 69]. Таким образом, в анализе пути Ленина в революцию в литературе уже давно наметился синтез различных факторов.

«Капиталом» же К. Маркса Ленин всерьез занялся лишь в 1889 г. [3, с. 403 и далее]. Советская историография придавала большое значение участию Владимира Ульянова в марксистском кружке Н. Е. Федосеева после Кокушкино, в связке с чем упоминается и приобщение Ульянова к марксистской литературе [6, с.13 и далее].

«Ввод в познание марксизма» молодого В. Ульянова, по Валентинову, состоялся не казанской сходкой и даже не участием в кружке (кружках) Н. Е. Федосеева [Валентинов, а вслед за ним Л. Данилкин – 11, с. 70, ставят это участие под сомнение]. Это произошло под влиянием оказавшегося в руках Ленина составленного Федосеевым

каталога марксистской литературы, и произошло это в 1889 г. [3, с. 493–495].

Роль Федосеева в формировании взглядов Ульянова, по большому счету, до конца не ясна. Известно, с каким огромным уважением Владимир Ильич всю жизнь относился к своему казанскому учителю марксизма. Но пересечение их жизненных путей было очень кратковременным. Теоретиком марксизма Федосеев не был, что при отсутствии их личного знакомства делает отношение Ленина к Федосееву еще более загадочным. Впрочем, В. Т. Логинов называет и гораздо реже встречающиеся в современной лениниане фамилии тех, кто приближал юного Ленина к марксизму, – М. П. Четвергова, М. Л. Мандельштама [17, с. 79–81]. Логинов согласен с Валентиновым в том, что есть все основания доверять сделанному в 1904 г. признанию самого Ленина в том, что марксистом он «начал делаться» с 1889 г., с усвоения 1-го тома «Капитала» К. Маркса и «Наших разногласий» Г. В. Плеханова [3, с. 186; 17, с. 83]. В этом случае стоит обратить внимание на то, что «начал», из чего следует, что и переход к марксизму явился для Ленина не одномоментным событием, а занявшим определенное время процессом. Есть основания полагать, что только к моменту написания первых своих известных работ против народничества Владимир Ульянов окончательно и прочно встал на позиции марксизма. Поэтому не следует считать удивительной возможность посещения Ульяновым еще в конце 1880-х гг. народнических кружков, чего никак не хотела признавать советская историография. Тем более, что известна фраза Ульянова о том, что многие будущие революционеры-марксисты первоначально преклонялись перед «героями террора».

Л. Фишер полагал, что идеи народовольцев оказали большое влияние на мировоззрение Ленина. Р. Кларк считал, что Ленин никогда не отказывался полностью от идеи террора. Один из первых советских биографов Ленина П. М. Керженцев отмечал, что формирование Ленина как революционера стало особенно интенсивным после его знакомства с литературой, издававшейся группой «Освобождение труда». Вместо бесконечного анализа точек зрения различных исследователей на истоки идейного формирования Ленина Волкогонов предлагал « послушать » самого вождя, который так прореагировал на попытку К. Радека просмотреть сборник ленинских текстов 1903 года: «Очень интересно читать, какие мы были дураки». Волкогонов интерпретирует ленинскую шутку диалектически: «то, что

кажется незыблемым, вечным, непреходящим вчера, сегодня может менять тона, окраску, а иногда и вектор движения» [см. 9, с. 64–65].

Борьба различных идейных начал в молодом Владимире Ульянове на ранних ее этапах прослеживается в основном на воспоминаниях знавших его в те времена. Начиная с самарского периода, сам Ульянов дает информацию о себе своими работами. Посмотрим, что можно извлечь из них для уяснения интересующего нас вопроса.

Если сравнивать две из них, основы которых были подготовлены практически в одно время – «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» (1893) и «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» (1894), то непросто поверить, что они написаны одним человеком. Обе эти работы советская ленинистка преподносила как удар молодого марксиста по народничеству. Такая характеристика вполне уместна для работы о «друзьях народа». Здесь уже тот автор, который вскоре войдет в историю как Ленин – страстный полемист, не лезущий за словом в карман и не щадящий своих оппонентов. «Новые явления хозяйственной жизни...» выглядят на этом фоне слишком академично, не содержат ни единого персонального упрека в адрес народников и напоминают скорее добросовестный реферат книги Постникова, выдержки из которой занимают едва ли не большую часть текста работы, с немногочисленными собственными комментариями. Впечатление такое, что Ульянов уже осознает историческую неправоту народничества, но еще не стремится поставить на нем жирный крест. Это не просто стиливые различия, за ними просматривается, на наш взгляд, развертывающаяся перед нами от первой работы к следующей ускорившаяся в 1893–1894 гг. эволюция Владимира Ульянова в сторону марксизма.

Но чем привлек Ульянова именно марксизм? Ведь отказ от народничества еще не вел автоматически к марксизму.

В. Т. Логинов со ссылкой на воспоминания Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой сформулировал мотив интереса Владимира Ульянова к марксизму как «ощущение постижения им "великой истины"» [17, с. 83]. Л. Данилкин считает, что не будет преувеличением назвать действие марксизма на молодого Владимира Ульянова «наркотическим». Марксизм не только объяснял, по каким законам общество живет и может быть изменено, но и дает «рычаг», способный мир изменить быстро, при жизни воспользоваться плодами революции [11, с. 76]. Близок к таким выводам и Д. Волкогонов, полагавший, что «сильный интеллект молодого Ульянова, располагавший уже весь-

ма богатой научной информацией, искал одну, универсальную, все объясняющую схему человеческого бытия» [9, с. 73]. То, что марксизм буквально завораживал многих молодых людей того времени своим рационализмом и видением перспектив, сегодня общепризнано. Не случайно дань ему отдали и те, кто впоследствии порвал с этим учением.

Однако наиболее понятное объяснение интереса Ленина к марксизму дал, как представляется, сам Владимир Ильич уже в своих первых работах. Изучение объемной работы «Что такое друзья народа...» показывает очень высокую частоту употребления слова «наука» и производных от него при выделении Ульяновым сильных сторон марксизма в сравнении с конкурирующими социальными учениями. Прочитируем хотя бы такую фразу, выделив в ней искомое слово: «Теперь – со времени появления "Капитала" – материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а **научно** доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки **научно** объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации,... другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в "соответствующие факты", как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго **научном** объяснении ее, – до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки» [16, с. 139–140]. Четыре раза в одном, хотя и не кратком, предложении! И это не считая других маркеров научного знания, в изобилии рассыпанных в рассматриваемом тексте – «понятие», «анализ», «изучение», «гипотеза» и т. п.

Тем не менее нельзя согласиться с упомянутыми выше исследователями, полагающими, что Ленин изначально нашел в марксизме «теорию, которая все объясняет». В той же работе о «друзьях народа» Ленин эмоционально обрушивается на представителя народничества Н. К. Михайловского за то, что тот попытался выставить марксизм теорией, объясняющей «все прошедшее человечества». Ленин называет такую попытку Михайловского «сплошной фальшью» и в противовес ей отмечает, что марксистская «теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой» [16, с. 143]. Из этой полемики можно сделать вывод, что Ленин искал и нашел именно в марксизме единственно научную, по его мнению, на тот момент теорию, которая объясняла причины «язв» современного Ленину и потому интересующего его капитали-

стического общества и указывала на объективную неизбежность их искоренения. Теорией, которая «все объясняет», марксизм объявили уже в советское время, и Ленин виноват в этом едва ли больше, чем многие его последователи.

Что касается отношения Владимира Ульянова к «смежным» теориям, в частности, к народничеству, то очевидно, что таковое не сразу сформировалось таким критическим, каким мы его застаем в работе о «друзьях народа». Примечательно, что и в советской лениниане, и в современной литературе приводятся факты интереса Владимира Ульянова в самарский период его биографии (1889–1893 гг.) к идеям и представителям народничества [4, с.47]. В. Т. Логинов, рассказывая о контактах Ульянова с народниками и о претензиях последних к «марксятам», отмечает, что Владимир Ильич отвечал, стараясь не обидеть «стариков» (народников) [17, с.87]. Есть основания усомниться в подобной трактовке ульяновской обходительности. Пройдет не так много лет, и он будет в пух и прах громить своих оппонентов (со «стариков»-народников как раз и начнет), не особо выбирая выражения. Но если предположить, что марксистские взгляды Владимира Ульянова, по крайней мере, в начале самарского периода еще не окрепли, то его уважительное отношение к народникам становится понятным.

Приводимое В. Т. Логиновым донесение самарских жандармов от 4 мая 1889 года [17, с.84] свидетельствует о полицейском надзоре в большей степени за старшей сестрой Владимира и Марком Елизаровым, чем за самим Владимиром, упоминаемым в документе, что называется, всуе.

Участие Владимира Ульянова весной 1890 г. в дебатах по вопросу «существует ли "абсолютное благо" на все случаи жизни и на все времена?» [17, с.90] к марксизму относится не в большей степени, чем к любой другой философии. Все же самарский период можно считать временем, когда марксистские идеи в сознании Владимира Ульянова взяли верх над народническими. Доказательство тому то, что значительная часть направленной против народников работы Ленина «Что такое друзья народа...» написана им именно в этот период [17, с.103–104]. И все же не случайно А. И. Ульянова-Елизарова подметила в воспоминаниях, что Самара не могла дать брату пищи для ума [10, с.35], из чего можно заключить, что еще не все вопросы теории марксизма Владимир Ульянов для себя разрешил. Тем не менее старшая

сестра вождя утверждала, что именно в Самаре окончательно сложилась «революционная физиономия» ее знаменитого брата [10, с. 34].

Текущие события ускоряли складывание этой «физиономии». В этом плане исследователи (В. Логинов, Л. Данилкин) отмечают роль голода 1891–1892 гг., усилившего противостояние марксистов и народников [11, с. 73; 17, с. 94–104].

Однако часть исследователей не склонна преувеличивать значение самарского периода для изучаемого здесь процесса. Так, Элен Каррер д'Анкосс и для 1895 года находит взгляды В. Ульянова смесью народничества с марксизмом, а настоящую революционную биографию Ленина вообще отсчитывает лишь с весны 1898 г. [14, с. 70, 74]. В данном случае встает вопрос о терминологии – кого можно считать революционером. Если речь идет о взглядах, ставших основой мировоззрения, то об этом было сказано выше. Каррер д'Анкосс права лишь в том отношении, что к указанному ею периоду относится активная практическая деятельность Владимира Ульянова по реализации намеченных целей и серьезное реагирование на такую деятельность со стороны властей.

Давая общую оценку фактора литературы, формировавшей революционные взгляды В. Ульянова, следует окончательно отказаться от стремления представить будущего вождя чуть ли не с пеленок читающим марксистские тексты. Нельзя даже утверждать, что интерес к такого рода чтению складывался постепенно. Вплоть до 1887 года домашняя библиотека Владимира Ульянова никак не выдавала в нем грозу царского режима. Спровоцированный казнью старшего брата прелезом пробудил у Владимира интерес к литературе на общественные темы. Причем изучение «основоположников» марксизма стало приоритетным отнюдь не сразу – Владимир Ульянов читал, размышлял, искал ответы на возникающие у него вопросы. Приобщению Ульянова к марксизму способствовали и в какой-то мере случайные факторы, в частности, участие в федосеевском кружке и знакомство с его каталогом. Но главное здесь, как представляется, содержание марксизма, в котором молодой человек с вполне сформированным интеллектом и готовностью к действию обрел искомое. Таким образом, есть серьезные основания считать сильно обновившийся с 1887 года круг чтения одним из главных факторов формирования революционности Владимира Ульянова.

**Общественная среда
и собственное развитие
Владимира Ульянова**

Объективизм советской историографии не мог не отразиться на писаниях биографии Ленина. Непременно требовалось показать, что

сама реальность подталкивала молодого Владимира на путь революции. Так, типичным является такой пассаж из позднесоветской биографии: «...еще в ранней юности Владимир Ильич начал пристально вглядываться в окружающую его жизнь... Владимир Ульянов видел, в какой нужде жил народ, какому бесчеловечному обращению подвергались рабочие и крестьяне... Общаясь с людьми труда, он видел также, каким особенно бесправным и унижительным было положение нерусских национальностей... Сердце юноши наполнялось гжучей ненавистью к угнетателям народа» [6, с. 7–8].

Однако в воспоминаниях родных Владимира Ульянова, прежде всего, сестры Анны Ильиничны, мы не находим проявлений подобного интереса, наоборот, она всячески подчеркивает аполитичность среднего брата в доуниверситетский период. Симбирск на тот момент не был развитым в промышленном отношении городом, поэтому «сочувственно» наблюдать Владимиру, по крайней мере, за пролетариями, было затруднительно. Не случайно, что в современной историографии этот сюжет не пользуется популярностью. Приводимый в упомянутой биографии единственный известный ее авторам факт сочувствия Владимира к простому народу – его бесплатные занятия с чувашом Н. М. Охотниковым – едва ли может считаться достаточным доказательством тезиса об интересе к жизни простого народа. Но мы не должны становиться в позу исторического формалиста, который отвергает возможность факта лишь потому, что нет источников, его подтверждающих. Безусловно, какие-то картины народной жизни Владимир не мог не наблюдать (или узнавать от отца), но до поры не задумывался об их значении. Но у детской памяти есть такая особенность – запавшие в нее эпизоды в зрелом возрасте могут «всплыть» и навести на серьезные размышления. Учитывая наблюдательность и проницательный ум Владимира Ульянова, его умение «схватывать» детали, можно с большой вероятностью предположить, что изучение общественной жизни посредством чтения на каком-то этапе смогло опереться на непрочный каркас детских воспоминаний.

Если обратиться к фактам, которые призваны свидетельствовать о ранней революционности Владимира Ульянова, то наиболее эксплуатировавшимся в советской литературе являлся эпизод с его не-

сохранившимся сочинением в гимназии на тему «Причины благосостояния народной жизни», когда прозвучали слова «об угнетенных классах» в России. Тем самым юный Владимир Ульянов вызвал недоумение Ф. М. Керенского. Эпизод этот не так однозначен.

На данный факт неизменно указывали советские биографии вождя; получил он закрепление и в Биохронике [4, с.23]. В «Краткой биографии» (1955) единственно на основании этого факта содержалось утверждение о том, что «уже в старших классах гимназии Ленин был настроен революционно» [15, с. 7]. В «Кратком биографическом очерке» (1967) этот вывод звучал чуть мягче: у Ленина «чувствовалось революционное настроение» [7, с. 7]. Похоже оценивается этот факт и в двухтомной Биографии [6, с.8]. Примечательно, что за исключением Биохроники, датировка данного сочинения Ленина заменяется глухой отсылкой «однажды». К причинам такой неконкретности вернемся ниже.

Однако М. И. и Д. И. Ульяновы в рецензии на выпущенную в 1934 г. книгу воспоминаний о своем знаменитом брате категорически отвергли возможность того, чтобы Владимир подавал директору гимназии сочинение с фразой о том, что «монархический строй угнетает трудящихся» [10, с.336]. В Биохронике упоминается лишь о прописанном в сочинении существовании угнетенных классов [4, с.23]. Но кто же их угнетал, если не монархический строй?! Получается, что тем самым младшие Ульяновы поставили под сомнение один из ключевых фактов, призванных доказать раннюю революционность будущего вождя. К замечаниям Ульяновых доверия в этом случае больше, чем к официальным советским биографиям.

В современных же биографиях вождя факт сочинения об «угнетенных классах» встречается редко – В. Т. Логинов, Б. В. Соколов, Л. Данилкин, Э. Каррер, д'Анкосс этот факт вообще не упоминают без каких-то объяснений. Показательно и то, что факт с сочинением обходится вниманием и в антилениниане. Так, не упоминает о нем дотошно разбирающий мифы о Ленине Н. Валентинов (Вольский); не борется с этим фактом и современный «антиленинец» Е. Данилов. Либо упомянутые авторы не придают факту особого значения (что, на наш взгляд, не совсем понятно), либо не видят оснований в нем сомневаться.

Полагаем, что основания такие имеются и кроме приведенной выше позиции младших Ульяновых. Если обратиться к истории обнаружения этого факта, то мы увидим, что, по сути, единствен-

ным информатором явился одноклассник В. Ульянова по гимназии М. Ф. Кузнецов. Поведал он об этой истории уже после смерти знаменитого одноклассника, когда в стране начинал твориться культ Ленина. Вопрос не в том, что не сохранился текст ленинского сочинения об «угнетенных классах» – скорее было бы удивительно обратное – проблема в том, что этот факт не вписывается ни в цепочку текущих обстоятельств, ни в линию духовного развития Владимира Ульянова. Обратимся к фактам.

Согласно Биохронике, сочинение было написано 15 апреля (по ст. ст.) 1887 г. Но как раз в эти дни в Петербурге решалась судьба Александра Ульянова, арестованного по делу о цареубийстве и пока еще ожидавшего приговора. Семья Ульяновых уже имела эту информацию. Понятно, что в такой ситуации каждое неосторожное слово (тем более об «угнетенных классах») лишь снижало шансы на благополучный исход, на который в семье еще не теряли надежду и ради которого Мария Александровна Ульянова обивала пороги питерских приемных. Не понимать этого и сознательно вредить своей семье Владимир не мог. Известный советский исследователь биографии вождя Ж. А. Трофимов утверждал, что при написании сочинения Владимир сумел сдержать кипевшую в нем «ненависть к деспотически-эксплуататорскому строю» [23, с.144]. Однако доказательств такой ненависти не приводится, да и непонятно, откуда она могла взяться у юноши, до той поры особо не замеченного в интересе к общественным проблемам. Правда, указанный автор в подтверждение своего тезиса приводит тот факт, что директор гимназии Ф. М. Керенский в выпускной характеристике только на Владимира Ульянова не указал на отсутствие интереса ученика к социальным вопросам (в характеристиках на других учащихся такая фраза есть) [23, с. 150]. Факт, заслуживающий внимания, но сам по себе вовсе не означающий признания за Владимиром Ульяновым интереса у него к «социальным вопросам». Не исключено, что директор гимназии просто подстраховался, не включив в характеристику указание на отсутствие такого интереса, чтобы отвести критику в свой собственный адрес со стороны начальства (к Ф. М. Керенскому вполне мог возникнуть вопрос, почему его выпускник вынес из гимназии этот самый интерес к «социальным вопросам» – чем занимался директор и педколлектив?!), учитывая традиционную российскую любовь к поискам виноватых. Отрицать же наличие такого интереса Керенский также не стал, воз-

можно, не понимая еще, к чему придет дело старшего брата Александра Ульянова, и проявив тем самым разумную предусмотрительность.

Станным выглядит и еще один факт в связи с указанным сочинением Владимира – ему поставили за него «пятерку». Ж. Трофимов предположительно объяснил это тем, что Ф. М. Керенский расценил «крамольные» фразы про угнетенные классы «как произвольно заимствованные юношей из какой-нибудь либеральной газеты или журнала». В противном случае (т. е. видимо, если бы до таких мыслей додумался сам В. Ульянов) надо было бы доносить о происшедшем местным властям [23, с. 145]. Предположить такое можно, но с неменьшим основанием Керенский мог приписать эти мысли и самому ученику.

Таким образом, эпизод с сочинением про «угнетенные классы» представляется если и не выдуманным задним числом для удревления революционной «родословной» вождя, то, по крайней мере, вызывающим серьезные сомнения.

В контексте духовной эволюции Владимира Ульянова представляет интерес и факт его разрыва с религией, многократно описанный в мемуарной и научной литературе о Ленине и также относимый к гимназическому периоду. Пересказывать по этой причине эпизод, который можно условно назвать «срыванием креста с шеи», нет необходимости. Понятно, что атеистические взгляды сами по себе еще не указывают на общий революционный настрой их носителя. Очевидно, однако, что в случае с Владимиром Ульяновым эта связь присутствует.

Странно, что даже некоторые представители «антиленинианы» всерьез этим вопросом не заинтересовались. Так, А. Арутюнов вполне резонно ставит вопрос о том, как «сын почтенного и верующего человека (И. Н. Ульянова. – Д. М.) становится на антирелигиозный путь» [1, с. 335]. Предположив для начала влияние генов прадеда по материнской линии и даже потусторонних сил, Арутюнов приходит в итоге к «концептуальному» выводу: оказывается, по его мнению, Церковь выступала против насилия и террора в общественных отношениях, что никак, дескать, не устраивало поборника террора Ленина [1, с. 335]. Опровергая Арутюнова, нет смысла останавливаться на рассмотрении вопросов церковной доктрины, отнюдь не так однозначно трактующей проблему насилия. По Арутюнову выходит, что уже «срывая крест» в 16 лет, Владимир Ульянов проникся идеями необходимости насилия и террора, непонятно, каким образом запавшими в его душу.

Источником информации эпизода со «срыванием креста» стали воспоминания Н. К. Крупской, записанные со слов Ленина. Повторяет со ссылкой на Крупскую этот эпизод в своей современной биографии Ленина В. Т. Логинов [17, с.49]. Даже Анна Ильинична Ульянова, в силу возраста имевшая наиболее полное представление о детских и юношеских годах знаменитого брата, не смогла подтвердить указанный факт и сослалась опять же на Н. К. Крупскую [10, с.305]. Впрочем, возможно, А. И. Ульянова находилась в момент интересующего нас события в Петербурге. Во всех случаях источником информации был сам В. И. Ленин, но информации, дошедшей до читателя через третье лицо.

В антилениниане факт срывания креста горячо опровергается. Но показательно, что данный факт, по сути, поставила под сомнение еще М. С. Шагинян. Проанализировав сведения на этот счет, она еще в 1930-е гг. пришла к выводу, что Ленин «перестал верить в бога в год между смертью отца (январь 1886 года) и казнью брата (май 1887 года)» [26, с.222]. А ведь эпизод со «срыванием креста» имел место, согласно советской традиции, во время разговора Ильи Николаевича Ульянова с товарищем, т. е. еще при жизни отца Ленина. Тем самым Шагинян несколько отодвинула во времени разрыв Владимира Ульянова с религией, отметив при этом, что «никакие воспоминания современников не помогут нам проникнуть в рост и развитие ленинского сознания» так, как указанный ею интервал времени [26, с.222–223]. С обоими выводами писательницы трудно не согласиться.

В монографии Е. Данилова данный факт представлен как один из мифов о Ленине (правда, автор при этом оговаривается, называя факт скорее сомнительным, чем правдоподобным). Аргументы Данилова по этому сюжету, на наш взгляд, заслуживают внимания [12, с.32–34] (чего нельзя сказать по большинству остальных фактов ленинской биографии в его интерпретации). Но вне зависимости от оценки эпизода с крестом непреложным фактом остается действительно глубокий разрыв Ленина с религией. Очевидно, что это произошло примерно в одно время с формированием у Владимира Ульянова революционных взглядов. Едва ли переход к атеизму у юноши, рожденного в религиозной семье, мог стать одномоментным актом – скорее всего, это был процесс, охвативший какое-то время и даже имевший свои промежуточные этапы. Вопрос в том, было ли какое-то событие, ускорившее данный процесс. Вполне возможно, что Ленин рассказывал Крупской о таком событии. Но впоследствии под влия-

нием сложившегося в тридцатые годы канона к реальному событию были добавлены героические штрихи, призванные убедить в том, что даже разрыв с религией был у вождя не постепенным, а так сказать, одноразовым, революционным и даже не лишенным театральности. Это, конечно, лишь версия, но, как представляется, вполне укладывающаяся в условия среды, в которой вырос Владимир Ульянов.

Следующие общественно значимые для биографии Ленина факты принято связывать с его очень кратким пребыванием в Казанском университете. Если уж, согласно советским биографиям вождя, он уже с гимназии был чуть ли не революционером, тем более такая характеристика присваивалась Ульянову-студенту. Любопытно, что и некоторые современные исследователи, как, например, Ларс Ли, считают участие Ульянова в казанской сходке его первым шагом к «другому пути» [30]. Но уже М.И. и Д.И. Ульяновы камня на камне не оставляют от утверждений о Владимире Ульянове как «активнейшем революционере» Казанского университета и его «революционной деятельности» в его стенах. Участие в студенческом землячестве, по их мнению, еще не основание трактовать это как революционную деятельность; участие же в кружках революционной направленности авторы критикуемых ими воспоминаний никак не доказывают [10, с.336].

Н. Валентинов полагал, что после казни брата у Владимира было больше, чем у других студентов Казанского университета, «желания как-нибудь продемонстрировать против ставшего ему ненавистным царского правительства» [3, с.439]. Но в этом случае переход Ульянова от аполитичности к столь яркой «ненависти» выглядит не слишком правдоподобным. Действительно, против чего бунтовал Владимир на сходке в Казанском университете в декабре 1887 г.? Для советской историографии тут не было проблемы – конечно же, против общественного строя². Однако этот вывод также явным образом спроецирован на последующую биографию Ульянова. Очевидно, что кратковременность стачки, неразличимость в ней каких-либо вождей (в т. ч. и в лице В. Ульянова) не дают возможности выделить из общей совокупности требований индивидуальные взгляды Владимира Ильича.

² Подкрепляет такое объяснение еще один «красивый» факт из советских жизнеописаний Ленина о том, как он якобы выразил жандарму после ареста свое отношение к царизму: «стена, да гнилая, ткни – и развалится» [10, с.26]. Фраза опять прошла через «третьи руки» – от В.И. Ленина В.В. Адоратскому, а от него к А.И. Ульяновой-Елизаровой. В советском предании еще и подчеркивалось, что Владимир Ильич ответил жандарму «не задумываясь», как будто бы не раз репетировал эту сцену.

И хотя из донесения по итогам этого события в историю попали сведения о том, что Ульянов размахивал руками и вообще был очень возбужден, этого явно недостаточно для распознавания политического лица Владимира в общей массе таких же «возбужденных». Поэтому заслуживают внимания основанные на психологии доводы Л. Данилкина о немотивированности участия В. Ульянова в казанской сходке: «Участие Ульянова в бунте – странный момент, пример не то что недальновидного, но и иррационального по сути поведения человека с "шахматным" складом ума; только-только поступил в университет, куда и взяли-то его, брата государственного преступника, со скрипом» [11, с.61]. Не будем забывать, однако, что Ульянову было лишь 17 лет, и совершение иррациональных поступков в таком возрасте совсем не редкость.

Важнее в данном случае то, на что обоснованно указал Д. А. Волкогонов, писавший о значении казанской сходки для В. Ульянова так: «Видимо, одним из ведущих обстоятельств является политика самих властей по отношению к Владимиру Ульянову и его семье... Подвергая остракизму молодого Ульянова, царские власти все больше сужали поле выбора опальному студенту... Власть, отторгая Ульянова, усиливала в его сознании протест, духовное неприятие существующих порядков» [9, с.66–67]. Но следует согласиться с оговоркой – власть своими неуклюжими репрессивными мерами именно усиливала, а не порождала то, что уже зрело в сознании Владимира Ульянова.

Единственное, чем не мог проявить себя и позже, в Самаре, в качестве «полноценного» революционера Владимир Ульянов – это практическая деятельность. Не случайно поэтому появление впоследствии «воспоминаний», приписывающих будущему вождю поступки, которых он не совершал. Младшие Ульяновы вынуждены были и здесь одергивать не в меру ретивых мемуаристов, подчеркивая, что их брат интересовался тогда у местных крестьян наделами, количеством скота, посева, арендой земли и пр. «для своих целей» (выяснения социальной ситуации в деревне), но «никакой пропаганды не вел среди них и книжек не раздавал» [10, с.337]. Революционером в полном смысле этого слова Ульянов станет окончательно в Петербурге, где и социальная среда будет соответствующая (преобладающий пролетариат), и возможности для расширения кругозора в области марксистской теории, и – самое главное – организационная активность. Но это уже другая история.

Подведем итоги. Представленный в статье материал свидетельствует о том, что во всей обширной лениниане вопрос о причинах «превращения» Владимира Ильича Ульянова в революционера остается до конца непоясненным и сопровождается мифами и умолчаниями. Помимо объяснений конъюнктурного характера, связанных с личным отношением исследователей к Ленину, такая ситуация порождается прежде всего особенностями источниковой базы.

Представленная в основном воспоминаниями, эта база страдает не только пробелами, но и противоречиями. Последние проходят по линиям: воспоминания старшей сестры Анны Ильиничны не всегда совпадают с воспоминаниями младших Ульяновых и Н.К. Крупской; воспоминания родных сестер и брата Ленина часто не стыкуются с текстами дальних родственников Ульяновых, друзей и знакомых этой семьи и мемуаристов, которых вообще трудно отнести к какой-либо категории, но не упустивших случая заявить о своей причастности к исторической знаменитости. Извлечение из воспоминаний исторической правды осуществляется последовательно путем отбрасывания заведомо мифических сюжетов, противоречащих порой даже здравому смыслу; сопоставления источников друг с другом; использования методов психологического анализа, основанных на том, что психические состояния и возможности в определенном возрасте похожи у разных людей; воспоминания А.И. Ульяновой-Елизаровой представляются во многих отношениях более точными, чем тексты младших Ульяновых и вдовы вождя. Важное значение при оценке воспоминаний имеет время их написания – чем больше его проходило от смерти вождя, тем в большей степени нарастала идеологическая составляющая, обязывавшая мемуаристов стремиться «удревнить» революционную биографию Ленина. Особой оценки заслуживают воспоминания Н.К. Крупской, В.В. Адоратского, записанные со слов Ленина. Ряд эпизодов таких воспоминаний выглядят неправдоподобными, и здесь остается открытым вопрос, является ли появление таких сюжетов стремлением самого вождя приукрасить свою дореволюционную биографию (будем помнить при этом, что в попытках самовозвеличивания он особо замечен не был и скорее приуменьшал значимость своей фигуры) либо порождением вымысла со стороны своих соратников (или тех, кто их к этому подталкивал).

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что к участию в революционной деятельности Владимира Ульянова привела совокупность факторов в их взаимодействии и чередовании друг с другом. Автор не может принять точку зрения ряда исследователей, акценти-

рующих единственный (или даже главный) фактор такой личностной трансформации. Действие рассмотренных в статье факторов развертывалось во времени, а их значение при этом менялось. Можно считать установленным, что родители Владимира Ульянова не только не толкали своих детей в революцию, но и, скорее всего, противились такой «карьере». Но те человеческие качества, уровень образования, которые дети получили в этой семье, впоследствии оказали им немалую помощь в их нелегкой революционной биографии. Для Владимира Ульянова определенным рубежом стал 1887 год, когда был казнен его старший брат Александр. Но в отличие от тех, кто и в наше время считает это событие стартом растянувшегося на три десятка лет марафона мести, автор статьи полагает, что эта трагедия лишь спровоцировала интерес Владимира Ильича к социальным проблемам. Но и в этот момент Ульянов еще не стал окончательно сложившимся революционером. В течение нескольких лет он настойчиво искал пути освобождения и обрел их в марксистском учении, оставшись верным ему до конца своих дней. Его практическая деятельность в революционном направлении также шла по нарастающей, и преувеличивать значение отдельных сюжетов (вроде участия в казанской сходке) нет оснований. В целом следует признать, что «превращение» Ульянова в Ленина стало не запрограммированным с самого детства событием, а достаточно длительным процессом, наиболее интенсивно проходившим в 1887–1893 годах, в рамках которого были свои альтернативы и даже случайности (в конце концов участие Александра Ульянова в заговоре против царя поначалу удивило даже тех, кто его хорошо знал). Но, взятые в совокупности и рассмотренные в развитии и в контексте личных черт Владимира Ульянова изученные выше факторы его революционной трансформации, выглядят вполне логично и закономерно.

Представляется, что поднятые в статье вопросы могут расширить наши представления о тех механизмах, которые делают обычного, далекого от политики человека активным революционером. В триаду факторов такой трансформации (воспитание – среда – собственная активность) могут «затесаться» и необязательные обстоятельства. Действие указанных факторов требует времени и на разных этапах проявляет себя неодинаково. Нет универсальных рецептов «вхождения» в революцию. Задача историка в каждом конкретном биографическом случае – восстановить по крупицам конкретные обстоятельства такого «вхождения» и оценить значение каждого фактора в их историческом развитии.

Библиографический список

1. Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М.: Вече, 1999. 656 с.
2. Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М.: АИРО-XXI, 2020. 632 с.
3. Валентинов Н. Недорисованный портрет. М.: ТЕРРА, 1993. 560 с.
4. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М.: Политиздат, 1970. Т. 1. 1870–1905. 628 с.
5. Владимир Ильич Ленин. Биография. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 609 с.
6. Владимир Ильич Ленин. Биография. 1870–1924. В 2 т. Т. 1. 1870–1917 / А. Г. Егоров, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов и др. 7 изд. М.: Политиздат, 1986. 385 с.
7. В. И. Ленин. Краткий биографический очерк. Для сист. парт. учебы. М.: Политиздат, 1967. 224 с.
8. Владлен Логинов: «Вокруг Ленина сейчас мало сволочей»... – Электронный источник. – URL: https://scepsis.net/library/id_3948.html (дата обращения: 10.08.2023).
9. Волгогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. М.: Новости, 1998. 480 с.
10. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 1. Воспоминания родных. М.: Политиздат, 1989. 351 с.
11. Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017. 783 с.
12. Данилов Е. Ленин: тайны жизни и смерти. М.: АСТ: Зебра Е, 2007. 656 с.
13. Иванский А. И. Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. М.: Госполитиздат, 1963. 287 с.
14. Каррер д'Анкокс Э. Ленин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 551 с.
15. Ленин Владимир Ильич. Краткая биография. 2 изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 312 с.
16. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. 663 с.
17. Логинов В. Т. В. И. Ленин. Полная биография. М.: Родина, 2021. 928 с.
18. Невский В. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин): 1870–1924. Спасск: Спас. укомпартом, 1923. 6 с.
19. Никонов В. А. Ленин. Человек, который изменил все. – Электронный ресурс. – URL: https://royallib.com/read/nikonov_vyacheslav/lenin_chelovek_kotoryi_izmenil_vsyu.html#0 (дата обращения: 10.08.2023).
20. Семья Ульяновых / Сост. Н. С. Гудкова. М.: Политиздат, 1988. 447 с.
21. Соколов Б. В. Ленин. М.: Издательство АСТ, 2023. 320 с.

22. Солоухин В. При свете дня. М.: Б.и., 1992. 222 с.
23. Трофимов Ж.А. Демократический Симбирск молодого Ленина. Саратов: Б.и., 1984. 176 с.
24. Ульянова М.И. О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых: Воспоминания. Очерки. Письма. 2 изд., доп. М.: Политиздат, 1989. 384 с.
25. Фомичев В.С. Летопись великой жизни. Библиографический обзор издания «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. Тт. 1–12». М.: Политиздат, 1984. 270 с.
26. Шагинян М.С. Билет по истории; Четыре урока у Ленина; Очерки и статьи. М.: Художественная литература, 1980. 367 с.
27. Шагинян М. «Отец Ленина», 1981 г. Электронный ресурс. – URL: <https://leninism.su/private/4033-otecz-lenina.html> (дата обращения: 10.08.2023).
28. Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. 512 с.
29. Яковлев Е. День и жизнь. Заметки к биографии Владимира Ильича. М.: Детская литература, 1988. 222 с.
30. Lars T.Lih. Lenin. London, 2011. – Электронный ресурс. – URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/170956-lars-lih-lenin.html> (дата обращения: 10.08.2023).

Андрей Юрганов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

СОКРЫТАЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ СТАЛИНСКОГО ДРАМАТУРГА АЛЕКСАНДРА АФИНОГЕНОВА

УДК

929

В статье рассматриваются отношения драматурга А.Н.Афиногенова со второй женой, американской балериной, Дженни Марлинг. При публикации дневников, писем Афиногенова (1960, 1977) эти отношения умалчивались: из публикуемых документов изымались те фрагменты, которые демонстрировали сложность ситуации в семье. Эти трудности начались во время заграничного турне Афиногенова и Марлинг по Европе, и как следствие – они стали почвой для вдумчивого отношения драматурга к семейным проблемам вообще и к психологии поведения людей в браке, в частности. В статье изучается феномен «личной жизни» в жизни сталинского драматурга – то, как отразилось это настроение при написании пьесы «Ложь». Она была отвергнута лично Сталиным, но при этом основная идея пьесы ему показалась «богатой». Психология и идеология в жизни Афиногенова оказались несовместимыми модусами биографии «сталинского драматурга».

The article deals with the relationship between playwright A.N.Afinogenov and his second wife, American ballerina Jenny Marling. During the publication of Afinogenov's diaries and letters (1960, 1977) these relations were kept silent: those fragments that demonstrated the complexity of the situation in the family were removed from the published documents. These difficulties began during the foreign tour of Afinogenov and Marling in Europe, and as a consequence, they became the ground for the playwright's thoughtful attitude to family problems in general and to the psychology of people's behavior in marriage, in particular. The article studies the phenomenon of "personal life" in the life of Stalin's playwright - how this mood was reflected in the writing of the play "Lies". It was rejected by Stalin personally, yet the basic idea of the play seemed "rich" to him. Psychology and ideology in Afinogenov's life turned out to be incompatible moduses of the biography of "Stalin's playwright".

Ключевые слова: А.Н.Афиногенов; пьеса «Ложь»; И.В.Сталин; Дженни Марлинг; Джон Бовингдон; советская драматургия.

Key words: A.N.Afinogenov; the play "Lies"; Stalin, Jenny Marling; John Bovingdon; Soviet dramaturgy.

E-mail: iurganov@yandex.ru

Герменевтическая ситуация

В 1957 и 1960 годах были впервые опубликованы дневники и записные книжки драматурга А. Н. Афиногенова. Появился богатый материал, имеющий большое значение для написания биографии. В предисловии к изданию А. Караганов отмечал: «Предметом драматического искусства, по мысли Афиногенова, являются не обезличенные чувства, а чувства конкретного человека, вызванные определенными обстоятельствами и связанные с индивидуальным строем его души. В этой связи Афиногенов подчеркивает: нельзя отмахиваться и от изображения человеческих отношений внутри семьи на том основании, что нам нужна социальная драма. Ведь семья – часть нашего общества, и разве через нее нельзя решать общие вопросы, показывать проблемы времени?» [8, с.514].

В комментарии к изданию К. Н. Кириленко указала, что издание дневников вызвало много трудностей, «связанных с отбором материала и его датировкой» [4, с.514]. Она отметила, что часть дневников была датирована точно, а часть – лишь в пределах года, что и оговаривается специально. Кириленко признала, что в публикации имеются купюры, но никаких пояснений сделано не было. Очевидно, что в советское время запрещалось публиковать имена некоторых партийных деятелей. Но изымались также тексты, которые давали информацию о личной жизни драматурга. Была ли в том потребность идеологической ситуации? И да, и нет. Нет – потому что подобные тексты публиковались, когда речь шла о расширении образа того или иного известного человека в контексте времени. Да – потому что личные отношения, в семье, между супругами рассматривались как такие сюжеты, которые иной раз трудно комментировать с позиций утилитарной «советской морали».

Подобная ситуация повторилась в 1977 году. Были опубликованы два тома из творческого наследия Афиногенова: в первом томе – пьесы, статьи, выступления; во втором – письма и дневники [5]. К. Н. Кириленко и В. П. Коршунова отметили, что в публикации писем и дневников присутствуют купюры. Какие и почему? Об этом – ни слова. Вновь умалчивались не только политические сюжеты, но и сведения о личной жизни драматурга.

Что было сокрыто? Прежде всего, выпала важная часть биографии драматурга – отношения с женой-американкой, Дженни Марлинг. Сведения об этих отношениях содержатся не только в дневнике драматурга,

но и в переписке драматурга с матерью, Антониной Васильевной. Ценным информатором является также близкий друг Афиногенова – Борис Васильевич Игрицкий, партийный журналист. Они познакомились в Скопине, оба были активистами, затем вместе учились в Московском институте журналистики¹.

В марте 1956 г. руководство ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) обратилось к Б.В.Игрицкому с просьбой передать на хранение материалы, касающиеся Афиногенова [2]. Письма драматурга, шутивная пародия «Три мушкетера» [3], часть дневников Игрицкого были переданы в архив. Большая часть дневников хранится в семейном архиве внучки Б.В.Игрицкого, Марины Руслановны².

Что такое «личная жизнь» в большевистском сознании?

Допустимо ли полагать, что понятие «личная жизнь» лишено историчности? Как раскрыть смысл личного в понимании жизни, если

большевизм не признавал общечеловеческой морали, был заострен на восприятии лишь того, что имеет коллективистскую сущность, обобщающий опыт? Большевизм в эпоху становления сталинизма не допускал никаких минорных психологических переживаний как общественно значимых, ибо всякая психология личности в конечном счете противостоит классовому самосознанию – радости коллективного бытия. Если человек погружается в личные переживания, то какими бы важными они ни были, они всегда незначительны в сравнении с жизнью коллектива.

В 1930 г. А.Н.Афиногенов разошелся с первой женой, Натальей Скуба, потому что нашел новую спутницу жизни – американскую танцовщицу, Джени Марлинг, которая с мужем, Джоном Бовингдоном, приехала в Москву на театральный фестиваль. В 1929 г. у Афиногенова в браке с Натальей Скуба родилась дочь Светлана, но даже это счастливое обстоятельство не остановило драматурга.

¹ Б.В.Игрицкий родился в г. Елец Орловской губернии в 1901 г. Закончил реальное училище, во время Гражданской войны, в октябре 1918 г., вступил в РКП(б). Работал партийным журналистом на Кавказе (г. Грозный) и в Сибири. В 1935 г. Игрицкий был редактором областной сельской газеты «Сельская правда» в Новосибирске. В 1937 г. исключен из партии, но арестован не был. В июле 1941 г. ушел на фронт добровольцем, хотя по состоянию здоровья не годился для службы. Был ранен, награжден медалью «За отвагу», после войны работал в редакции журнала «Семья и школа». Умер в 1968 г.

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Марину Руслановну за возможность ознакомиться с материалами дневников Б.В.Игрицкого.

Казалось бы, такая бурная личная жизнь, да еще с привкусом скандала! Но Игрицкий, упоминая в дневнике этот развод и новый брак своего друга, обращал внимание на обобщающий смысл процесса, в котором идет «социалистическая реконструкция человека», ломка одних отношений и становление других отношений, словом, формирование «нового человека»:

«А с 17-го ноября по 2-е декабря (1930 г. – *А.Ю.*) у нас жила Ната Скуба. Катастрофа в семье Афиногеновых, подготовлявшаяся с первых часов их знакомства и совместной жизни, разрешилась в Крыму до смешного просто: Александр Длинный влюбился в ленинградскую умницу и распрощался с черноморской русалкой. Наташа и Александр разошлись... Новые горизонты, новые отношения, новые виды на жизнь – индивидуальное сознание формируется, растет и изменяется в условиях теперешнего пульса с исключительной быстротой. Человеческие характеры ломаются как никогда быстро. Из одного человека неожиданно рождается другой по принципу непорочного зачатия... Нужно величайшее спокойствие, выдержка, трезвость с колоссальной внутренней напряженностью, постоянные взрывы, сильнейшие горения, перегар и воспламенение. Так в горячей прокатке стремительных дней и событий плавится, переплавляется и закаляется новый человек. Социалистическая реконструкция человека. С трудностями, муками роста, в борьбе с правым и "левым" уклонами, примиренчеством, с рецидивами контрреволюции, с вредительством, бюрократизмом, обломовской косностью отливаются генеральная линия развития страны и каждого обособленного в себе "я" – большевистского "я"!» [1].

Это не значит, что Игрицкий не понимал межличностные отношения, не придавал им значения, – придавал! Но никогда не рассматривал «личную жизнь» как нечто самодостаточное.

Он писал в дневнике:

«Был два раза у Наты (Скуба – *А.Ю.*): на Арбате и на "Волчьей Тропе". Познакомился с Дженни – новой женой Дерзнувшего – американской балериной. Дерзнувший перебрался с нею в тыл Дома Герцена. Влюблен кругло. Изучает английский язык. Ездил в Баку. Там триумф "Страх". Встретили с помпой. Плакаты и лозунги: "Дашь пьесу о нефти!" Даст ли? Сомневаюсь! Ната скучает [2, л.4]. Еще явственный ее основной недостаток: нет темперамента, малокровна. Слишком аналитический ум: видит сразу все недостатки у людей, мужчин, ухажеров. Было бы больше крови – меньше бы анализи-

рovala, придиралась, рассуждала – жила бы веселей, приятней. С этим она согласна» [1].

В дневнике Игрицкого находим и такую запись, которую следует считать глубоко интимной. Он был к этому времени женат на Евгении Ефимовне (в девичестве Рахиль Хаимовна Перельштейн). Игрицкий признался в дневнике – самому себе, конечно, что он безнадежно влюблен в Наталью Скуба:

«Просыпается внезапно заснувшее чувство к Нате. Единственная женщина, которую я любил с исключительной силой по-настоящему крепко. Это мне знакомо. Я любил много, часто, быстро и продолжительно, но не было случая, чтобы изжитое чувство возвращалось, возрождалось. И только к Нате всегда это было и будет. Попутно: у меня хватило воли сломать любовь к ней, но сломать не значит убить. Искалеченная, она живет то сильнее, бодрствуя, то засыпая как медведь на долгие сроки, то взметываясь как ужаснувшийся рабству могучий и свободолюбивый, но связанный и обезображенный хищник.

Ната... Ната...

Прекрасен был бы союз наших сердец...» [1].

Итак, «личная жизнь» в понимании ортодоксального большевика Игрицкого имеет несколько уровней обсуждения: концептуальный – когда личное сливается с партийным «Я», индивидуальный – когда личное выражает бытовое начало жизни (всегда ограниченное), и чувственный – когда любовь сравнивается с природной стихией.

После успеха пьесы «Страх» в 1931 г., которая понравилась вождю партии большевиков, Афиногенов рассчитывал на поощрение своего идеологического творчества. 15 февраля 1932 г. он получил заграничный паспорт и отправился с женой, Дженни Марлинг, в Европу: поездка продолжалась с 7 марта по 4 августа 1932 года. Он посетил Польшу, Францию, Германию, Швейцарию, Литву, Латвию.

Заграничное турне

Афиногенов был потрясен изобилием «земных дешевых, красивых» товаров.

В конце концов даже утомился от этого преизбытка материального рая.

«Первый берлинский день! Ошеломление и потрясение обилием земных дешевых, красивых, изобильных благ. Всего слишком много. Белье. Газеты. Горы апельсинов. Часы по 2 марки. Десятки столов с дамскими шляпами, стены галстуков. Магазин, где все по ½ и ¼ марки – эти зеркала из стали, записные книжки, обеды, пластинки, элек-

тролы вертятся, – бери, покупай, распродажа, скидка, дешевка, восемь столов дамских панталон – любой цвет, шелк... Уже к вечеру тошнило от мертвых груд вещей, рябило и сливалось в одно – часы, золото, бананы, рубашки, галстуки, подочные моторы, – все равно всего не купить, да и не к чему» [5, с. 164–165].

Он впервые попал в культурные места и был озадачен тем, насколько велика европейская культура и как ему не хватает знаний.

Для Дженни это был мир ненавистного капитализма. Будучи американской коммунисткой, она хотела быть в Советском Союзе, где создается «новый человек».

В письме из Сорренто от 24 марта 1932 г. Афиногенов писал матери, что у него все замечательно: он и Дженни бродят по Неаполю, но Дженни хочет обратно – в Москву. Она «настаивала на необходимости скорее ехать обратно, так как вся заграница одинакова – везде капиталисты и кризис» [5, с. 37]. Судя по этому письму, Дженни чувствовала, что Афиногенов пребывает в изумлении от материального изобилия, и советует прежде, чем уехать – купить то, что понравится: «...говорила, что я должен себе купить что-нибудь, что мне бы очень, очень нравилось. Но так как тут слишком много всего, то выбрать такую вещь возможным не представлялось...» [5, с. 37]. Публикаторы этого письма убрали из текста то, что вторгалось в личные отношения Афиногенова не только с Дженни, но и с Джоном, недавно еще мужем Дженни.

Афиногенов писал: «Как Джон, – часто ли бывает, надоедает ли по-прежнему или нет? Он писал Дженни уже три письма, а я от вас ни одного еще не имею» [3, л. 13]. В этом письме нет никакого беспокойства, напротив – идиллия семейных отношений: «Телеграмм от меня не ждите, – они дороги для нашего бюджета, так что, не получая их, не волнуйся, я и Дженни – живы, здоровы и веселы и живем душа в душу» [5, с. 37].

В письме к матери от 30 марта 1932 г. тоже было изъятие, из которого следует, что Дженни не только получала письма от Джона, но и отвечала ему («И я пишу тебе гораздо чаще, чем Дженни Джону. Может быть, мои письма не доходят? Не знаю, но пишу тебе часто (хотя марки и дороги)» [3, л. 14].

Джон Бовингдон (1890–1973) был человеком в высшей степени незаурядным. Вместе с Дженни они создали школу современного танца. Он был не только танцором, но также экономическим аналитиком высокого уровня. В 1915 году закончил экономический факультет в Гарварде

Interpretive dancing was Bovingdon's undoing. This pose is from one of his "mono-dramas," a unique art expression combining techniques of gymnastic, music, rhythm and speech. Below, he "interprets" with wife, Jeanys Marling.

THE STRANGE CASE OF JOHN BOVINGDON

Washington had no sooner recovered from the official internment of John Durfee (LIFE, Aug. 9) when up popped the case of John Bovingdon. Discovered in the new Office of Economic Warfare by red-eyed Martin Dies, Bovingdon was denounced by the Texas Congressman as a man whose "record and career as a ballet dancer is well known." The newspapers rushed into print with bare-chested, loin-clothed pictures of Bovingdon (see left). Embarrassed at harboring a cultist, conservative OEW Director Leo Crowley asked the dancer to resign from his \$3,600-a-year Civil Service position as economic analyst. Bovingdon refused. The next day Crowley fired him unceremoniously.

Like Superman (who is also mild-mannered Clark Kent), Bovingdon has led a double life—one as academician, one as esthete. He graduated with high honors from Harvard in 1913 after majoring in economics. From 1916 to 1920 he was Professor of Economics at Keio University in Japan. After his return to the U.S. he continued his studies of economics and made frequent trips abroad. In 1942 he entered Teachers College at Columbia and is well on the way to receiving his doctor's degree in economics. He joined the Board of Economic Warfare in Washington July 7.

John's other life, however, more than canceled out his qualifications as an economist in the eyes of Mr. Crowley. He doesn't drink or smoke, follows a special diet, doesn't buy anything he can make, and can fall asleep on the floor of a taxi. His dancing is supposed to be the coordination of movement and voice and the whole secret is "breathing." His voice booms out blank verse explaining the "theme" of the dance. At a New York Town Hall recital in 1936, Bovingdon's program included a "prehistoric" dance called Evolution, described briefly as "hatchestretch-momentum."

Although the critic for the *Massicot Courier* called him "a polyphony of the arts," Bovingdon now explains that he was never a ballet dancer, only a seeker after health through scientific bodily movement.

John Bovingdon, 33, was working in the Office of Economic Warfare as an analyst when Martin Dies uncovered his past.

Материал, записанный автором

с отличием, переехал в Японию и работал там профессором экономики в японском университете до 1920 года.

Вплоть до 1934 года Дженни и Джон были формально неразведенными супругами.

В письме от 30 марта 1932 г. Афиногенов сообщает матери, что «Дженни очень тянется в Москву, прочитала объявление от "Интуриста", что иностранцы могут смотреть 1 мая на Красной площади за особую плату и говорит: "Видишь – какое значение придают празднику, а ты хочешь, чтобы я сидела здесь". Вероятно, она вернется к вам значительно раньше меня» [5, с.38].

В письме от 11 апреля 1932 г. Афиногенов сообщил матери, что они ездили в Пестум, видели там древний храм, бродили в Помпее, осматривали музеи, ездили на автомобиле в Рим, скоро посетят Флоренцию, оттуда – в Геную. Казалось бы, все замечательно, но Дженни по-прежнему хочет вернуться в СССР: «...ее тянет в Москву, она, разумеется, приедет раньше меня, вероятно, в середине мая». В этом письме тоже было изъятие при публикации. Афиногенов интересовался бывшей женой, Натальей Скуба: «Как Наташины сердечные дела, ты напиши подробнее о ее самочувствии» [3, л.17].

Афиногенов в письме матери от 17 апреля 1932 г. написал, что отправил посылку для дочери Светланы и посоветовал, как ее получить: «Пойди по адресу: Тверская, 24, кв.12. Т.Либерзон, нет, пошли Джона» [3, л.18].

Как видно, Джон – человек покладистый. В том же письме Афиногенов говорит о своей жизни с Дженни: «Ты просишь осветить жизнь с Дженни. Можно сказать и очень много и очень немного – мы живем так славно, что я отдыхаю с ней и все больше нахожу в ней настоящего товарища, помимо ее чрезвычайной привлекательности» [5, с.42].

Судя по всему, отношения свекрови и невестки тоже пока неплохие, сын спрашивает мать, – получила ли она письмо от Дженни, написанное по-английски?

1 мая 1932 г. Афиногенов сообщает матери: «Дженни возвращается, 3-го (мая) утром выезжает, будет в Берлине два дня, потом 7-го (мая) пароходом на Ленинград. А из Ленинграда в Москву, так что числа 13 она может быть в Москве. Кое-кому в Ленинграде я телеграфировал, чтобы ее встретили и помогли. Так что, надеюсь, прибудет она благополучно» [3, л.19].

Дженни еще не приехала в Москву, а Афиногенов, явно по просьбе Дженни, пишет матери о том, как бы ей хотелось жить в Москве:

«Мы много с ней говорили о характере этой жизни, ее привычках и желаниях. Она очень стесняется просить кого-нибудь о чем-либо, даже тебя, все она привыкла делать сама, так что лучше всего – передай ей деньги, рублей с тысячу, что ли, и она будет жить, как ей нравится (или м. б., дать ей чековую книжку?). То же самое и с квартирой. По-моему, будет лучше, если вы переедете во Всехсвятское до ее приезда, хотя она всячески подчеркивает, что это пустяки и т. д. Но ей, видимо, хочется жить одной и надо дать ей эту возможность. Расстаемся мы с ней в больших "грустях". Мы привыкли друг к другу за это время. А ведь мы вместе уже 8 месяцев. Время летит, не удержишь!» [3, л. 19].

Психология отношений

В письме к матери (9 мая 1932 г.) Афиногенов вдруг забеспокоился – то ли она что-то написала, то ли сам что-то вспомнил. У Джона нет своего угла в Москве! Где он будет жить?..

«Милая мама! Сажу в кафе, пью чай; поглядываю на публику и ску чаю без Дженни! Только после ее отъезда я почувствовал, как сильно я привязался к ней, как тихо и ласково она помогает мне жить и работать, как много раз она оказывалась права в определениях. Я не могу писать тебе о виденном, т. к. столько еще надо видеть, что боюсь, не хватит времени. Сегодняшний вечер жертвую письмам, написал письмо Дженни и тебе. Меня очень беспокоит, что Джон снова без комнаты. Как бы он не вздумал поселиться у Дженни, хотя бы до моего приезда. Если это случится – немедленно напиши – я намекну Дженни, что мне неприятно, и она поймет. Я уж и так говорил ей, что ревную ее к Джону... Расстались мы с ней очень нежно – оба потихоньку всплакнули, а потом поплакали на вокзале еще – и разъехались! Я очень начинаю скучать – думаю – может быть, уплотнить время и поскорее в Москву – к Вам!!!» [3, л. 20].

В письме от 18 мая 1932 г. мать сообщила сыну, что Джон действительно ночует в его квартире. Нормально ли это?

Афиногенов читал нежные почти ежедневные письма от Дженни.

Он был тоже в недоумении.

24 мая 1932 г. он писал матери:

«Милая мама! Снова и снова перечитываю твое письмо от 18/V-32. Это очень хорошо, что ты пишешь обо всех своих сомнениях. Так и надо – ибо для меня самое важное – ясность. Но каждая строчка письма

о Дженни – это иголка в сердце – я сижу посреди громадной веселой толпы парижского кафе, пишу письмо, а на глазах... слезы. Это потому, что я очень люблю Дженни – и если и тут будет трещина – это будет трещина очень глубокая для меня, она долго не зарастет! Я уже написал Дженни три письма о Джоне – ты писала, что Джон иногда ("у нее?" слово размыто. – А.Ю.) ночует – я решительно сказал, что мне это очень тяжело, что до моего приезда я прошу Дженни жить одной. Я прошу теперь тебя – пиши мне обо всех подробностях ее жизни – насколько тебе удастся их узнать – мне нужно понять наконец – как же она относится к Джону – если она не согласится на мою просьбу – я перестану ей писать. Но сейчас я получаю от нее очень нежные, хорошие, ласковые товарищеские письма. С нетерпением жду ответа на «ноту» о Джоне. Это для меня очень многое. Дженни пишет мне почти ежедневно – сегодня она пишет, что Джон предлагает мне 25 долларов, чтобы я мог купить авто получше. Я ответил, что я ничего не хочу брать от Джона. Я так часто думаю о Москве и Дженни, что моя поездка уже меркнет, меня тянет скорей-скорей увидеть вас всех, понять, разобраться на месте. То, что Дженни наряжается – совсем не плохо – я ее просил об этом много раз. То, что она хочет жить одна – тоже естественно и ты не должна искать в этом причин для не любви твоей. Но единственное, смущающее меня пятно, и не пятно, а туча – Джон. Я не могу побороть в себе антипатии, несмотря на его такое предупредительное отношение. Мне не нравится, что Дженни привезла ему вещей на 135 долларов, которые он ей выслал, да еще своих 10 долларов прибавила. Я не люблю, когда он часто и подолгу говорит с Дженни, хотя знаю, что глупо требовать от нее молчания, в конце концов. Джон один из немногих американцев, а ей говорить с нами и приспособлять все время язык тоже не особо весело» [3, л.24–27].

Мать написала сыну не одно, а два письма, в которых с уверенностью сообщила, что Дженни обладает свойством любить двух мужчин сразу. Даже словечко подобрала: «двойная» любовь. Кроме того, в заметке она нашла «гипнотизм» – способность внушать³.

Афиногенов ответил ей из Парижа 1 июня 1932 г. Сообщил, что «принял меры». Но результат обескуражил его. Он отправил телеграмму Дженни с требованием, чтобы Джон не ночевал в его квартире. И тут же получил письмо от Дженни, что его желание выполнено. Так сразу? Афиногенов думал, что будут разговоры, Дженни станет упрячиться, но вы-

³Эти письма не дошли.

шло совершенно иначе, как он не ожидал. Из письма следует, что Афиногенов почувствовал свою вину.

Как оказалось, она уже сообщила ему, что Джон ночует в их квартире. Но он почему-то пропустил это, не заметил. Кроме того, Афиногенов вдруг вспомнил, что он сам просил Джона встретить ее в Ленинграде. Такие неприятные «открытия» усилили в нем самокритику и острое желание разобраться в психологии человеческих отношений («как жить, если нет спокойной радости двух людей – мужа, жены, товарищей, а есть и, может быть, будет – подглядывание, томление, сомнение»).

«Милая мама! Два последних письма (второе – о "двойной" любви Дженни, о ее гипнотизме) толкнули меня на ряд решительных шагов. Я, помимо давно отправленного письма, отправил телеграмму, что Джон не должен жить у нас. Я получил вчера письмо, а сегодня телеграмму о том, что мое желание уже выполнено...

Но не было в сердце успокоения. Я думал, может быть, Дженни станет упрямыться, настаивать, – нет: она сделала, как я просил и только в письме упрекнула меня – почему ты так мало веришь мне? Реальная угроза глубокой трещины нависла над нашей жизнью с Дженни. Я чувствую себя глубоко виноватым перед ней – после стольких ее хороших, теплых писем, где она открыто писала, что Джон ночует у нас, что она не сказала тебе, будто писала мне о Лизе и т.д. – после этого – бросить в лицо требование, грубое и жесткое – "Джон не должен бывать у нас...". Мне очень тяжело сейчас – я должен был послать телеграмму об этом – но я ненавижу сейчас себя за мой хамский тон, за мой высокомерный эгоизм!.. Ты пишешь о дурных сторонах Дженни – вероятно их даже больше, чем пишешь ты – но каким вниманием и неуловимо-нежной заботой окружала она меня в поездке, как хорошо направляла и помогала – обо всем этом я забыл, когда слепая ярость ревности застала глаза, когда мне казалось уже, что она изменяет мне с Джоном, что она нарочно приехала в Москву раньше – это в то время, как в каждом письме она писала, что хочет встретить меня в Берлине, а м. б., и опять приехать в Париж. И вот теперь желание мое исполнено, но почему я не спокоен? Почему я уже две ночи с 12 до 5 утра ворочаюсь и не могу уснуть? Почему я старательно выискиваю в короткой нашей жизни с Дженни все дурное, подозрительное, мелкое и раздуваю его и в ослеплении пишу оскорбления в письме, которое не отправляю, опомнившись. Ибо, опомнившись, раздутое падает как домик – ну скажем твоё замечание о том, что Джон встретил ее в Ленинграде – я в ярости кинулся писать ей, а потом вспомнил – ведь это ж я советовал

ей сделать так, ибо в Ленинграде трудно с гостиницами, а Джон может приехать заранее. И все в этом роде. Не о гипотезах речь – а о мелких моих страстишках, моей подозрительной эгоистичности. Вот почему я так беспокоен и не знаю: как же быть дальше – как жить, если нет спокойной радости двух людей – мужа, жены, товарищей, а есть и, может быть, будет – подглядывание, томление, сомнение.

Я не знаю, что будет дальше в нашей с ней жизни – мне очень тяжело и я не могу писать. Хочу верить, что все обойдется, что мелкие блохи не заедят до смерти, хочу видеть Дженни и тебя, говорить с вами и выяснять, выяснять...» [3, л.29–30].

Дженни, после телеграммы Афиногенова, вернулась к нему в Париж! Из недатированного письма сына к матери:

«Я встретил Дженни, не совсем веря в то, что она действительно опять со мной. Так далеко была и вот теперь опять рядом. О многом мы уже говорили – о Джоне, разумеется, больше всего, первое время, все наблевшее я ей высказал, и все, кажется, разрешилось благополучно. Живем мы с ней сейчас очень хорошо, все время вместе, расставание наше только укрепило наши отношения, хочу верить, что крепость эта будет надолго, без подозрений, упреков и томления неизвестности. Париж для меня перестает быть городом туризма – он обрастает бытом: вот почему я должен сматывать удочки, ехать в другие места, смотреть – или уж осаживаться тут до конца командировки и работать как следует. Но в Париже приятно сидеть в кафе и глазеть на людей, подобно сотням других бездельников, пропивающих чьи-то денежки, – работают здесь только французы и работают упорно, трудолюбиво, ложатся спать в 11 часов, встают с петухами и работают и копят денежки про черный день» [3, л.31–31 об.].

Мать драматурга нашла горячего сторонника своей нелюбви к Дженни – им стал близкий друг Афиногенова, Борис Васильевич Игрицкий.

Он написал в своем дневнике:

«Александр Афиногенов уже более 3-х месяцев за границей. Италия, Франция, Германия. В Париже купил "Форд", хочет на нем в Берлин, а оттуда в Ленинград доехать.

Его Дженни все более раскрывается как личность темная, не только по внешности. 3000 р. за месяц израсходовала – ужасается Антонина Васильевна, мать Александра. Прокатившись по Италии, она вернулась: во Франции, Париже была, не интересно. Интересней в Москве, что ли? Даже без "любимого" человека? Понятно. В Москве – Коминтерн, ЦИК, ЦК ВКП(б), СНК. Она же – Дженни революционерка, ей

претит дух капиталистической культуры, нравов. И, кстати, в Москве – Джон, ее "бывший" муж. С этим Джоном она мило жила и живет, невзирая на Афиногенова, а тем более без него.

Дженни звонит из дома Герцена на Волчью тропу – прислуге: передайте Антонине Васильевне, что я считаю неудобным, когда ко мне приходят без предупреждения. Прошу впредь, если нужно ко мне приехать кому бы то ни было, – предварительно позвонить, выяснить, можно ли, могу ли я принять, свободна ли или занята... Так Дженни, входя во вкус жены двух мужей, входит во вкус хозяйки.

"А я-то думала, что дом моего сына – мой дом!" Так негодовала Ант(онина) Вас(ильевна), все более ожесточаясь против Дженни, от которой еще недавно была в восторге – как она мила, скромна, культурна! Кошечка – милая, скромная, культурная – показала коготки и ядовитые зубки, острые. Сверкнули остро и зло кошачьи глазки. Бархатистая шерстка у кошечки только осталась. В плену этой кошачьей вкрадчивости, шелковистости, мягкости – наш друг Александр.

Он слеп, что ли, черт его побери? Или именно такая гадючка ему гармонирует по какому-то внутреннему сродству, сродству душ? Попалась птичка. Но ведь и наш друг не промах, – ой, брыкаться в брачном логовище умеет он так бойко и метко, что не всякая кошечка может уцелеть. Кто кого переловчит, передурит, переохмурит, перекошачит» [2, л. 7].

Игрицкий был очень внимателен к тому, насколько искренен человек в своих поступках. Он не поверил Дженни, когда она уехала из Парижа в СССР ради того, чтобы не видеть капитализм. Он легко принял версию Антонины Васильевны, потому что ему было очевидно другое, – Дженни хитрит с его другом, ей хочется общественного внимания, ей нравится жить в роскошной квартире одного из самых известных драматургов страны, наконец, рядом ее законный муж, Джон. Так это или не так – никто не поручится. Да и сам Афиногенов, увидев вернувшуюся к нему Дженни, едва ли был твердо уверен, что она с ним правдива. Но что такое «правда», если она действительно любила обоих?

Психология и идеология

В этой поездке Афиногенову открылись разные жизненные дороги. Драматург был поражен европейской культурой, ее громадностью, он чувствовал себя даже уязвленным. Одновременно личная жизнь усложнила его мировосприятие, захваченное психологией

отношений семейных, межличностных. Не теряя связь с идеологией, Афиногенов нагружал себя мотивами, которые не пускали его на ту дорогу, по которой он должен идти – как думал его близкий друг – Борис Игрицкий, считавший, что перспектива каждого советского человека состоит в росте классовых настроений, в постижении народной жизни.

После поездки они встретились, три друга: Афиногенов, Игрицкий и Александр Дмитриевич Каргополов (по прозвищу «Карго»). Дружья драматурга в самом деле искренне считали, что Афиногенов должен был всю заграничную поездку интересоваться только одним – жизнью рабочих и крестьян. Но Афиногенов захвачен не идеей классовой борьбы в мировом масштабе, а проблемой собственного существования среди людей во многом ему не близких – и даже просто неинтересных.

Находясь в Сорренто, он записал грустные мысли о своем творчестве. Афиногенов постоянно напоминал себе, что нужно изучать жизнь, чтобы быть драматургом. Но это «нужно» не стало его естеством. А естество было такое, что ему как раз и не было интересно почти все, что «нужно»: «Это называется пустота или потеря... Ничего не проникает внутрь, уехал для того, *чтобы пробыть эту корку ледяного безразличия* (здесь и далее курсив мой – А.Ю.), кроме мелочных подсчетов и забот, уехал, чтобы иной мир повернул меня лицом к *потерянному мной миру чувств художника*, и нет его, этого мира чувств, нет, ничего не пробудилось. Кроме самого поверхностного интереса к башмакам, платью... Хочу сидеть на скамейке пустого сквера и думать о том, почему же, в конце концов, из меня в жизни ничего не вышло и как может случиться, что человек может писать вещи, обманывая вкусы и чувства других, которые считают это искусством. *Всех элементов художника нет у меня. Нет любви и интереса к людям, с новыми людьми я не люблю встречаться, нет наблюдательности* – Дженни заметила вдвое больше моего...» [5, с 187].

Из дневника Бориса Игрицкого:

«Что дала эта 3–4-месячная поездка для роста самого Афиногеныча? Вырос ли и в каком именно смысле и направлении, с каким "прикусом", с какими расцветками и в чем? Что нового перечувствовал и родил в себе Аф(иногенов)? Вот это именно я хотел знать и этого не узнал.

Карго полез с расспросами о быте рабочих, крестьян и пр. Как будто Афиногенов был на уборочной кампании в виноградорских колхо-

зах Шампани или на ликвидации прорыва выполнения промфинплана по металлу и углю в районах Рура и Эльзаса, – милый, милый смешной дуралей!

Не об этом может знать Афиногенов! И не об этом нужно сейчас знать. Это надо знать у нас! И вот этого-то Афиногенов не знал и не знает. И вот в этом-то его Ахиллесова пята. Это вот и лимитирует его творческий тоннаж и вольтаж» [2, л. 9].

В мироощущении Афиногенова столкнулись два мотива: «личная жизнь», захватившая его психологией семейных отношений, и то, что он «сталинский драматург» – человек, умеющий писать пьесы, которые нравятся лидерам большевиков. У Афиногенова редчайший дар – он способен возбудиться от любого газетного заголовка об успехах социалистического строительства, от любой речи вождя партии, как это случилось с пьесой «Чудак» [9, с. 156–174], он может «перевести» сухой язык политических плакатов в драматическое действие с захватывающим сюжетом. Но эта его способность нередко становилась тягостным переживанием. Настроение личного упадка перед необходимостью быть на высоте требований партии Афиногенов выразил предельно откровенно в письме к матери от 22 июля 1931 г.: «...успех "Страха" вызван не моей "талантливостью", которой у меня нет, а умелым потрафлением злобе дня (курсив мой – А.Ю.); эта злоба дня и без таланта доходит до зрителя. Вот в чем подлинные корни моих очень скверных настроений» [3, л. 7 об.].

В заграничной поездке Афиногенов был заинтригован семейными отношениями, а Игрицкий опечален тем, что его близкий друг живет жизнью, которую он искренне не понимает.

Это жизнь богатого человека в СССР.

Библиографический список

1. Дневник Б.В.Игрицкого (семейный архив).
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 2172 (А.Н.Афиногенов). Оп.2. Д.82.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 2172 (А.Н.Афиногенов). Оп.2. Д.47.
4. Афиногенов А.Н. Дневники и записные книжки. Подготовка текста и комментарии старшего научного сотрудника ЦГАЛИ СССР К.Н.Кириленко. М. 1960.
5. Афиногенов А.Н. Избранное. В 2-х т. Т.2. Письма. Дневники. Сост. и примеч. К.Н.Кириленко и В.П.Коршуновой. М.: «Искусство». 1977. 726 с.

6. Громова Н. Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 1920-х – начала 1930-х годов. М.: АСТ: CORPUS, 2016. С.202.

7. Забытые пьесы 1920–1930-х годов / Сост., текстологич. подготовка, вступ. статья, историко-реальный коммент., сведения о постановках пьесы и биографиях авторов В.В.Гудковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.865.

8. Караганов А. Раздумья драматурга // Дневники и записные книжки. Подготовка текста и комментарии старшего научного сотрудника ЦГАЛИ СССР К.Н.Кириленко. М. 1960. С.12.

9. Юрганов А.Л. «Бобруйское дело» и пьеса А.Н.Афиногенова «Чудак»: социально-политические реалии сталинизма и советская драматургия // Россия и современный мир. 2023. №2. С.156–174.

(Окончание следует)

Андрей Богданов

СУВОРОВ В ФИНЛЯНДИИ: МИФОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

94

Жизнь, труды и мысли великих людей мифологизированы не только в массовом сознании, но и в научной литературе. К Александру Васильевичу Суворову это относится в полной мере. Полководец может считаться образцом как нелепых нападок и клеветы, так и заблуждений, в которые вводят читателя его искренние доброжелатели и усердные исследователи. Особенно это касается мотивов его деятельности, сформированных нравственными установками, жизненным опытом и размышлениями. На примере недолгого, но плодотворного пребывания Суворова в Финляндии в 1791–1792 гг., автор знакомит читателя с трудами и идеями полководца, весьма отличными от мифологии о нем. В статье проанализированы военные идеи Суворова, сформулированные им за полтора года службы в качестве строителя, затем командующего войсками в Финляндии.

The life, works and, thoughts of great people are mythologized, not only in the mass consciousness, but also in scientific literature. This applies to Alexander Vasilyevich Suvorov in full measure. The commander can be considered a model of both ridiculous attacks and slander, and delusions into which his sincere well-wishers and diligent researchers introduce the reader. This is especially true of the motives of his activity, formed by moral attitudes, life experience and reflections. Using the example of Suvorov's short but fruitful stay in Finland in 1791–1792, we will acquaint the reader with the course of understanding the works and ideas of the commander, which are very different from the mythology about him. The article analyzes the military ideas of Suvorov, formulated by him during a year and a half of service as a builder, then commander of troops in Finland.

Ключевые слова: А.В.Суворов; военное искусство; стратегическая оборона; Финляндия; крепости; каналы; Екатерина II; Г.А.Потемкин; Роченсальмский порт; Саймская флотилия.

Key words: A.V.Suvorov; military art; strategic defense; Finland; fortresses; canals; Catherine II; G.A.Potemkin; Port of Rochensalm; Saimaa flotilla.

E-mail: bogdanovap@mail.ru

«Знать» и «понимать»

А. В. Суворов полагал свою жизнь открытой и доступной для изучения. Он тщательно фиксировал ход своих мыслей в документах и письмах,

а в тех случаях, когда какой-то период был недостаточно им освещен, усердно восполнял лакуны воспоминаниями. Для того, чтобы представить жизнь полководца детально и наглядно, имеется достаточная источниковая база. Это не только свидетельства, оставленные им самим, но и «внешние» по отношению к полководцу документы и воспоминания современников.

Биография Суворова представлялась хорошо изученной, пока в 1980-х гг. в этом не усомнился издававший его письма филолог В. С. Лопатин. Казалось бы, какие могут быть сомнения, если жизнь и славные победы нашего героя описаны в десятках книг, сотнях брошюр и тысячах статей, включенных в солиднейшие библиографии [33; 1, т. IV, с. 534–661]? При этом среди исследований есть воистину замечательные, детально и глубоко раскрывающие мысли и свершения Суворова. Первое из них даже исправлялось по советам самого генералиссимуса [4].

В XIX столетии в высшей мере профессиональные военные историки глубоко изучили войны и походы Суворова по архивным документам и подлинным картам, которые полководец нередко прикладывал к своим рапортам. М. И. Богданович [7], Д. А. Милютин [25], П. М. Сакович [37], Ф. Смит [38] и А. Н. Петров [30; 31] оставили нам поистине великие труды об основных кампаниях Суворова. По четкости и глубине изложения военных дел Александра Васильевича непревзойденными остаются исследования военных историков XIX столетия – А. Ф. Петрушевского [32] и продолжившего его труд Н. А. Орлова [28; 29; 27].

В то же время Н. Дубровин показал, что среди преобразователей екатерининской армии Суворов был далеко не одинок [12] (в XX в. эта работа была продолжена В. А. Золотаревым с товарищами [14]), А. Геруа рассмотрел службу будущего полководца в нижних чинах [9], а М. К. Марченко суммировал исследования его рукописного наследия [23]. Солидные труды освещали жизнь Суворова в целом [16; 41], его военную мысль [10], жизнь в Петербурге [24] и образ в русской культуре [13].

Во второй половине XX в. фундаментальное издание документов великого полководца [1] и его писем [2] сделало возможным исчерпывающее изучение биографии и, главное, мысли Александра Васильевича. Среди современных военных историков наиболее четкую картину боевого пути Суворова дал И. И. Ростунов [36]. А филолог В. С. Лопатин

углубил понимание образного языка Суворова и убедительно развеял немало устойчивых мифов о великом полководце [20; 19; 22].

Портрет графа А.В.Суворова-Рымникого, писанный Шмидтом с натуры, в Праге, в 1800 г. Гравюра Н.Уткина, 1818 г.

Простой и наглядный пример: устойчивая «цитата» слов Александра Васильевича, что «каждый солдат должен *знать* свой маневр» (здесь и далее выделено мной. – *А.Б.*). Но Суворов писал иначе: «*понимать* свой маневр». Почувствуйте разницу! И это не случайное словоупотребление. Искаженная цитата вырвана из контекста указаний полководца союзникам в Италии о значении понимания действий всеми, от генералов до рядовых.

«Не довольно, – внушал союзникам Суворов, – чтобы одни главные начальники были извещены о плане действий. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска

согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине; даже унтер-офицеры и рядовые. *Каждый воин должен понимать свой маневр.* Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный: болтун и без того будет наказан. Вместе с планом должен быть приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды отмечать множество деревушек, а только главные и ближайšie места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторое понятие о возвышениях» [1, т. IV, №24].

Зная из документов, в том числе Итальянской кампании 1799 г., как серьезно Суворов относился к сохранению военной тайны, историки должны были бы со всей ответственностью отнестись к расстановке полководцам приоритетов, когда понимание задач стратегического наступления солдатом ставилось полководцем выше опасности разглашения плана командования.

Но не стоит бросать камень в коллег: идея *понимания* маневра солдатом, – связанная Суворовым во множестве его документов 1760–х –1790-х гг. с мыслью о необходимости опоры на инициативу младших чинов и участия даже младших офицеров в военном планировании, – до сих пор и чаще всего вытесняется в военных кругах мыслью, что подчиненным довольно *знать* приказ свыше.

Историки за два с лишним столетия проделали огромную работу, помогающую нам знать, что делал и писал Суворов, но мы только приближаемся к тому, чтобы понимать развитие его мысли. Для достижения этой цели важно принимать в расчет не только хронологическую последовательность событий (кстати, нарушаемую регулярно несмотря на то, что документы и письма полководца изданы строго по хронологии). Надо также стремиться и к полноте использования самих текстов Александра Васильевича.

К сожалению, при трактовке этих документов, с легкой руки высокоцитимых нами профессиональнейших военных историков XIX в., обычно исчезает моральная мотивация, которая пронизывает насквозь суворовские планы, боевые приказы и оценки им действий своих и чужих войск. Суворов с завидным постоянством внушал, что «без добродетели нет ни славы, ни чести», нет самой победы. Бог не дает победы недостойным, – в доступной форме объяснял он. Вера служила фундаментом его военной мысли, и полководец это не просто декларировал, но объяснял.

Однако и более практичные размышления Александра Васильевича, касающиеся внутреннего душевного состояния воина-победителя, редко

анализировались в контексте его деятельности. Сравните хрестоматийное: «глазомер, быстрота, натиск», – с подлинным изречением полководца, поставившего на первое место дух, на второе – ум, затем – дисциплину, а целью стремительного разбития неприятеля полагавшего гуманный мир:

«Вот моя тактика:
отвага, мужество,
проницательность, предусмотрительность,
порядок, умеренность, устав,
глазомер, быстрота, натиск,
гуманность, умиротворение, забвение» [2, с.386].

Неизвестный художник. Портрет А.В.Суворова

Суворов писал это 7 марта 1800 г., незадолго до кончины, начав объяснение хода Итальянской кампании с изложения системы своих взглядов. Все ее элементы не раз излагались в его документах и, в принципе, могли бы быть систематизированы историками. Увы, система эта не стала слишком популярной в историографии.

Александр Васильевич весьма заботился о понимании современниками и потомками *генезиса* системы своего военного «искусства», которым он «опроверг теорию нынешнего века» [1, т. IV, № 451; 2, № 660]. Настолько, что на вершине побед постарался воссоздать в автобиографии ход своих мыслей в ранний период, не освещенный должным образом в документах и письмах [1, т. I. 2, с. 57–68]. «Жизнь столь открытая и известная, как моя, – написал Суворов через четыре года после последней автобиографии, – никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины» [2, № 508, с. 290].

Суворов был, как известно, большим оптимистом. Несмотря на горы трудов историков, мы все еще мало знаем о нем, даже опираясь на значительный корпус достоверных источников. Знать означает – понимать личность и мотивы человека. Самые обширные знания о том, *что* сделал полководец, неполны и неясны без понимания, *почему* он сделал именно так, какая мысль стояла за его действиями. Поставив задачу проследить именно *развитие* военной мысли Суворова, мы убедились, что в обширной историографии имеются серьезные изъяны, и попытались их заполнить [6]. Это отчасти удалось, но не до конца.

Медвежьи углы

Почти все авторы, по понятным причинам, были сосредоточены на боевых действиях великого полководца. Действительно, многие гениальные идеи, как он сам рассказал в своих текстах, приходили ему в ходе сражения или при непосредственной подготовке к бою, реализуясь в приказе войскам и отражаясь затем в рапортах и реляциях. Причем масштаб боевых действий не обязательно соответствовал значению открытий, сделанных Суворовым.

Последовательно рассмотрев историю формирования его военного искусства, мы установили, что идея стремительной и победоносной атаки (пусть небольших сил) на неприятеля, многократно превосходящего в живой силе, боевой мощи и даже выучке, была сформулирована и проверена полководцем еще в 1761 г., когда он командовал небольшим «леглоконным» отрядом в корпусе генерал-поручика Г.Г. Берга. И Александр Васильевич сам подчеркнул в «Автобиографии» значение этого периода в формировании его военного искусства.

Заслуженное позже Суворовым звание «генерал Вперед» не означало, что он всегда наступал. Напротив, ему едва ли не половину военной жизни случилось действовать от обороны. Для его мысли эти периоды

были чрезвычайно плодотворными. В 1769–17 гг. в Речи Посполитой, сетуя, что приходится тратить время на борьбу с несерьезной «партизанщиной», Александр Васильевич не только создал систему активной обороны, но и сформулировал для себя цель боевых действий: скорейшее уничтожение войны, затягивание которой было столь на руку генералам и царедворцам.

Конечно, словосочетание «Суворов в обороне» следует воспринимать условно. Стремительные рейды по обороняемой Польше и не входившей в зону его ответственности Литве, решительный разгром турок при защите Гирсовских редутов, два «поиска» на Туртукай, когда полководец ввел в военное искусство атаку в колоннах, наконец – оборонительное сражение при Кинбурне, ясно показывают нам, что оборона уже в этот ранний период деятельности рассматривалась Суворовым как средство разгрома неприятеля.

Задачу «предпобеждения» противника полководец развил на Кубани и в Крыму, имея задачи либо чисто оборонительные, либо требующие «вытеснения» неприятеля без боевых действий. В приказах по Крымскому и Кубанскому корпусам от 16 мая 1778 г. (1, т. II, №41–42) Суворов системно изложил новое искусство предвидения и предотвращения намерений неприятеля нанести ущерб личному составу противника и, в особенности, мирному населению, защита которого, по убеждению Александра Васильевича, есть главная задача армии. Исчерпывающая оценка боевых свойств уставной линии, изобретенных полководцем наступательных колонн и ударных (а не оборонительных) каре, которая обычно привлекает внимание в суворовских документах того времени, были лишь деталями предписанного им общего плана упреждения войны.

Но все это, скажете вы, эпизоды биографии Суворова яркие, блистательные, и, следовательно, привлекавшие внимание. Обширные же периоды мирной («гарнизонной») жизни полководца в различных Тьмутараканях оставались в тени или, в лучшем случае, интересовали исследователей с точки зрения рассмотрения его хозяйственных забот, – благо документов о них сохранилось множество.

Суворов и сам в эти относительно мирные периоды его жизни выражал острое недовольство тем, что «бездельничает... как какой-нибудь чугуевский ротмистр», что он «лишь гарнизонный командир» и превращается в «генерал-доктора». Однако и в такие времена подвиги Суворова – мыслителя и строителя, организатора и гениального защитника жизни и здоровья солдат, поражают воображение. А главное: военная

Шмидт И.Г. Портрет Александра Суворова. 1800 г.

мысль его ничуть не останавливалась в развитии. Сосредоточив внимание на великих победах и одолениях, мы просто не поймем истинного хода и глубины суворовской военной мысли.

Яркий пример: долгое «прозябание» полковника Суворова во главе Суздальского пехотного полка в Новой Ладоге, городке и сегодня захолустном, а в 1764–1768 гг. совсем деревенском. Оно известно в основном анекдотическим «штурмом» Николо-Медведского монастыря, хотя на деле эта обитель в Старой Ладоге была давно упразднена, и лишь построенные при Петре I земляной вал и ров оставались частью укрепленного города. Актуализировать анекдот можно, лишь бросив суворовских солдат на штурм стен Никольского мужского монастыря в Старой Ладоге, но при Суворове там уже почти не осталось монахов, а Староладожский Успенский девичий монастырь имел насельниц, но ... не имел стен для штурма.

Однако именно в этом «медвежьем углу» Суворов создал фундаментальное «Полковое учреждение», сформулировав в нем понятие о полке как «едином одушевленном организме». Здесь полководец детально

рассказал, что имеет в виду, ставя «порядок, умеренность, устав» перед глазомером, быстротой и натиском – понятиями, сформулированными им ранее, но не реализуемыми в полной мере без создания этого «организма». До революции этот основополагающий для суворовского искусства трактат признавали устаревшим сравнительно с военной реформой Г.А.Потемкина, в создании которой Суворов принял активное участие. А позже исследовать это сочинение было неуместно, поскольку Александр Васильевич опроверг в нем домыслы Ф.Энгельса о «народном» и даже «общинном» характере русской армии XVIII в., в которой «предоставленный своей собственной инициативе индивидуум обречен на полную беспомощность». В «Полковом учреждении» Александр Васильевич первым делом требовал оторвать солдат от крестьянской среды, истребить в них следы «подлых» крестьянских нравов, а вторым – всемерно развивать инициативу каждого военного.

Тяжелейшим испытанием для Суворова стали два с лишним года в Астрахани (1780–1782), где он много строил и планировал, но чувствовал себя, как будто в ссылке. Впрочем, вновь возглавив Кубанский корпус и совершив лихие экспедиции на Кавказ, полководец изнывал «в деревне по некоторым войсках» и просил Потемкина отправить его хоть на Камчатку: «Исторгниите меня из праздности... в роскоши жить не могу!» (1, т. II, №272).

«Роскошью» для Александра Васильевича была жизнь в полевых лагерях с постоянными разъездами на сотни верст ... вне главного театра военных действий и в особенности без своего исконного врага – войны, которую следовало пресечь. Это видимое противоречие – ведь полководец как раз перед посланием Потемкину войну «предпобедил» – характерно для великого полководца, мысль которого всегда имела несколько слоев, а чувства – не одно измерение.

Неизвестный художник,
Портрет А.В.Суворова 1780-е гг.

Стратегическая оборона Финляндии

Наверное, самым знаменитым при- мером «заточения» Суворова ста- ла его служба в Финляндии, кото- рую он застал в руинах, а оставил,

по обыкновению, прекрасно отстроенным, защищенным и процветаю- щим краем. Здесь возведенного им осталось едва ли не больше, чем на Кубани, в Крыму и Новороссии, по крайней мере, в небольшой стра- не (это современный юг Финляндии и север Ленинградской области) созданное Суворовым особенно заметно.

Может сложиться ощущение, что полководец провел здесь столетие, а не полтора года. Труды Суворова на севере Российской империи чрез- вычайно популярны именно с точки зрения строительства крепостей, каналов и флотилии [39; 8; 17; 26; 15; 11]. Они широко представлены в экспозициях множества современных финских музеев; финны всерьез обсуждают вопрос, не являлся ли полководец по происхождению каре- лом (novogorodilaisen) или суоми (suomalainen), раз уж он знал, среди дюжины прочих языков, и финский [42].

А вот вопрос о том, что финские труды Суворова дают для понима- ния развития его военной мысли, современная историография оставляет «за кадром». Между тем все действия полководца в Финляндии были не спонтанными, они четко выражали его военную концепцию, реали- зованную в продуманном плане стратегической обороны.

Надо сразу оговориться, что наше современное понимание стратеги- ческой обороны требует корректировки с учетом военной мысли Суво- рова. Он, как уже говорилось, многократно строил оборону и действовал от обороны, но слово этого редко употреблял, хотя, в отличие от терми- на «ретирада», и не запрещал.

Оговоримся вновь: отметая мысль о «ретираде» в приказах и ин- струкциях, Суворов тщательно рассчитывал возможность «наступ- ления назад»: по документам это особенно видно в его боевых дей- ствиях в Италии в 1799 г. Нацеленность на победу не мешала ему в деталях продумывать способы вывода войск из-под удара в невы- годном положении. Потери в неосторожном наступлении (например, генерала А. Г. Розенберга при Бассиньяно) вызывали у Суворова гнев, горечь и жесткий «разбор полетов» в приказе по союзным армиям. Правда, Александр Васильевич одновременно упрекнул командира дивизии и в неосторожности (точный расчет времени переправы через ПО следовало сделать перед боем), и в последующей потере решительности: в атаке прозвучал сигнал отступить [1, т. IV, № 84–86, 92].

Вроде бы мы вновь сталкиваемся с противоречием. При всей склонности к стремительному наступлению, Суворов еще в битве при Кунерсдорфе оценил значение глубоко эшелонированной обороны с активным резервом. Он, имея перед глазами книжный пример Вобана, был отличным военным инженером, любил и, начиная с редутов при Гирсово, умело применял оборонительные сооружения как средство минимизации сил, необходимых для победы. Он, вслед за Фридрихом Великим и П. А. Румянцевым, но еще более радикально «опроверг» кордонную систему, как и все существовавшие в его время «системы» и «эволюции», и в то же время создал в Польше (1769–1772) превосходящую сеть опорных пунктов. Он штурмом взял неприступную крепость Измаил, и он же с энтузиазмом возводил Кубанскую оборонительную линию и укреплял фортификационными сооружениями Крым.

Для военного искусства Суворова в этом не было противоречий. Оборону он строил с целью минимизации сил, необходимых для решения тактической задачи – полного разгрома неприятеля, а, начиная с Крымских и Кубанской операций 1777–1779 гг., – для стратегической победы в чистом виде: «предпобедения» неприятеля путем принуждения его к миру *без войны*. Эта стратегическая идея и легла в основу его оборонительной деятельности в Финляндии, куда полководец попал не по своей воле, но вовсе не в «ссылку», как нередко пишут.

Ложная ссылка

Биографы Суворова полагали, что после штурма Измаила полководец поссорился с Потемкиным и впал в немилость двора. «Суворов мог почитать свое назначение в Финляндию почетным удалением по воле Потемкина», – афористически сформулировал это суждение Н. А. Полевой [34, с. 123]. Лишь в конце XX в. В. С. Лопатин убедительно доказал, что и это, как многое в биографии Суворова, – анекдот. Никакого разрыва отношений Александра Васильевича со светлейшим князем не было. Когда Потемкин, обеспечив России победу в войне с Турцией, в начале февраля 1791 г. сдал командование армией Н. В. Репнину и вернулся в Петербург, Суворов, буквально через несколько часов, поехал за ним. Прибыв в столицу на три дня позже светлейшего, Александр Васильевич разделил с ним почести на победных торжествах, длившихся больше месяца [20, с. 198–211, 215].

Последовавшая вскоре финская миссия Суворова по-разному рисуется в историографии, где некритично использовано слишком много анекдотов о полководце. Прежде всего, неверно, что полководец был оскорблен, не получив после побед при Фокшанах, Рымнике и Измаиле чина то-ли генерал-фельдмаршала, то-ли генерал-адъютанта. А вместо этого происками завистников был сослан под надуманным предлогом из Петербурга в Финляндию. В этих увлекательных рассказах верно лишь то, что угодил полководец в захолустье, по сравнению с которым не только Астрахань или Полтава, но и Старая Ладога была культурным центром.

Екатерина II жалует Суворову золотую шпагу за Рымникское дело 1789 г.

Начнем с того, что желанная многим служба в Петербурге и близость к сильным мира сего для Суворова была и удачей, и тяжким бременем. Его осыпали наградами, произвели в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка, где выше него стояла одна лишь императрица. Победителю турок отводили почетные места на парадных церемониях и за столом Екатерины Великой. Александр Васильевич искренне этому радовался. Еще бы: быть рядом с матушкой-императрицей и Потемкиным, который, по восхищенно-ироничной эпиграмме Суворова:

«Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет,
Одной ногой разит он друга и врага,
Другую топчет он вселенны берега» [2, с.468–469].

Лампи И.Б.Старший.
Портрет П.А.Потемкина.1780-е гг.

Слава и почет, близость к почитаемым им властителям России – прекрасно. Но сама придворная среда была для Суворова, как ни покажется это банальным, чуждой и враждебной. «Здесь поутру мне тошно, ввечеру голова болит! – писал он в то время о Петербурге. – Перемена климата и жизни. Здесь язык и обращения мне незнакомы, могу в них ошибаться. Поэтому расположение мое не одинаково: скука или удовольствие... Охоты нет учиться (придворным манерам), чему доселе не научился». Даже выезды в свет, в лучи славы, его томили: «Выезды мои кратки; если (станут) противны – и тех не будет» [1, т. III, № 1].

Злословие, этот верный спутник величия, воспринималось Суворовым излишне остро, тем более что всегда находились «доброхоты», чтобы его с такими гадостями ознакомить. «Перед выездом моим сюда, – написал полководец уже в Финляндии, – осуждали в компании невежд мою дисциплину и субординацию, полагая первую в кичливости, другую – в трепете подчиненных... Не похвально тем частным особам платить так (за) мою службу!» Но, – дописал он: «Победим гидру новыми трудами!» [1, т. III, № 83].

Эти новые труды и обеспечила Суворову внимательная к нему императрица. «Граф Александр Васильевич! – написала Екатерина II Суворову 25 апреля 1791 г. – Я желаю, чтобы вы съездили в Финляндию до самой шведской границы для изучения положений мест для обороны оной» [1, т. III, № 2]. Задание полностью отвечало потребностям полководца в это время. Опасность со стороны Швеции была реальной. В недавней войне (1788–1790) бои шли недалеко от Петербурга, в Финляндии (большая часть которой принадлежала Швеции) и Финском заливе. Исполняя личное поручение императрицы, Суворов чувствовал себя ни от кого не зависимым.

Сам виноват

Получив то, чего больше всего хотел: важное и собственное дело, — Александр Васильевич немедленно отправился в путь. За несколько месяцев, преодолевая «снег, грязь, озера со льдом», плохие и совсем непроезжие весной дороги [1, т. III, №3], он исследовал весь медвежий угол досконально. Бывало, Суворову приходилось сутками не покидать седла [1, т. III, №5]. Но к лету он составил исчерпывающий отчет о состоянии пограничных крепостей и мерах по их укреплению и вооружению [1, т. III, №4, 6, 8, 10].

Отчет Александра Васильевича императрице отличался от обычных военно-инженерных докладов тем, что был целиком построен на его плане обороны русской части Финляндии с целью стратегического разгрома шведов в случае новой войны. В ходе изучения местности полководец составил мысленную «оборонительную... карту» [1, т. III, №11]. На ее основе он создал план разгрома врага. И уже в соответствии с ним оценил значение тех или иных оборонительных сооружений. Вместо того, чтобы дорого укреплять все, Суворов предложил создать инфраструктуру для активно действующей, при этом небольшой армии. Этот план и был представлен императрице по возвращении полководца в Петербург [1, т. III, №12].

Именно этот план, а не в изобилии приведенные в историографии придворные сплетни, является главным источником изучения мотивации дальнейших действий Суворова, четко объясняя их смысл.

Прежде всего, полководец отверг саму идею обороны по всем пунктам. По его оценке, на ряде направлений возможная атака противника была бесцельной или даже вредной для самого неприятеля, ведущей к разделению его сил. А шведы, как показала предыдущая война, были к этому склонны: сказывалось влияние шаблонов кордонной системы,

Екатерина II. Гравюра Диккинсона с оригинала Эриксона, написанного в 1772 г.

где осмеянное Суворовым занятие «пунктов» считалось успехом. По мнению русского полководца, защита этих направлений была бы для России напрасной тратой сил и средств.

Он считал, что более целесообразные для шведов направления ударов удобно было отразить угрозой атаки с фланга и окружения врага. Крепости предназначались Суворовым для уничтожения обложившего их неприятеля ударом резервных сил с тыла. Основную роль на будущем театре военных действия играли не крепости, а два крупных и несколько мелких подвижных русских отрядов в сочетании с гребной флотилией. Для нее же следовало оборудовать базу, а быструю переброску и снабжение войск обеспечить каналами. Согласно такому расчету, совместные действия армии и флота должны были привести к неминуемому и полному разгрому врага, какой бы план он ни попытался осуществить.

Для выполнения плана стратегической обороны по-суворовски в инженерном отношении хватало нескольких крепостей и передовых пограничных укреплений, двух центров обороны, четырех стационарных и четырех подвижных магазинов. Иными словами, план был чрезвычайно экономным: это качество Александр Васильевич унаследовал от отца и совершенствовал всю жизнь. Если экономности генерал-аншефа Василия Ивановича Суворова поражалась императрица, то его сын (в описываемое время тоже генерал-аншеф) стал в этом качестве притчей во языцех.

При выполнении плана Суворова направление на Петербург с северо-запада было бы надежно прикрыто на суше. Подразумевалось, что Финский залив будет держать императорский Балтийский флот. Полководец внимательно следил за действиями русского флота и подвигами адмирала Ф. Ф. Ушакова. Он уже планировал совместные действия с русским флотом в Кинбурнской эпопее 1787 г. (неудачно, т.к. флот своих задач не исполнил), а вскоре, в 1793 г., ответит парусному и, отдельно, гребному флоту важнейшую роль в разработанном им детальном плане разгрома Османской империи, в котором сформулировал аксиому военного искусства: «Расчет времени есть главное правило ведения войны» [1, т. III, №281, 282]. Но сейчас его заботил именно сухопутный театр и тот шхерный флот, который он мог создать и обеспечить сам.

Суворовский план 1791 г. позволял сделать оборону шведской границы одновременно надежной и малозатратной по материальным и людским ресурсам. В гениальность полководца императрица должна была верить со слов Потемкина, но функциональность и сравнительная дешевизна, явленная в представленной Суворовым смете строительных работ

Суворовская линия в Финляндии. Схема

[1, т. III, № 15], были ей очевидны. Екатерине II было ясно, что замысел Александра Васильевича способен выполнить лишь он сам: смысл всех предстоящих работ был именно в их целесообразности. К тому же строительные дела требовали честности, которой, как Екатерина II прекрасно помнила, отличался Суворов (равно как и его отец).

Императрица считала обычным для каждого начальника «кормиться от дел»: в этом смысле нравы Суворовых шли поперек распространенной практики. Но иметь ненадежную оборону невдалеке от Петербурга она решительно не желала. Тем более, что безопасность, по Суворову, укладывалась в сумму, не требующую перекройки бюджета страны. Это простой и ясный пример того, насколько честность чиновника, отвечающего за строительство, связана с безопасностью державы.

Понимал ли полководец, который еще в Польше настаивал, что «командиры должны сами видеть вдалеке, без зрительной трубки» [1, т. I, № 176], что сам себя обрекает на великие и неподъемные труды в диких

лесах и бескрайних болотах? – Безусловно, понимал. Все его документы, поданные во дворец, вели к тому, чтобы склонить императрицу поручить ему осуществить его же план.

Здесь тоже заметно противоречие: Суворов сам лишил себя возможности вернуться на войну с турками, которую, до появления в Европе революционной армии Франции, полагал единственной «настоящей», «строгой» и «отличной» (2, №4). Вероятно, покинув театр военных действий вместе с Потемкиным во время затишья, он не предполагал ни всплеска активности турок, ни тем более славной победы нелюбимого им генерала Н.В.Репнина, проявившего неожиданную активность и 15 июля 1791 г. наголову разгромившего турок при Мачине. Говорят, что именно Репнин отговаривал Потемкина от мысли вернуть Суворова

на южный фронт [21, с.238]. Но вряд ли это возвращение было возможным: Александр Васильевич уже взялся за дело, по мнению императрицы и его собственному, более важное, чем война на далеком юге.

25 июня 1791 г. Екатерина II издала рескрипт: «Граф Александр Васильевич! Вследствие учиненного вами по воле нашей осмотра границы нашей с шведской Финляндией, повелеваем прилагаемые Вами укрепления построить под ведением Вашим, употребив в пособие тому войска, в Выборгской губернии находящиеся. Деньги на это вообще потребные выданы будут в распоряжение ваше... из суммы на чрезвычайные расходы». Суворову именем государыни придавались необходимые инженеры и другие специалисты,

а губернатор обязывался оказывать

ему любую помощь [1, т. III, № 13]. Началась новая служба, прекрасно отражившаяся в суворовских документах и письмах [1, т. III, № 14–174; 2, № 364–422].

Шубин Ф. Бюст князя Н.В.Репнина. 1790-е гг.

«Святость дела»

«Государева служба мне здесь не-сказанно тяжела, (но) по святости усердия невероятно успешна», – писал Суворов. Как всегда, он пол-

ностью отдался новому делу, сосредоточив на нем все свои мысли. О завершении войны с Турцией в конце 1791 г. его известила императрица [1, т. III, №42]. О событиях в Европе и Азии он узнавал из иностранных газет [1, т. III, №84]. Все это было не важно, ведь «дело в движении, сердце на месте» [1, т. III, №128]. Как в 1777–1778 гг., когда он «рыл Кубань от Черного моря в смежность Каспийского... на носу вооруженных многоядных варваров» [1, т. II, №29], Суворов горел энтузиазмом. Он получил под команду больше войск, чем имел под Измаилом, и лично отвечал за их благополучие перед Богом, совестью и государыней. За работами во всех концах страны Суворов наблюдал лично, постоянно находясь в пути [1, т. III, №28].

Начал генерал-аншеф со строительства пяти запланированных им полевых укреплений, которые немедля наполнял войсками и артиллерией. Уже чрез месяц после начала работ они были завершены: «Успех во всех полевых укреплениях! – радовался он 30 июля 1791 г. – Очень красивы, крепки и прочны!» [1, т. III, 30]. Кирпич, используемый в облицовке дерево-земляных укреплений, был дорог и труднодоступен [1, т. III, 24], поэтому Суворов построил кирпичные заводы на месте.

Важным делом он считал организацию добычи серого мрамора для облицовки задуманных им каналов [1, т. III, №30, 38, 40, 44]. В освобожденной от шведов части исконно подданной Руси Финляндии с путями сообщения было совсем плохо, при этом часть их проходила по шведской территории. Каналы для перевозки и снабжения войск были,

Суворовские каналы. Схема

учитывая долгую распутицу, гораздо надежнее дорог. Генерал-аншеф запланировал три, а построил в итоге четыре канала, связавших его оборонительные порядки в единую систему [1, т. III, №33, 94, 139]. Уже осенью 1791 г. он представил к наградам 16 организаторов строительства [1, т. III, №64].

Ведя работы в мирное время, Суворов не забывал о разведке. По ее данным, шведы были «спокойны» [1, т. III, №24]. Сохраняя боеготовность, генерал-аншеф, тем не менее, смог использовать 5735 солдат на земляных работах. В специфических условиях малонаселенной местности он отступил от привычки размещать солдат в частных домах. Суворов не любил казарм, считая, что скученность солдат ведет к болезням. Но сейчас должен был, сгуля на дороговизну стройматериалов, построить удобные казармы [1, т. III, №88, 91].

Александр Васильевич понимал, что масштабное строительство выходит за пределы солдатских обязанностей. Поэтому за работу платил отдельно, сверх обычного жалования, идущего через полковников. Согласно распоряжениям полководца [1, т. III, №37, 38] и ведомости реальных выплат [1, т. III, №39], привлеченные к работам солдаты получали по 5 коп. в день. Много это или мало? – Достаточно, считал Суворов, сам живший в Финляндии именно на 5 коп. в день.

Неизвестный художник.
Портрет П.И. Турчанинова

«По моей бережливости, – написал он кабинет-секретарю императрицы П. И. Турчанинову после подачи развеселившего Екатерину Великую первого финансового отчета, – 5 коп. заработанных (в день в качестве солдата) всюду довольно; прибавление зависит от всемилостивейшей воли» [1, т. III, №63]. Так Александр Васильевич реагировал на слух о веселом смехе императрицы (полагавшей совершенно нормальным для военных и чиновников «кормиться от дел») над ничтожной суммой его общих расходов на возведение первой очереди укреплений в Финляндии (24906 руб. 53 коп.) и особен-

но над представленной полководцем экономией сметы в 93 руб. 47 коп. [1, т. III, №61].

Мы понимаем, что на деле бытовые расходы командующего, связанные с его свитой, лошадьми и т. п. были намного больше 5 коп. Но Суворов посчитал 5 коп. солдатского жалования в день лично на себя: на пропитание, дрова и прочие бытовые расходы, – подчеркнув в послании императрице через Турчанинова сразу две мысли: что его солдаты обеспечены довольно, и что генерал – тоже солдат. Сумма в 5 коп. была действительно достаточной в то время на хорошее пропитание с водкой, а в артельном быту обеспечивала солдату даже и накопления. Генерал-аншеф сам был экономным и других призывал экономить [1, т. III, №69]. Другое дело, что в армии Екатерины II мало кто платил солдатам за работу без вычетов, поэтому генерал-аншеф вынужден был лично контролировать выплаты не только на бумаге, но и на местах. Он имел на это право, поскольку строительные работы, по давнему его убеждению, сформировавшемуся во время службы полковником, не входили в обязанности солдат, и, следовательно, их оплата не относилась к компетенции полкового начальства.

Прилежание в бухгалтерии было сильной стороной полководца и постоянным упражнением его математических способностей. Этому научил его отец. Александр Васильевич проявлял умение считать и контролировать расходы казенных средств всю жизнь, начиная с работы интендантом в войне против Фридриха Великого. Эпизод с жизнью на 5 коп. в день и казенной экономией менее 100 руб. в Финляндии не выглядит анекдотично, если мы обратимся к комплексу смет и финансовых отчетов Суворова за многие десятилетия его военной службы. Для него речь шла не только о честности, абсолютно необходимой для офицера, но и об эффективности армии. «Казна – нерв государственный соблюдают», писал полководец в Финляндии, настаивая на строгой экономии и соразмерности всех затрат [1, т. III, №83].

Следующая смета Суворова в Финляндии, в связи с развертыванием работ, составила менее смешную сумму 62582 руб. [1, т. III, №81]. Входили сюда и расходы на новое обмундирование задействованных на строительстве солдат. Этот эпизод, связанный с понятным злословием в Петербурге по поводу неприлично малых расходов на большое дело, Суворов пояснил нам сам, отражая очередную волну спровоцированного им самим злословия.

Расходы полководца в Финляндии показывали императрице, какая часть государственных средств уходит повсеместно в карманы воена-

чальников всех уровней. Матушка-императрица неизменно закрывала на это глаза, но беспокойство в столичных военных кругах от неприличной финансовой честности Суворова росло. Уронить полководца в глазах Екатерины и Потемкина можно было, обвинив его в экономии на здоровье и даже жизни солдат. Первым делом по чиновному Петербургу поползли (и вскоре дошли до Суворова) слухи, что солдаты в Финляндии раздеты и мерзнут.

Лампи И.Б.Старший.
Портрет Екатерины Великой. 1793 г.

Александр Васильевич ответил на это, что «дивизия здешняя одета полковниками. Кроме исходящих сроков (обмундирования), я вижу много новых мундиров, и донашивают старые, к неистовости противообразия. Прибавлю, что работные (солдаты) имеют теплую казенную одежду» [1, т. III, № 83]. Полковник, по традиции XVIII в. и убеждениям Суворова, изложенным им в «Полковом учреждении» [1, т. I, № 24; 3, с. 61–149], был для солдат царь и бог, полностью отвечая, в частности, за исправность их обмундирования [6, с. 69–118; 35]. Однако строительные работы организовывал генерал-аншеф, поэтому теплой рабочей одеждой он действительно снабдил солдат сам

[1, т. III, № 72]. Пикантность этой ситуации была в том, что снабжаемыми им войсками он не командовал: полковники выделяли в его распоряжение солдат и офицеров по принуждению императрицы и с большим недовольством.

Как видим, увлеченный огромностью дела Суворов от первых обвинений просто отмахнулся, хотя обычно очень остро реагировал на клевету. Он одновременно с передовыми укреплениями и путями сообщения (каналы с транспортными судами), создавал, вооружал и снабжал две гребные флотилии: на море, где он возвел военно-морскую базу в проливе Роченсальм, и на пограничном со шведами Саймском озере. Этим мероприятиям, до сих пор памятным в Финляндии, посвящен немалый

комплекс его документов [1, т. III, № 18, 21, 22, 25–27, 31, 32, 34, 35, 41, 73, 74, 91, 94, 96]. Подъем над Роченсальмской базой флага, присланного самой императрицей, переполнил Суворова гордостью [1, т. III, № 58, 63, 148, 155]. Помимо военных дел, например, генеральной проверки всей артиллерии и довооружения укреплений [1, т. III, № 63, 77, 164], много сил отнимала борьба с подрядчиками, – командующий сражался с ними за каждую копейку и отчитывал за каждый день задержки поставок. Он лично контролировал доставку и пополнение в своих укреплениях запасов провианта, фуража и топлива [1, т. III, № 36, 41, 68].

Нередко генерал-аншеф сутками был в седле. Временами у него так болели глаза, что он не мог писать, и диктовал свои депеши [1, т. III, № 67]. Но ему было «не скучно – здесь была работа» [1, т. III, № 66]. Дело оказалось бесконечно огромным. Суворов спешил, желая одновременно устроить все самое необходимое для обороны. И к осени 1791 г. сделал так хорошо, что даже сам не поверил. «Недоверчивость – мать премудрости, – писал он. – Я сомневался в себе, (но) нахожу всюду успех больше воображительного. Многие работы кончены и, даст Бог, на будущее лето граница обеспечится на 100 лет» [1, т. III, № 93].

Новое сражение

Суворов не предполагал в случае нападения шведов ограничиться обороной, пусть даже чрезвычайно активной. Он серьезно изучал положение на той стороне границы и шведские укрепления, имея в виду наступление [1, т. III, № 90]. Однако командующим войсками он не был. Это положение императрица исправила в январе 1792 г., сделав Суворова командующим Финляндской дивизией, Роченсальским портом и Саймской флотилией [1, т. III, № 97, 99, 100]. Первый развернутый приказ нового командующего был посвящен самому важному для него вопросу – здоровью солдат [1, т. III, № 98].

Александр Васильевич сурово осудил «начальников», которые «без моего ведома безобразно отсылали в... госпиталь нижних чинов, небрежностью приводя их в слабость, убегая должности своей несоблюдением их здоровья». Госпитали в Финляндии находились крайне далеко от войск, перевозка туда больных была опасной для здоровья. Суворов и ранее требовал прислать из Петербурга грамотный медицинский персонал [1, т. III, № 93], а потом добивался увеличения средств на содержание больных [1, т. III, № 113]. Корень же зол он видел в нерадении командиров, просто сбрасывавших больных солдат в госпиталь.

В госпиталь или ближний лазарет Суворовым отправлялись, с должным бережением, только тяжело больные. Но до этого не следовало доводить. Слабым солдатам, во избежание их изнурения, командующий приказал давать льготу в службе и работах, возможность набраться сил в одной из казарм или в ближней крестьянской избе. Но главное – строжайше соблюдать гигиену.

«При соблюдении крайней чистоты, – писал Суворов, – ...больного нигде быть не может, кроме редкой чрезвычайности, по какому-либо случаю. Поэтому за нерадение в точном соблюдении солдатского здоровья начальник строго наказан будет». Старшим офицерам командующий приказал с каждой почтой докладывать ему и о состоянии здоровья солдат, и о взыскании с «нерадивых» обер- и унтер-офицеров при умножении больных.

К приказу прилагались «Правила» гигиены [1, т. III, №98]. Первое и главное правило – чистота и сухость. В сыром финском климате сухость даже выходила на первое место. Суворов требовал от каждого солдата при первой возможности обязательно разуваться и раздеваться, тщательно просушивать одежду и обувь, которые непременно должны быть просторными. «Потному» солдату он запрещал садиться за кашу или на отдых (только в сухом месте) – «сначала разгуляться и просохнуть». Каждому – иметь несколько смен белья. «Во всем – крайняя чистота», «баня, купание, умывание, ногти стричь, волосы чесать».

Затем – «крайняя чистота ружья, мундира, амуниции». Необходима чистая вода и воздух: спертого воздуха Суворов не переносил и полагал его одной из причин смертности в госпиталях. Свежую пищу он требовал есть сразу, как приготовлена – ленивый и не успевший «за кашу» пусть ест хлеб. В солдатский рацион следовало добавлять капусту, хрен, спелые ягоды, летние травы. Полезное средство, особенно от цинги, табак.

Для предупреждения простуды обязательно – «на голову от росы колпак, на холодную ночь плащ». Очень важно – не разлеживаться, солдату необходимо «непрестанное движение: на досуге, марш, скорый заряд, повороты, атака»; «стрелять в мишень». От лихорадки, поноса и горячки Суворов рекомендовал голод. Не мешало также чистить желудок рвотным и слабительным. Но – под наблюдением медиков, с которыми Суворов держал прямую связь.

Именно медицинские чины обязаны были наставлять солдат в соблюдении гигиены и контролировать работу офицеров: «Медицинские чины, от высшего до нижнего, имеют право каждый мне доносить на небре-

Крейцингер И. Портрет фельдмаршала графа А.В.Суворова. 1799 г.

гущих солдатское здоровье разного звания начальников, которые наставлениям его послушны не будут, и в таком случае тот за нерадение подвергнется моему взысканию». Так закончил Суворов упомянутый приказ [1, т. III, №98].

Углубление и развитие идей сбережения здоровья солдат и оперативной военной медицины мы увидим позже в документах и письмах о его деятельности в Новороссии 1792–1794 гг. [1, т. III, № 175–353; 2, №423–503]. Но основательной разработкой этих проблем Александр Васильевич занялся в Финляндии. Именно здесь он и столкнулся с сильным противодействием военного ведомства в Петербурге. Злые языки немедленно обвинили полководца в диктаторских замашках и неприличном самомнении.

Генералы и полковники, привыкшие распоряжаться в бригадах и полках, как в своих поместьях, не были в восторге от строгого контроля ко-

мандующего в Финляндии. Ведь он не только издавал приказы, но лично следил за их исполнением. И добился существенного улучшения здоровья во вверенных ему войсках. В начале его командования в госпиталях находилось 1000 больных, при одном медике на 100 человек, с «невежественным» обслуживающим персоналом. Затем число больных стало быстро сокращаться, а к концу 1792 г. (к моменту отъезда Суворова из Финляндии), осталось лишь 40 больных, в основном, на освидетельствовании для отставки.

При Суворове в госпиталь направляли с чахоткой, каменной и венерическими болезнями, эпилепсией. Большую часть заболевших лечили в полковых лазаретах, да и там их оставалось мало. Этот результат был достигнут «строгим соблюдением солдатского здоровья». Командующий резко возражал по поводу ведомости Военной коллегии, где смертность в его войсках исчислялась в 1/50 (т.е. 2%). Для армии это считалось допустимым, но Александр Васильевич был крайне раздосадован, что в число умерших под его командой включили огромное количество больных, сданных нерадивыми начальниками в госпитали раньше и умершими в первые месяцы 1792 г. [1, т. III, № 174].

На самом деле радикальное сокращение числа умерших и больных было достигнуто им, с помощью хороших врачей, уже в июне [1, т. III,

Неизвестный художник. Портрет генерал-аншефа графа И.П.Салтыкова, председателя Военной коллегии с 1791 г.

№ 128]. Он сам посчитал, что «в немалой Финляндской дивизии, под командой моей за 10 месяцев умерло более 400, бежало больше 200 и осталось больных, слабых и хворых больше 300» [1, т. III, № 181]. В итоге высокая вначале смертность не превысила 1% [1, т. III, № 152]. Бегство солдат было неизбежным, Суворов отмечал его в отчетах всю свою военную биографию. В Финляндии беглецов было особенно много, потому что в дивизию, насчитывавшую 8 полков и егерский корпус, – в сумме около 40 тысяч солдат [1, т. III, № 99], – частенько сдавали столичных штрафников и разжалованных гвардейцев, а до Петер-

бурга было недалеко. Однако теперь многих из беглых ловили, а немало было и тех, которые сами возвращались.

Небольшой спор с Военной коллегией, решенный Суворовым на практике в Финляндии, стал авангардным боем большого сражения, которое полководец развернет в Новороссии, теоретически и практически заложив основы современной военно-полевой медицины [6, с. 312–318]. Однако надо заметить, что победа в серьезнейшей битве за здоровье солдат на юге, потребовавшая от полководца немалых поисков и нетривиальных решений, которые встречали противодействие, началась с опыта, полученного им в суровых условиях севера.

«Я здесь необходим»

За год командования войсками в Финляндии Суворов выполнил главную задачу – организацию обороны. Он закончил строительство полевых укреплений и нескольких крупных крепостей, военно-морской базы и каналов. В первое лето солдаты мало тренировались. Получив необходимые полномочия, Александр Васильевич всерьез взялся за обучение войск. «Будучи здесь, – радостно писал он секретарю императрицы, – более чувствую по долгу службы, что я здесь необходим, (так) как обширные предположения не надлежит ни на мгновение из виду упускать».

Визиты Суворова в Петербург были краткими [1, т. III, № 102], – ему не терпелось вернуться к любимому делу. Никто, надо заметить, не гнал его из столицы: график своих дел он составлял сам. Но служба в Финляндии увлекала его слишком сильно, чтобы предаваться «роскошной жизни» при дворе, искренне предлагаемой императрицей, глубоко потрясенной кончиной своей опоры – Г.А. Потемкина.

«Я не отдыхал и в праздники имел мои работные часы», – удовлетворенно писал об этом времени полководец [1, т. III, № 152]. Он был занят интереснейшим делом: обучал солдат, строил суда,

За год командования войсками в Финляндии Суворов выполнил главную задачу – организацию обороны. Он закончил строительство

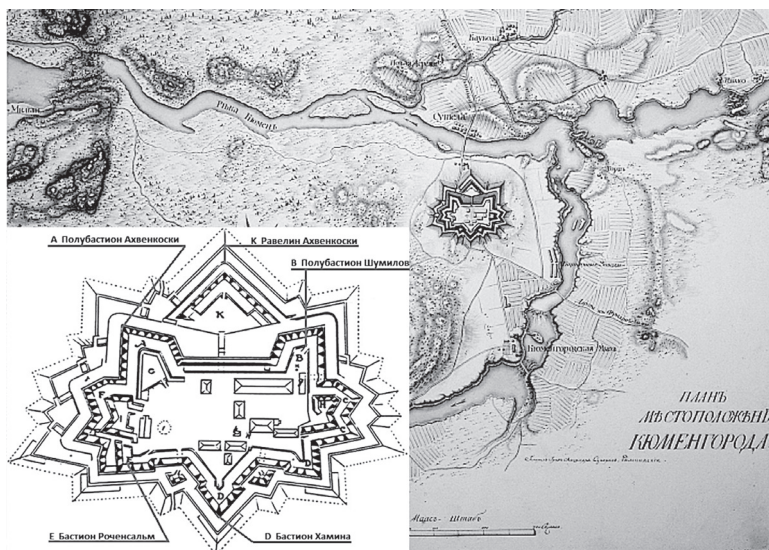

Неизвестный художник.
Портрет П.А.Потемкина. XVIII в.

командовал флотом и даже лично проводил морские маневры. «Время не терпит», – торопил он исполнителей [1, т. III, № 106], «всегда в памяти иметь должно, куда нам за нерадение наше отвечать надлежит!» [1, т. III, № 123]. Работы трудные, но идут, хотя в расходе казенных средств «я скуп до крайности» [1, т. III, № 128].

Суворов не смог бы в одиночку выполнить все задуманное. Еще при работе над «Полковым учреждением» он обосновал важность инициативы подчиненных, объединяющих силы в точном выполнении приказов. Генерал-аншеф рекомендовал им всем «не унывать, а брать благопопешные меры», действовать «проворно», следовать благим примерам [1, т. III, № 128а]; «утраченное (время) поправить расторопностью» [1, т. III, № 133].

Вся масса дел продвигалась удивительно (даже для Суворова) успешно. 8 сентября он через секретаря доложил Екатерине Великой, что «желаемое кончено все! Пограничные крепости отданы в ведомство здешней инженерной команды, остались мелкости... После небольших маневров еду к... каналам», которые спешно достраивались [1, т. III, № 158]. Целиком все задуманное было выполнено к концу 1792 г. Это говорит нам о четкости планирования: генерал-аншеф ставил вполне реалистичные задачи, при условии должного напряжения сил.

Кюменгородская крепость А.В.Суворова на карте и ее план

«Нет ничего красивее и прочнее этих пограничных крепостей!» [1, т. III, № 169] – констатировал довольный Александр Васильевич. Крепостями этими историки и краеведы восхищаются до сих пор. Не принимая во внимание факта, что крепости, каналы и иные монументальные сооружения Суворова в Финляндии были лишь зримыми следами его военной мысли, которая и представляет для нас главный интерес.

Вся система строительства в Финляндии вытекала из убежденности полководца в том, противника следовало отвратить от идеи войны угрозой неминуемого разгрома. Уверенность в реализации этого плана росла по мере ознакомления Суворова с ситуацией на границе и в самой Швеции. Первоначальной задачей было защитить северные подступы к Петербургу, сделав нападение через Финляндию бесполезным и крайне убыточным. Но полководец не был бы самим собой, если бы не поставил вторую задачу: в ответ на нападение разгромить главные силы шведов так, чтобы накрепко отбить у них желание воевать с Россией.

Замечательное свойство суворовских планов, объясняющих, в частности, произведенное им строительство, состоит в красоте, четкости и всесторонней обоснованности. В данном случае мы имеем в виду рапорт «Об оборонительной и наступательной войне в Финляндии», поданный генерал-аншефом императрице вместе с таблицами численности оборонительных и наступательных войск [1, т. III, № 177].

Прежде всего, Суворов сделал здесь уточнения к плану обороны, на котором было основано строительство укреплений. Он еще раз подчеркнул, что мелкие набеги неприятеля следует «презирать» и самим таких не делать: «они опасны». «Лучше усыплять, чем тревожить и делать большой удар. Малая война обоюдно равна и бесполезна, изнуряет войско».

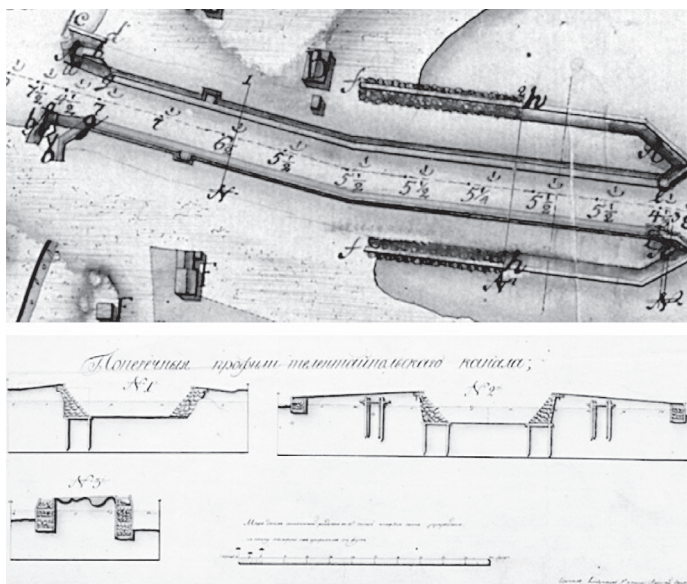
Александр Васильевич советовал командованию вообще не трогать застав, оставляемых противником для охраны коммуникаций, и не беспокоить вражеские форпосты, даже под предлогом взятия языков. Их частные сведения не важны: «генерал должен предвидеть будущее по течению обстоятельств».

Более того, и вторжение серьезных сил неприятеля не должно вызывать опасений: на важных направлениях он встретит неуязвимые крепости, на неважных – не получит выгод. Главное – чтобы противник «сам пришел к побиению». Вторгшиеся шведы непременно будут разбиты ударом подвижных отрядов с фронта, фланга и тыла. Этим отрядам надо «быть всегда нераздробленными, так как здесь в обыкновенных партизанах нужды нет». Созданная Суворовым озерная флотилия на-

Использовать дополнительные силы в разгроме вторгшегося противника необходимости не было. Значит, когда главные силы вторжения шведов будут разбиты, а остальные бесполезно распылены неприятельским командованием в соответствии с требованиями западной стратегии, русским следует свободными силами наступать в глубь шведской Финляндии. Это было не только возможно, но и необходимо, чтобы заставить шведов прекратить войну.

Здесь задачей-минимум будет обойти Швартхольм, взять флотским десантом Свеаборг и сухопутными войсками – Гельсингфорс (Хельсинки). Более смелый план: прикрыв Гельсингфорс особым отрядом, атаковать по суше дальние цели на юго-западе Финляндии – Тавастгус и Або (Турку). Если флот, обойдя и частью сил блокировав Свеаборг, соединится с сухопутным войском в Або, все силы шведов в Финляндии будут отрезаны. Ведь снабжались они морем, через Ботнический залив, под прикрытием Аландских островов.

Этот единственный короткий и доступный путь снабжения вел прямо к Стокгольму. Суворов на это не указал. Он предпочел успокоить Петербург, написав, что даже при походе на Або для защиты русской Финляндии можно оставить всего 3–4 полка, 3–5 эскадронов и казачий полк, расположение и операционные направления которых точно указал.

Суворовский канал Телатайпале, 1790 г.

В дальнейших уточнениях не было нужды: план был очевиден для каждого офицера, освоившего стиль военной мысли Суворова. В 1809 г. план был блестяще реализован лучшим учеником полководца, П.И.Багратионом. Князь Петр, пройдя до Або с жестокими боями, но практически без потерь, развил идею учителя ударом от Або на Стокгольм через Аландские острова, по льду замерзшего Ботнического залива. Не потеряв ни единого человека, не имея даже обмороженных, Багратион своим выходом к Стокгольму привел шведов в такой ужас, что они вообще отказались от войн с Россией [5].

Учитель и сам поступил бы так на практике. Это безусловно доказывается планом военной кампании против Османской империи с комбинированным ударом армии и флота на Стамбул, который Суворов составит очень скоро, когда 10 ноября 1792 г. будет назначен командующим в Новороссии [1, т. III, №175]: план этот дошел до нас в развернутом виде, с предварительными набросками [1, т. III, №215, 220, 223, 224, 226]. Но из Финляндии полководец предпочел не пугать Военный совет Екатерины II. И без того уже к середине лета 1792 г., видя, что вопрос о шведской опасности радикально решен, завистники Суворова при дворе активизировались. Эта страница финского периода биографии полководца популярна в литературе не меньше, чем восторженное описание построенных им крепостей и каналов. Но несколько слов о ней и нам сказать следует, чтобы расставить все точки над і.

Клевета

Генерал-аншеф в Финляндии был не столь далек от двора, как ему хотелось бы. Большое и, главное, самостоятельное дело, которого никто, кроме него, с таким блеском выполнить бы не смог, увлекало Александра Васильевича чрезвычайно. Но досуг у него случался, за международной обстановкой он следил, а злые языки не переставали уязвлять его гордость и чувство чести.

Нет, наверное, современной работы о Суворове, где не был бы приведен его бессмертный афоризм: «Я был ранен десять раз: пять раз на войне, пять при дворе. Все последние раны – смертельные». Это апокриф. Здесь видна литературная обработка, и не случайно нигде не дается ссылка. Но ведь сам Суворов «всегда говаривал, что у него семь ран: две, полученные на войне, а пять – при дворе, или политические. И сии пять, по его словам, были гораздо мучительнее первых», – сообщил нам близкий соратник и помощник Александра Васильевича

в Итальянском походе Егор Борисович Фукс [40, с. 51]. В передаче этих слов в обществе (а, может, и самим Суворовым) число ран легко увеличивалось: «Был... ранен тридцать два раза: дважды на войне, десять раз дома и двадцать у двора» [18, с. 131].

Ранили полководца порочащие слухи о нем, к которым он относился крайне болезненно. Конкретно в Финляндии он реагировал на столичные сплетни о том, что он жаден к наградам, ведет себя, как сатрап, оскорбляет офицеров, массаами морит солдат, будто его победы – даже при Рымнике – ничего не стоят по сравнению со свежей победой Н.В.Репнина при Мачине [1, т. III, № 131, 134, 141, 142, 149, 160, 171].

Боль усугублялась небезосновательным подозрением полководца, что слухи эти исходят из Военной коллегии, которой он был формально подчинен, хотя личным распоряжением императрицы получил свободу рук. Они «вообще хотят доказать, что править умеют...», – писал об этой компании Александр Васильевич, – а политическая война не бесславнее истинной» [1, т. III, № 131]. Последующие события в Новороссии покажут, что в определении источника травли Суворов был прав. Но он и в Финляндии понимал, что травля эта невозможна без поддержки широких кругов двора: «Усердная моя и простодушная служба родила завистников бессмертных... я всех старше службами и возрастом, но не предками и камердинерством... ярыги (бездельники и пьяницы) со стоголовой скотиной (высшим светом) меня в Санкт-Петербурге освистывают» [1, т. III, № 134].

Полководец, поддерживаемый императрицей лично, и раньше был весьма недоволен своим положением среди генералитета, утомлен «физически и морально... Время коротко, приближается конец: изранен, 60 лет, и сок весь высохнет в лимоне» [1, т. III, № 92]. В Финляндии, среди восторга от плодотворного труда, он временами был крайне угнетен: «Смертный помнит смерть, она мне не далека. Сего 23 октября 50 лет в службе; когда не лучше ли мне кончить непорочную карьеру? Бежать от мира в какую

Левицкий Д.Г.
Портрет князя Н.В.Репнина. 1792 г.

деревню... готовить душу на переселение, если вовсе мне употребления предусмотрено не будет... Здесь со мною бес, в Санкт-Петербурге 70 бесов, разве быть самому бесом» [1, т. III, № 141]. К счастью, статья «бесом» – завистливым интриганом – Суворов не мог в силу характера и убеждения, что победы можно достичь только с чистым сердцем.

С интригами было связано и беспокойство полководца о неудачной для русских войск кампании в Польше [1, т. III, № 142, ср.: 143, 152, 171]. Он полагал, что мог бы кончить дело быстро и победоносно, а гнусные слухи о нем в столице имеют целью не допустить его к командованию. При этом Суворов видел, что его попытки мирно объясниться не приносят пользы. «При дворе язык с намеками, догадками, недомолвками, двусмыслием. Я – грубый солдат – вовсе не отгадчик... Никого не атакую, не обороняюсь... Сам ничего не желаю... Интриги же, особенно Репнина, мне, право, прискучили. Я полевой солдат! Нет военного или сопряженно-политического театра».

Александр Васильевичу было понятно, почему генералы гонят его из Петербурга, откуда он, честно говоря, сам с облегчением уезжал в Финляндию. Люди в равных с ним и высших чинах не воевали толково против турок, а теперь не воюют как следует против польских конфедератов, которых Суворов давно принудил бы сложить оружие. «Не собственность моя говорит – польза службы! Я давно себя забыл». «Софизм списочного старшинства: быть мне под его игом» [1, т. III, № 149], писал полководец, прекрасно зная, что императрица жалуется в чин фельдмаршала, без которого он не мог иметь свободы рук, строго по «старшинству» пожалований в генерал-аншефы, где он оказался внизу списка.

Камер-секретаря Екатерины II Суворов просил: «Берегите меня от козней Репнина, я немощен, ему и никому зла не желаю» [1, т. III, № 160]. Просился он воевать не только в Польше, но и против революционной Франции [1, т. III, № 162], уверяя, что завидует своему старому другу принцу Кобургу, уже сражающемуся против французов. Как это сочетается с увлеченностью военным строительством и подготовкой войск в Финляндии? – Очень просто. Суворову стало скучно в тот момент, когда он понял, что уже победил.

Интересно, что клеветническая компания против Суворова, начавшаяся во время его службы в Финляндии и затем не утихавшая, при всей своей популярности в литературе плохо изучена. Из фактов приводится лишь тот, о котором подробно написал сам полководец. Он указал, что в брошюре Санкт-Петербургской Академии Наук о последней войне с Турцией, которую написал секунд-майор Генерального штаба М.Л. Раан, сражения

при Кинбурне и Рымнике умяляются, а их ход описан неверно [1, т. III, №311]. Мы знаем об этих искажениях потому, что Суворов перечислил их, требуя уничтожить брошюру [1, т. III, №312]. «Не только мне, но и каждому офицеру терпеть ложь невозможно», – писал Александр Васильевич академиком. Тщетно. После смерти Потемкина, которому Суворов «был нужен в виде Леонида»¹ [1, т. III, №141; 2, №406), надежного защитника у него не было.

Клеветническая компания против полководца в прессе началась – и ведется по сей день. Откровенно и не явно, прямой ложью и безобидными, на первый взгляд, анекдотами, представляющими великого военного мыслителя шутком, – война эта идет против Суворова, не утихая. Сам Александр Васильевич на тему бесконечных сплетен о нем шутил: «Сегодня – счастье, завтра – счастье. Помилуй Бог! Надобно же когда-нибудь и умение!». Но как вековым недоброжелателям обойтись без сплетен, лжи и клеветы, если Суворов сам признал, что в военном деле он «опроверг теорию нынешнего века... поэтому правила [нового военного] искусства» принадлежат ему? Это – правила, основанные на добродетели, «без которой нет ни славы, ни чести». Знание – вот наше оружие против лжи, тем более необходимое, чем сильнее и упорнее действует клевета.

Лампи И.Б. Старший.
Портрет П.А.Потемкина. 1790-е гг.

Библиографический список

1. Суворов А.В. Документы. В 4 т. М.: Военное издательство, 1949–1953.
2. Суворов А.В. Письма / Изд. В.С.Лопатин. М.: Наука, 1987. 808 с.

¹ Имеется в виду спартанский царь Леонид I (491–480 до н.э.), ценой своей жизни задержавший армию персов у Фермопил. Потемкин использовал Суворова для выполнения задач опасных и почти невыполнимых, которые и сам Александр Васильевич ставил себе достаточно.

3. Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках. М.: Военное издательство, 1990. 480 с.
4. Антинг И.Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского графа Суворова-Рымнического. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Гос. медицинской коллегии, 1799–1800.
5. Богданов А.П. «Лев русской армии» // Чтения по истории русской культуры. М.: Ин-т российской истории РАН, 2000. С. 170–248.
6. Богданов А.П. Суворов. Правила военного искусства. М.: Академический проект, 2017. 468 с.
7. Богданович М.И. Походы Суворова в Италии и Швейцарии. СПб.: Военная типография, 1846. 214 с.
8. Генералиссимус Суворов. Каталог выставки. Лапперанта: Южно-Карельский музей, 2007. 176 с.
9. Геруа А. Суворов-солдат. 1742–1754. (Итоги архивных данных о его службе нижним чином). СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 104 с.
10. Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». Париж: La Renaissance, 1931. 132 с.
11. Григорьев С.И. Суворовские крепости в Финляндии // Адреса Петербурга. 2014. №51(65). С. 82–87.
12. Дубровин Н.Ф. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1886. 196 с.
13. Замостьянов А.А. Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре. М.: Эра, 2000. 205 с.
14. Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Во славу Отечества Российского. (Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII века.) М.: Мысль, 1984. 335 с.
15. Коваленко Г.М. А.В. Суворов в Финляндии в 1791–1792 гг. // Санкт-Петербург и страны северной Европы. 2014. №15. С. 12–20.
16. Козлов С.В., Картыков М.Н. Суворов, 1730–1800. Очерки из его жизни. В 2 т. СПб.: Изд. кн. С.М.Голицына, 1911–1913. 271 с.
17. Корхонен М., Вангонен Г. Суворовская линия – цепь крепостей Старой Финляндии. Kotka: Painokotka, 2009. 147 с.
18. Левшин В. Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни князя Итальянского графа А.В. Суворова-Рымнического. М.: Тип. С.Селивановского, 1809. 205 с.
19. Лопатин В.С. Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. Письма. Документы. Воспоминания. Устные предания. М.: Терра, 2001. 589 с.
20. Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М.: Наука, 1992. 287 с.
21. Лопатин В.С. Светлейший князь Потемкин. М.: Олма-Пресс, 2004. 475 с.
22. Лопатин В.С. Суворов. М.: Молодая гвардия, 2012. 448 с.

23. Марченко М.К. Александр Васильевич Суворов в своих рукописях. СПб.: тип. Главного управления уделов, 1900. 71 с.
24. Меерович Г.И., Буданов Ф.В. Суворов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1978. 304 с.
25. Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I в 1799 году. Т. I–III. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1857–1853.
26. Новоселова З.А. Суворов и Кутузов в русской Финляндии (Выборгской губернии). СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2012. 97 с.
27. Орлов Н.А. Суворов: разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1892. 362 с.
28. Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1890. 197 с.
29. Орлов Н.А. Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1894. 136 с.
30. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769–1774 гг. Т. 1–5. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1866–1874.
31. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. СПб.: Тип. Р.Голике, 1880. Т. 1–2.
32. Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 1–3. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884.
33. Петрушевский А.Ф. Краткий обзор суворовской литературы русской, французской и немецкой по 1903 год. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 268 с.
34. Полевой Н.А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымнического, генералиссимуса российских войск. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1904. 336 с.
35. Рогулин Н.Г. «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени. СПб.: ИПП «Искусство России», 2005. 247 с.
36. Ростунов И.И. Генералиссимус Суворов: Жизнь и полководческая деятельность. М.: Воениздат, 1989. 494 с.
37. Сакович П.М. Действия Суворова в Турции в 1773 году. СПб.: Тип. К. Край, 1853. 103 с.
38. Смит Ф. Суворов и падение Польши. Т. 1–2. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1866–1867.
39. Спиридонова Л.И. А.В. Суворов в Финляндии // Суворовские чтения: Материалы конференции. СПб.: Контрфорс, 1999. С. 98–105.
40. Фукс Е.Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымнического. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1827. 193 с.
41. Цветков С.Э. Александр Суворов. 1730–1800. М.: Центрополиграф, 2005. 490 с.
42. Rekola, Kauko. Suvorov. Generalissimus-Genius. Vammala, Helsinki: SHS, 1989. 269 s.

Анархия – мать порядка.

*Перифразированный Пьер
Жозеф Прудон*

То, что есть в человеке,
бесспорно, важнее того,
что есть у человека.

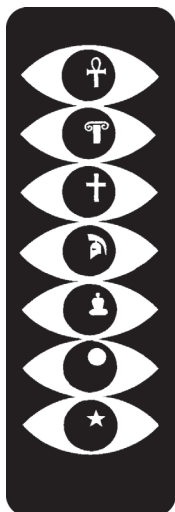
Артур Шопенгауэр

Идеи тем проще овладевают
массами, чем они проще.

Сергей Скотников

Вы просто не сможете
победить человека, который
никогда не сдаётся.

Бейб Рут

Дмитрий Рублев

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ
АНАРХИЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ
(1918–1919 гг.):**

**ИДЕОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

929

Всероссийская федерация анархической молодежи (ВФАМ) представляет собой уникальное историческое явление. Это единственная анархическая молодежная организация всероссийского масштаба, действовавшая в годы Великой российской революции. ВФАМ получила достаточно широкий отклик в регионах. Ее лидеры предприняли попытку идеологического обновления российского анархизма на основе концепции «единого анархизма» и постепенного организационного объединения анархического движения.

The All-Russian Federation of Anarchist Youth (WFAM) is a unique historical phenomenon. This is the only anarchist youth organization of All-Russian scale that operated during the Great Russian Revolution and received a fairly wide response in the regions. Within the framework of the WFAM, an attempt was made to ideologically update Russian anarchism based on the concept of “unified anarchism”. In addition, the leaders of the WFAM attempted an organizational unification of the anarchist movement.

Ключевые слова: анархисты; Всероссийская федерация анархической молодежи; Карелин Аполлон Андреевич; Кропоткин Петр Алексеевич; Первый Всероссийский съезд анархической молодежи.

Key words: anarchists; All-Russian Federation of Anarchist Youth; Karelin Apollon Andreevich; Kropotkin Pyotr Alekseevich; the First All-Russian Congress of Anarchist Youth.

E-mail: rublev773@gmail.com

Исследователи анархического движения России в эпоху Великой российской революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.), как правило, не обращаются к истории той или иной анархической организации, но пишут обобщенно об «анархистах», либо о представителях течений анархизма – анархистах-коммунистах, анархо-синдикалистах, анархистах-индивидуалистах и т. п. Между тем в эпоху Великой российской революции 1917–1921 гг. сторонники безвластия активно занимались организационным строительством. Организационная жизнь, как и межорганизационные отношения, становятся важными факторами, определяющими позицию анархиста, его действия. Мы полагаем, что исследователям анархического движения следует ориентироваться, прежде всего, на изучение истории конкретных анархических организаций, их программных принципов, тактики, стратегии, социального состава. В ряде своих работ мы попытались решить эти задачи [42; 43; 44].

Всероссийская федерация анархической молодежи (ВФАМ, ВсеФАМ), единственная общероссийская молодежная организация анархистов периода Великой российской революции 1917–1922 гг., получила скромное освещение в работах историков. В монографии С. Н. Канева, на основе материалов журнала «Жизнь и творчество русской молодежи» (ЖТРМ), дана лишь краткая характеристика деятельности ВФАМ [32, с. 50, 52–53]. Серьезный вклад в изучение проблемы сделали современные исследователи. В. А. Дроздков, изучавший деятельность в рамках федерации поэта-имажиниста В. Г. Шершеневича, дал оценку некоторым ее тактическим и программным установкам и отдельным страницам истории [4; 5, с. 144–145, 428–438]. Я. В. Леонтьев, представив общую характеристику издательской деятельности ВФАМ, исследовал связи ее лидеров с П. А. Кропоткиным и борьбу за освобождение арестованных участников I Всероссийского съезда анархической молодежи (ВСАМ). Он же раскрыл псевдоним одного из ее лидеров, Л. Чиволова (Е. И. Габрилович) [33; 34]. Список арестованных делегатов ВСАМ с биографическими справками составил калининградский исследователь С. А. Овсянников [38]. Он же проанализировал роль смоленских анархистов в деятельности ВФАМ [39, с. 23–24]. Эти авторы значительно расширили круг источников, используя документы из фондов ГАРФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ, ЦГАМО и региональных архивов Смоленской обл. Белорусский историк Ю. Э. Глушаков в монографии по истории анархизма в Беларуси охарактеризовал роль белорусских анархистов в ВФАМ [3, с. 110]. В то же время украинский историк В. А. Савченко, упоминая о существовании и деятельности ВФАМ, не пишет о связях с ней молодежных организаций

Конфедерации анархических организаций Украины «Набат» (КАОУ) [45, с. 159, 199, 225, 280].

Основной источниковой базы нашей статьи стали материалы следственного дела о ВСАМ, хранящегося в ЦА ФСБ [52], как и опубликованные Дроздковым и Леонтьевым документы из фондов ГАРФ. Широко использовались материалы периодической печати анархического движения.

Сначала был Журнал...

«Жизнь и творчество русской молодежи» (ЖТРМ) – название, далекое от политики. Но именно с этого журнала начинается история

ВФАМ. Первый номер этого «литературно-художественного» и «иллюстрированного» журнала был издан под редакцией Н.В.Маркова в июле 1918 г. коммуной молодежи «Единение» [6, с. 16]. Первоначально были провозглашены неполитические цели издания, хотя и близкие идеям анархизма: «Полное раскрепощение духа молодежи в России, развитие свободного волевого самосознания как фундамент бесконечных творческих достижений молодежи на платформе тесного единения с народом, отражение всех сторон жизни и творчества молодежи и ее участия в строительстве общественной жизни» [6, с. 1].

В сентябре для выпуска ЖТРМ образовалось издательство «Русская молодежь» [8, с. 14]. Проявляется анархическая позиция редакции. Марков в статье «Организация вольных союзов молодежи» призвал создавать молодежные организации, построенные «на анархических началах, на началах свободы, полной самодеятельности», свободные от бюрократии, при равноправии меньшинства и большинства в проведении своих решений в жизнь [8, с. 3]. На страницах ЖТРМ появляются портреты М. А. Бакунина и секретарей Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК) А. Ю. Ге и А. А. Карелина, лозунги «Да здравствует мировая анархо-коммунальная революция!» и «Вечная память великому революционеру М.А. Бакунину» [11, с. 1–2; 13. с. 1, 3]. В ноябре 1919 г. цели журнала были скорректированы в анархическом духе: «Полное раскрепощение духа молодежи в России и воспитание ее в духе анархизма» [14, с. 8].

Действовали местные филиалы конторы ЖТРМ. С августа 1918 г. в Липецке появилось Южное (заведующий – М.В.Марков) [52, л. 353], а в Харькове – Украинское отделения (заведующий – М.С.Тиркельтруб) [7, с. 3; 52, л. 353], с ноября – Нижегородское отделение, которым руково-

Секретарь ВФАК Аполлон Андреевич Карелин

Титульный лист журнала «Жизнь и творчество русской молодежи»

дил поэт-имажинист Г.Б.Шмерельсон [14, с. 1]. В середине декабря отделения и агентства ЖТРМ были открыты в Вязьме, Иваново-Вознесенске, Калуге, Коврове, Курске, Лихвине, Растияно (Нижегородская губ.), Рославле, Саратове, Твери и Туле [16, с. 9].

С 1-го номера предполагались рубрики: «Общественная жизнь и молодежь»; «Жизнь молодежи»; «Беллетристика»; «Живопись, скульптура, зодчество»; «Спорт»; «Театр»; «Музыка»; «Хроника»; «Библиография и критика»; «Юмор»; «Смесь и задачи»; «Почта» [6, с. 1]. Со второго номера (август 1918 г.) появился раздел «Эсперанто» с рубрикой «Хроника эсперанто». Со сдвоенного №3–4 (сентябрь 1918 г.) вместо раздела «Живопись. Скульптура. Зодчество» появляются отдельные рубрики «Живопись», «Скульптура» и «Зодчество». С №19 (19 января 1919 г.) – раздел «Электрик-любитель», с №20 (26 января 1919 г.) – «Анархо-философия» и «Анархо-индивидуализм».

В журнале печатали стихи, прозу, статьи по различным направлениям искусства, научно-популярные тексты, анонсы культурных мероприятий. Освещалась деятельность молодежных организаций. Публиковались сообщения о выходе молодежных периодических изданий,

рецензии на них. Пропагандировался язык эсперанто, печатались задания для его изучения. Из анархических изданий ЖТРМ имел самый богатый иллюстративный ряд: фотографии, репродукции картин, гравюры, рисунки и карикатуры. При оформлении использовались произведения художников А. Н. Волобуева, М. С. Келлата, А. К. Манкова, Б. Р. Эрдмана, скульптора и художника А. А. Мануйлова. Печатались стихи и проза А. С. Вашкова, А. Г. Глебова, Е. З. Долинина, С. А. Есенина, Н. Н. Захарова-Мэнского, А. Б. Кусикова, А. Б. Мариенгофа, Н. В. Некрасова, А. П. Никанорова, А. П. Платонова, Н. Ю. Поплавской, М. Э. Портена, С. М. Третьякова, А. Э. Уранского-Мейера, Г. Г. Фейгина, В. Г. Шершеневича, Г. Л. Шидловского, Г. Я. Ширмана, Г. Б. Шмерельсона, И. М. Шолоха и Н. Р. Эрдмана. На страницах ЖТРМ впервые вышло на всероссийскую арену течение имажинистов [5, с. 144]. Раздел «Эсперанто» сначала вел журналист, писатель и переводчик Н. В. Некрасов, а затем – один из руководителей Московского института эсперанто Г. Я. Розенблат. В разделе «Театр и музыка» печатался И. В. Звигунов, в 1920-е – 1930-е гг. ставший известным певцом, педагогом, актером Московского музыкального театра им. В. И. Немировича-Данченко. Помещались и материалы, ориентированные на широкий круг читателей – шарады, игры, анекдоты, частушки [5, с. 144].

Редакция была лояльна к Советской власти, поддерживая ее в «борьбе за мировую социалистическую революцию и в работе укрепления социализма в России» [14, с. 8]. Приветствовались введение единой трудовой школы и отмена школьной прислуги как шаги, направленные на преодоление социального неравенства [9, с. 3–4; 24, с. 7]. При этом было подвергнуто критике ужесточение школьной дисциплины [27, с. 6].

В то же время Н. Марков в статье «За какие порядки должна бороться крестьянская молодежь», оценивал экономический курс РКП(б), как «государственный капитализм, олицетворяемый не большинством народа, а незначительным меньшинством – верхушкой управляющих» [20, с. 1]. Столь же негативно в статье «Профессиональное движение и Государство» он оценил огосударствление профсоюзов [19, с. 2–3]. В статье «Молодежь и Советская власть» Марков подверг большевиков критике за огосударствление Советов и централизацию власти, выступая за «вольные советы рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции», «постановления которых могут быть приняты только после обсуждения их избирателями на местах». Федерацию Советов он рассматривал, как «переходную стадию к анархическому строю» [18, с. 2–3]. Редакция ЖТРМ полагала, что в условиях гражданской войны «было бы безуми-

ем выступить против Советов и выступлением своим сыграть на руку истинной контрреволюции». Борьба с большевистской диктатурой предполагалась в отдаленном будущем [19, с. 3].

От журнала – к организации

В сентябре 1918 г. при редакции ЖТРМ был основан Свободный союз молодежи (ССМ), внепартийный, но построенный «на анархических

началах». Его целью провозглашалось единение рабочей и учащейся молодежи «путем самоусовершенствования, самоопределения и саморазвития». ССМ делился на секции (литературная, театрально-музыкальная и эсперантская) [10, с. 4], планировал культурно-просветительские мероприятия и создание учреждений взаимопомощи: «организационные собеседования, доклады, лекции, чтения, концерты, спектакли, столовые, общежития, летние колонии, кассы взаимопомощи, бюро труда» [8, с. 13]. Проводилось чтение докладов по классике русской литературы, обсуждение произведений членов ССМ [12, с. 3; 15, с. 7].

В ответ на образование Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) Н. Марков в статье «Молодежь и анархизм» призвал к объединению «молодых анархистов в единую всероссийскую федерацию» [14, с. 1]. В статье «Организация анархических групп молодежи» он наметил основы «Всероссийской федерации анархических ассоциаций молодежи» (ВФААМ), рассматривая в качестве ее целей «идейную анархическую работу среди молодежи и трудящихся масс», «работу по воплощению анархизма в жизнь» и «самообразование входящих в организацию». Была намечена структура ВФААМ. Низовые группы объединялись в волостные, уездные, районные и городские ассоциации. Ассоциации – в губернские и областные «агрегации». На всех уровнях ВФААМ предполагалось создать секретариаты, организующие повседневную работу. Принимать решения в регионе должен был Совет ассоциаций, на уровне ВФААМ – съезд [17, с. 2].

Предполагалось деление каждой группы на секции по направлениям деятельности: литературную, научную, по изучению искусств, спортивную, театрально-музыкальную, художественную, философскую, эсперантскую. Для агитационно-пропагандистской и просветительской работы планировалось создать клубы с библиотеками-читальнями [17, с. 2].

Автономия низовых организаций, полномочия общих собраний должны были сочетаться с дисциплиной, установленной организационным

договором, обязательность выполнения поручений – с правом меньшинства принимать собственные резолюции [17, с.2].

Говоря о тактике, Марков выступал с анархо-коммунистических и анархо-синдикалистских позиций. Он призывал крестьянскую молодежь создавать в деревнях «союзы пропаганды вольной коммуны», с целью организации автономных сельскохозяйственных коммун и кустарных производственных артелей [20, с. 1]. На предприятиях и в учреждениях предполагалось образовывать рабочие и интеллигентские союзы молодежи, отстаивающие интересы молодых работников, ведущие агитационно-пропагандистскую и просветительскую работу [20, с.3].

Под эгидой ЖТРМ в декабре были основаны «Московская анархическая группа учащейся молодежи (2-й ступени и высшей школы)» и «Кружок вольных» Комиссаровского технического училища. Обе группы работали над созданием библиотек анархической литературы, проводили лекции по теории анархизма [18, с.8]. С №14, датированного 15 декабря 1918 г., ЖТРМ становится изданием новой организации – Московской анархической ассоциации молодежи (МААМ) [16, с.8].

Временный секретариат

ВФАМ была провозглашена 26 января 1919 г. на общем собрании МААМ и редакции ЖТРМ. Его участники приняли «Декларацию Всероссийской федерации анархической молодежи», составленную Марковым и Тиркельтрудом. Предполагалось, что ВФАМ будет координировать деятельность молодежных организаций анархистов всех течений при сохранении их автономии, вплоть до отказа подчиняться решениям секретариата и съездов. Федерация должна была направлять в регионы специалистов по разным направлениям работы, издавать и распространять анархическую литературу, защищать интересы молодежи. Редакция ЖТРМ ведала вопросами печатной агитации, МААМ – издательской деятельностью, ССМ – литературной работой [21, с.2; 52, л.241].

2 февраля был сформирован Временный секретариат ВФАМ (ВС), объединивший редакцию ЖТРМ, ССМ, Студенческую анархическую группу, «Кружок вольных» и несколько сочувствующих [52, л.241]. К 10 февраля в ВФАМ вошла Группа анархистов-индивидуалистов [23, с.8].

ВС имел разветвленную структуру. Так, Е.Габрилович занимал должность зав. Статистическим бюро, Н.Марков – зав. Отделом пропаганды. Один из членов секретариата был казначеем [26, с.1]. С №22 ЖТРМ была

официально объявлена органом ВФАМ. Теперь в каждом номере публиковали бюллетень, посвященный ее деятельности [23, с. 2].

Евгений Иосифович Габрилович, советский драматург, писатель и сценарист. В 1919 г. – один из лидеров ВФАМ

В феврале был опубликован «Наказ по организационному вопросу местным группам анархической молодежи», наметивший цели, задачи и организационные принципы ВФАМ. Ее главной целью провозглашались создание анархического движения среди молодежи и созыв учредительного съезда. Считалось, что «в состав групп может входить каждое лицо, считающее себя молодым, независимо от своего возраста», но разделяющее «основные положения» анархизма. Незнакомые с анархическими идеями направлялись в «группы сочувствующих». В вопросе о структуре организации и системе управления признавалась схема, предложенная Марковым, но с дополнениями. Секретариат созывал съезды, распределял работников по организациям, издавал печатный орган, организовывал издательство и школу пропагандистов. Финансы ВФАМ формировались за счет добровольных взносов и пожертвований. Добровольность сочеталась с отчетностью за выполнение обязанностей. В секретариат и редакцию ЖТРМ группы должны были высылать еженедельные отчеты о работе [23, с. 2].

В статье «Задачи съезда» Марков наметил цели ВСАМ: разработку программы, тактики, форм взаимоотношений между различными уровнями организации, выявление влияния различных течений анархизма среди молодежи, создание Интернационала анархической молодежи, выработку подходов к рабочему, крестьянскому, «красноармейскому» и школьному вопросам [25, с.2].

16 февраля было опубликовано заявление «От секретариата Всефама», призывавшее всех, согласных с декларацией и наказом, стать инструкторами ВФАМ и приступить к созданию групп на местах [24, с.8].

Началась дискуссия о стратегии и тактике. Уранский в статье «Политика и анархисты» призывал товарищей по движению примириться с атрибутами политики и государства, «необходимыми» в условиях гражданской войны [25, с.4]. В статье «Политика» согласие с его позицией выразил Габрилович, утверждавший: «без той кровожадной самозащиты, олицетворением которой является советский строй, революция, окруженная со всех сторон врагами, погибла бы в самом зародыше» [26, с.4]. В статье «Коренной перелом в тактике или измена идеалам?» вопрос о пересмотре отношения анархистов к органам революционной власти поднял и Н.Марков. Приведя в пример выгоды от вхождения анархистов в Советы в России, участие немецких анархистов Г.Ландауэра и Э.Мюзамы в правительстве Баварской Советской республики, он предложил товарищам следить за их опытом и, возможно, готовиться к переоценке отношения к участию в органах власти [27, с.2].

В полемику с ними вступил Корсиков, в статье «Ответ тов. Уранскому» отстаивавший необходимость немедленного перехода от социалистической республики к вольной федерации анархических коммун [29, с.7]. В статье «Анархист и социализм» он обрушился на большевиков, обвиняя их в установлении диктатуры: «Социализм – есть чудовищная реакция, с его государственными монополиями, национализациями, муниципализациями и беспрестанными инквизициями и реквизициями. [...] Социализм далеко не ушел от царизма, он во многом даже с ним сходен. Те же учреждения, те же чиновники, только раз в десять их больше, те же расстрелы, казни, то же преследование за свободу мысли» [25, с.4–5].

Призыв секретариата получил отклик в регионах. Вскоре был опубликован список из 18 инструкторов ВФАМ в 18 населенных пунктах: ст.Анаево, Бобруйск, ст.Бологое, Вольск, Воронеж, ст.Горки, ст.Инза, Калуга, Камышин, Козлов, Минск, Ливны, ст.Лихославль, ст.Лухтонга, Могилев, Рузаевка, Скопин и Судогда [25, с.8]. По данным на 11 марта

1919 г., к работе приступили 25 инструкторов [26, 1]. К 13 апреля к ним добавились еще 7 в Вязьме, Зубцове, Кинешме, ст.Лухтонга, д.Никулино, Нижнем Новгороде, м.Рудня [27, 5].

Географический ареал ВФАМ был достаточно широк. По данным на 11 марта 1919 г., в ее состав вошли 5 групп в Москве и 34 – в регионах. Еще 42 находились «в периоде образования». Уранский в статье «Задачи съезда в отношении теории и практики раскола» (середина июня 1919 г.) утверждал, что в ВФАМ входило около 100 групп. Габрилович определял общую численность организации в 257 чел. Организации, индивидуальные члены и сочувствующие ВФАМ действовали в Витебской (с.Коротайск Невельского у.), Владимирской (Александров, Владимир, Гаврилов Посад, Судогда), Вологодской (с.Вожга Кадниковского у., ст.Лухтонга Северной ж. д.), Воронежской (Воронеж, ст.Терещицкая Московско-Киевско-Воронежской ж. д.), Вятской (Вятка, Орлов, Уржум), Екатеринославской (Нижеднепровск), Иваново-Вознесенской (Кинешма, д.Большие Колесницы и д.Никулино Шуйского у.), Казанской (с.Верхние Казылы Лаишевского у. Казыльской в., Казань), Калужской (Калуга), Киевской (Киев), Костромской (Варнавино, Галич), Курской (Курск), Минской (Бобруйск, Минск), Могилевской (ст.Горки, Могилев, Орша, м.Рудня Оршанского у. Пропойской в., Чериков), Московской (Москва), Нижегородской (Канавино, Нижний Новгород, с.Починки Лукояновского у.), Николаевской (Елисаветград), Орловской (д.Ламская Пальна Елецкого у. Ламской в., Ливны, Мценск, Орел), Пензенской (Кузнецк, Рузаевка, Сердобск, с.Шнаево Городищенского у.), Петроградской (ст. Званка, Кронштадт, Петроград), Псковской (Опочка), Рязанской (Скопин), Саратовской (Вольск, Камышин, Саратов), Симбирской (Алатырь, ст.Инза Московско-Казанской ж. д.), Смоленской (ст.Батюшково Александровской ж. д., Белый, Вязьма, Гжатск, Рославль, Смоленск), Тамбовской (ст. Анаево, Козлов, Тамбов), Тверской (Бологое, Зубцов, Кимры, с.Комлево Весьегонского у., ст.Лихославль Николаевской ж. д., д.Теленково Ржевского у. Тимофеевской в.), Тульской (Тула, Ясенки) губ., Ферганской обл. (Андижан) [22, с.7; 25, с.1, 8; 26, с.2; 27, с.5, 8; 28, с.1; 29, с.1; 30, с.7–8; 31, с.3–4; 3, с.110; 33, с.136–137; 39, с.23–24; 52, л.75–76,82–84об.,87,90–93об.,96–97об.,102–102об., 105–106, 125, 180, 248, 250, 250об., 261].

В основном, речь шла об индивидуальных сочувствующих или небольших группах, от нескольких десятков до нескольких человек в каждой. В большинстве известных случаев – не более 10 чел. Так, организация ВФАМ в Кимрах насчитывала 10 чел., в Александрове и Гжатске – по 9 чел., в Вятке – не менее 2 членов (по другим данным – 9)

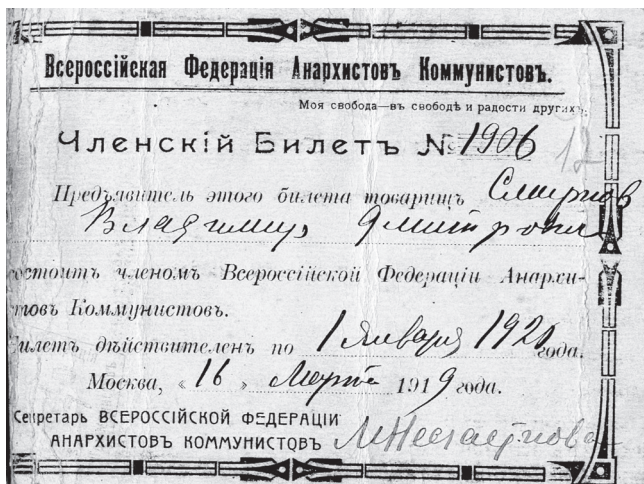
ВФАМ и 9 сочувствующих, смоленская группа «Бунтарь» и Группа анархической молодежи в Судогде – по 7 чел. Но бывали исключения. 26 чел. насчитывала группа на ст. Званка, Группа анархической молодежи Камышина – 8 членов и 11 сочувствующих, Канавинская группа анархической молодежи – около 15 членов и 30 сочувствующих [30, с. 7; 52, л. 51, 124–125, 191, 208, 211, 253 об., 257, 261, 265–265 об., 279].

Имеющиеся данные позволяют охарактеризовать идейные симпатии активистов ВФАМ как достаточно пестрые. Участники ВСАМ определили свои политические взгляды так: анархист-коммунист – 11 (31,4%), анархист – 5 (14,2%), анархист-индивидуалист – 4 (11,4%), сочувствующие анархизму – 3 (8,5%), анархо-синдикалист – 2 (5,7%), «анархизм без приставки» – 1 (2,8%), анархист-индивидуалист и анархист-коммунист – 1 (2,8%), анархист-коммунист и анархо-синдикалист – 1 (2,8%), анархист-синдикалист-коммунист – 1 (2,8%), анархист-христианин – 1 (2,8%), сторонник «единого анархизма» с симпатиями к анархо-синдикализму – 1 (2,8%). О идейной позиции 4 участников (11,4%) сведений нет. Сторонниками анархического коммунизма были не менее 48,3% участников съезда. Анархизму-индивидуализму и анархо-синдикализму симпатизировали по 17%. Имеются сведения по ряду местных организаций. В Камышине преобладали анархо-синдикалисты-коммунисты [30, с. 7; 52, л. 257], в Канавино – анархисты-коммунисты и пананархисты [52, л. 261], в Белом – анархисты-коммунисты [52, л. 180].

Следует отметить группы населения, на которые ориентировалась ВФАМ. Помимо учащихся, значительное внимание уделялось крестьянам и красноармейцам. Так, делегат группы «Бунтарь» на ВСАМ призвал: «Необходимо обратить особое внимание на пропаганду в крестьянской среде, в очень частых случаях уже настроенной анархично. Очень благоприятна для пропаганды красноармейская среда» [52, л. 51]. Агитационную работу среди крестьян вела Анархическая группа учащихся в Гжатске [52, л. 253]. Анархист из Тульской губ. Ф.Ф. Ульянов в анкете для участников ВСАМ писал: «Крестьяне относятся к идее анархизма сочувственно и, если повести шире распространение анархической литературы, можно было бы надеяться на более широкую поддержку» [52, л. 184]. В Камышинском уезде активисты ВФАМ организовали две крестьянские анархические группы [52, л. 124, 257; 30, с. 7].

Активисты ВФАМ имели некоторое влияние среди красноармейцев. В мае 1919 г. в ЖТРМ было опубликовано приветственное письмо от группы красноармейцев-анархистов с Урала, пожертвовавших журналу 1100 руб. [29, с. 4]. Среди членов ВФАМ было немало военнотру-

жащих РККА, что связано с обстановкой Гражданской войны. Среди делегатов ВСАМ их насчитывалось более 31% (11 чел.). Габрилович служил сотрудником Центральной комиссии по снабжению Красной армии продовольствием (Цекомпродарм) [52, л. 54–55], И. А. Орлов-Таракановский – письмоводителем в 10-м запасном стрелковом батальоне, дислоцированном в Александровских казармах Москвы [52, л. 19, 213], В. Е. Семенов – инструктором по спорту Всеобуча военкомата Москвы [52, л. 19, 187–188 об.], А. П. Жебелев – красноармейцем в уездном военкомате в Бологое [52, л. 19 об., 234], В. А. Ольденборгер – в резерве специалистов Воздушного флота [52, л. 220, 222], Е. Б. Иоэльсон – старшим инструктором Особой продовольственной комиссии по снабжению Западной стрелковой дивизии в Минске [52, л. 33], В. Д. Смирнов – канониром в 1-й Запасной артиллерийской бригаде [52, л. 41], С. С. Ратников – переписчиком в военкомате Гжатска [52, л. 44, 45]. Из 9 участников Анархической группы молодежи Вятки 4 служили в Почтово-телеграфном отделе Штаба 3-й армии, 1 – учился на командных курсах [52, л. 191]. Ее делегат на ВСАМ, П. Е. Исаев, служил наборщиком в типографии Политотдела 3-й армии [52, л. 207].

Членский билет Всероссийской федерации анархистов-коммунистов на имя Владимира Дмитриевича Смирнова. ГАРФ. Ф.10035. Оп.1. Д. П-50879. Л.12

Известны случаи организации членами ВФАМ ячеек в воинских частях. Так, 3 июня в Александрове Комаревский и Марков выступили

на митинге в гарнизоне. Под их влиянием среди бойцов 1-й роты 3-го запасного инженерного батальона образовалась группа ВФАМ [31, с.4; 52, л.211]. П.В.Смирнов, красноармеец Дорожно-мостовой роты 10-го инженерного батальона 10-й стрелковой дивизии, организовал среди бойцов «Группу изучения анархизма», запросил секретариат ВФАМ о доставке анархической литературы и отправил в ЖТРМ заявление в защиту Махно [52, л.156–157].

Секретариат и редакция ЖТРМ поддерживали переписку с другими анархистами из Красной армии. Среди них: М.Борисенко, красноармеец Команды Южного стрелкового полка при Воронежском сахарном заводе; М.Зубков, фельдшер 217-го военного госпиталя в Мценске [52, л.248]; секретарь Владимирской группы анархистов-коммунистов А.Хомяков, служивший во Владимирском караульном батальоне [52, л.75 об.]; А.Иванов, матрос эскадренного миноносца «Войсковой» в Кронштадте [52, л.75 об., 90–90 об.]. Сочувствующие ВФАМ служили и в авиачастях РККА на Украине. Связь с ними поддерживалась через членов Анархической группы авиапоезда №3 В.Королькова и У.Зданкевича [52, л.75 об.]. Пропаганду среди красноармейцев вела смоленская группа «Бунтарь» [52, л.125]. Это направление деятельности ВФАМ могло рассматриваться властями как особо опасное в условиях нарастания недовольства политикой «военного коммунизма» среди широких слоев населения.

РКСМ неоднократно подвергался критике на страницах ЖТРМ за бюрократизированность и подчинение РКП(б). В ряде населенных пунктов ВФАМ превратилась в их конкурента, привлекая разочарованных комсомольцев. Так, в Орлове Вятской губ., к анархической молодежи присоединились 4 чел. из местного Коммунистического союза молодежи [29, с.8]. Многие члены групп ВФАМ в Гжатске и Орше были бывшими комсомольцами [52, л.124 об. –125]. В селе Комлево Тверской губ. некоторые члены РКП(б) перешли в группу анархической молодежи [31, с.4]. Пропаганду среди комсомольцев вели активисты ВФАМ в Канавино [52, л.125,261]. Дело доходило до открытых конфликтов. Так, 7 мая на собрании канавинских анархистов член комитета РКСМ, после поражения в дискуссии, угрожал оппонентам арестом [30, с.8].

Деятельность ВФАМ, прежде всего, была направлена на пропаганду анархических идей и культурно-просветительскую работу. Ее центром был ЖТРМ, с 1 июня 1919 г. выпускавшийся редколлекцией в составе Н.Корсикова, Н.Маркова, А.Уранского и поэта-имажиниста В.Г.Шершеневича [30, с.8]. Финансирование журнала осуществлялось за счет взносов, поступлений за подписку, продажи анархической литературы.

Выплачивались гонорары авторам и заработная плата сотрудникам. Издание окупалось. Превышение доходов над расходами, по данным за июнь 1919 г. составило более 20 тыс. руб. [52, л. 146–147, 238 об. 300–300 об.].

Редакция оказывала методическую помощь сторонникам. В середине апреля был опубликован список рекомендуемых тем лекций, начиная от разъяснения идей атеизма и анархизма, анализа сущности государственных институтов, проблем тактики и стратегии анархического движения и заканчивая вопросами брака и семьи, свободной любви [27, с. 7].

Литературная и театрально-музыкальная секции ССМ организовывали обсуждения литературных произведений, концерты, балы, театральные постановки. В начале июня в Москве были созданы курсы инструкторов ВФАМ [24, с. 2]. На 16 марта 1919 г. было запланировано собрание Анархической группы учащейся молодежи. Предполагалось обсудить лекционную работу, создание библиотеки, выпуск собственного журнала [25, с. 8].

С целью расширения пропагандистской деятельности планировалось издание газеты. 13 мая 1919 г. Корсииков и Марков обратились в Президиум Моссовета с ходатайством о разрешении выпуска еженедельника «Клич Борьбы», включающего разделы: общественность, экономика, политика, наука, искусство, семья, школа и жизнь. В состав редколлегия прочили Е. Габриловича, Н. Корсиикова, Н. Маркова и В. Шершеневича. 16 мая Президиум Моссовета отклонил ходатайство [5, с. 433–434].

Действовали и молодежные просветительские центры при анархических организациях Москвы. На начало мая 1919 г. известно о клубе «Организации молодежи при Басманно-Лефортовской организации анархистов». При нем работали кружки по изучению анархизма для учащейся молодежи [28, с. 8].

Поэты-имажинисты А.Б.Мариенгоф,
С.А.Есенин, А.Б.Кусиков и В.Г.Шершеневич

ВФАМ поддерживала эсперантистское движение. Весной 1919 г. редакция ЖТРМ, МААМ и Центральное бюро Всероссийского союза юных эсперантистов подписали воззвание «Ко всей учащейся молодежи России», призывавшее вместо обязательного ввести свободное обучение иностранным языкам в школе и обязательное изучение «единого для всех, пролетарского международного языка Эсперанто!» [23, с.4].

Резолюцию в поддержку воззвания приняли 100 участников митинга, собранного 23 февраля 1-м Московским кружком учащихся-эсперантистов в школе №67 [26, с.8]. 1 марта такую же резолюцию выдвинуло учредительное собрание группы учащихся-анархистов 1-й трудовой школы Камышина [27, с.8].

Есть примеры культурно-просветительской и пропагандистской работы ВФАМ в регионах. Так, сочувствующий ЖТРМ А.Н.Алексеев создал в с.Шнаево литературно-театральный кружок молодежи с 4 отделами (литературно-политический, музыкально-вокальный, внешкольного образования и театральный). Ставились спектакли по произведениям Н.В.Гоголя и Л.Н.Толстого, а также бытовые зарисовки, популярные среди крестьян. Был создан хор, исполнявший революционные песни [24, с.8]. В клубе Союза анархистов Камышинского уезда Группа учащихся-анархистов регулярно проводили лекции, доклады и беседы об анархизме для красноармейцев, крестьян и рабочих [52, л.124, 257; 30, с.7]. По данным на 25 мая 1919 г., такие же мероприятия проводила группа ВФАМ в Комлево [30, с.8; 31, с.4]. Рузаевская группа вела работу среди местной молодежи, используя собственную читальню [52, л.74].

Велась пропагандистская работа в трудовых коллективах. В 1919 г. в Москве ВФАМ участвовала в трех рабочих митингах: у пицевиков, на фабрике «Меркурий» и на Сахарном заводе [52, л.241]. 29 мая на открытии клуба на «Меркурии» Корсиков и Марков читали доклад на тему «Немедленный анархизм». По мнению редакции ЖТРМ, доклад прошел успешно [30, с.8]. 30 мая в Рославле группа анархической молодежи основала культурно-просветительский кружок для железнодорожников [31, с.4].

Большинство групп вело работу легально. Если не было возможности легализоваться, нелегальная активность сочеталась с деятельностью под прикрытием «старшей» анархической организации. В Смоленске группа анархической молодежи готовила издание подпольного журнала «Бунтарь» [31, с.4; 52, л.125], проводила собеседования в кружке интересующихся анархизмом и группе сочувствующих, пользовалась читальной и клубом смоленских анархистов [52, л.51]. Члены группы были настрое-

ны радикально, признавая «немедленную» борьбу против всякой власти, применение экспроприаций и террора [52, л. 125]. 22–27 февраля 1919 г. они участвовали в Съезде учащихся Западной коммуны [26, с. 8].

По материалам анкет и докладов ВСАМ очевидно, что часть местных организаций страдала от неустроенности материальной базы и отсутствия активистских кадров. Вятская группа нуждалась в литературе, агитаторах, организаторах, клубе и читальне [52, л. 208], Александровская – в лекторах и организаторах [52, л. 211], Камышинская – в лекторах и литературе [52, л. 257], Канавинская – «в литературе, лекторах, клубе» [52, л. 261], Судогодская – в литературе [52, л. 279].

Весной шла работа по консолидации ВФАМ. 11 марта совместное собрание ВС и находившихся в Москве членов ВФАМ постановило провести 27 апреля I Всероссийский съезд анархической молодежи. Предполагалось, что его делегаты примут участие в Первомайских шествиях анархистов. В составе Секретариата были выделены отделы: казначейский, редакторский, статистический справочный, устной и печатной пропаганды. Статистическим справочным отделом руководил Габрилович, Отделом устной и печатной пропаганды – Марков, Редакторским – П. Гар, Отделом корреспонденций и статистики – Корсиков, Отделом справок – Э.М. Гольдберг, Казначейским – автор ЖТРМ, известный под псевдонимом «М.Т.», а затем – Марков [26, с. 2; 27, с. 8].

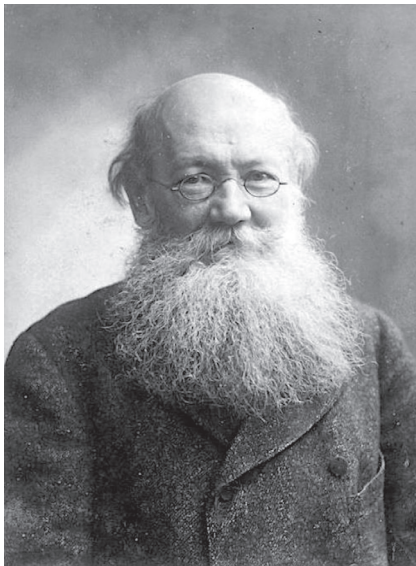
По требованию групп из регионов, дату съезда перенесли, а 27 апреля прошла I Всероссийская конференция анархической молодежи. Из 13 делегатов 6 представляли ВС, 2 – Московскую группу ВФАМ, по 1 – Лефортовскую районную группу анархической молодежи, Инициативную группу по организации Украинской федерации анархической молодежи, Елисаветградскую, Смоленскую и Уржумскую группы анархической молодежи. Были заслушаны доклады с мест и доклад ВС. Съезд перенесли на 29 июня, разработав нормы представительства и регламент. Право решающего голоса получили группы, вступившие в ВФАМ. Индивидуальные члены могли участвовать с правом совещательного голоса. Группы, насчитывавшие до 10 членов, присылали не более 2 делегатов. Те, кто имел большую численность – не более 3. Секретариат ВФАМ и областные секретариаты – по 2 с правом решающего голоса. Была принята программа съезда. Предполагалось заслушать доклады секретариата, затем доклады с мест, по текущему моменту и задачам анархической молодежи. Далее шли проблемы тактики, программные вопросы (рабочий, крестьянский, школьный, вопрос о Красной армии и повстанцах), об организации I Интернационала анархической молодежи, об отноше-

нии к искусству и культурно-просветительской деятельности, организационный вопрос. В пункт «разное», стоявший на последнем месте, были включены вопросы о методах, средствах, пропаганде и агитации, издании печатного органа ВФАМ. На съезд выделялось не более недели [25, с. 1, 8; 26, с. 2; 27, с. 5; 28, с. 1; 29, с. 1; 39, с. 7–8; 3, с. 110; 33, с. 136–137].

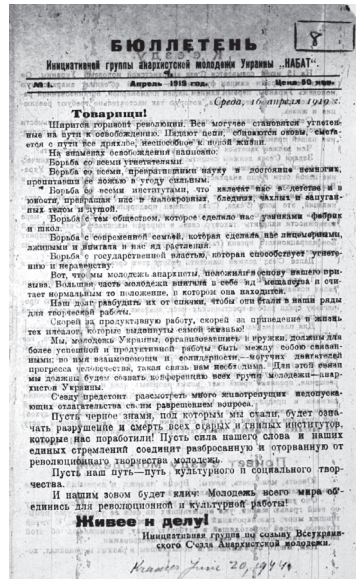
Были сформированы Организационная коллегия и Регистрационно-Статистическое бюро, куда следовало обращаться прибывшим на съезд, а также «Особый Секретариат по обеспечению 1-го Всероссийского съезда молодых анархистов» [52, л. 145, 247].

Примерно тогда же ВС и Московская группа ВФАМ провели совместное совещание с Инициативной группой по организации Украинской федерации анархической молодежи. Были заслушаны доклады ее делегатов Я. Балтина и М. Злого (Радомысльского), посвященные движению анархической молодежи на Украине и идеологии КАОУ. Была принята резолюция о вхождении Секретариата Украинской федерации анархической молодежи в ВФАМ, но с правом самостоятельного выбора тактики [28, с. 2].

Собиратели молодежных сил анархизма обратились за поддержкой к П. А. Кропоткину. 4 мая 1919 г. он принял в Дмитрове Маркова, Кор-

Петр Алексеевич Кропоткин

Титульный лист Бюллетеня Инициативной группы анархической молодежи Украины «Набат». №1. Апрель 1919 г.

сикова и Габриловича и выразил поддержку их деятельности [29, с. 8; 34, с. 196].

В мае–июне развернулась работа по созданию региональных организаций анархической молодежи. 14 мая была провозглашена Московская федерация анархической молодежи (МФАМ) и образован ее Временный секретариат [30, с. 3]. На 23 июня была запланирована Западная областная конференция анархической молодежи. Предполагалось, что после ее окончания делегаты отправятся на съезд ВФАМ в Москву [31, с. 4]. Инициативная группа анархической молодежи Украины «Набат» готовила на 15 июня Всеукраинский съезд анархической молодежи, но часть делегатов погибла в боях с мятежниками-григорьевцами и съезд перенесли на август [37, с. 2].

Рост влияния ВФАМ вызвал репрессии местных властей. Так, в конце марта 1919 г. в Рузаевке милиция сорвала объявления о проведении учредительного собрания группы анархической молодежи, а затем закрыла его. Лишь благодаря вмешательству члена Исполкома собрание было продолжено [29, с. 4]. В Осташкове руководитель уездного комитета РКП(б), действуя через Агентство Центропечати, запретил продажу ЖТРС [30, с. 8]. В апреле 1919 г. в Вязьме уездный Исполком Советов при содействии функционеров РКП(б) запретил печатать в местных «Известиях» объявление о проведении собрания анархической молодежи [29, с. 8]. В мае смоленские чекисты конфисковали напечатанную местной группой ВФАМ листовку «Определение целей и структура организации производителей Смоленского края, всепрофессионального Союза строителей Анархии» [39, с. 23; 41, л. 43]. В июне 1919 г. была распущена властями связанная с ВФАМ Гаврилово-Посадская группа анархистов, арестован ее лидер Чижов [52, л. 104, 106].

Библиографический список

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 2. 1917–1935 гг. М.: РОССПЭН. 1999. 590 с.
2. ГАРФ. Ф. 10035. Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области. Оп. 1. Д. П-37870. По обвинению Меера-Уранского Александра Эдуардовича. 8.Х.1919 г.
3. Глушаков Ю. Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб.: ШСС, 2015. 171 с.

4. Дроздов В.А. «Достались нам в удел года совсем плохие...» (В.Г.Шершеневич в 1919 и 1922 годах) // Новое литературное обозрение. 1998. №30. Февраль. С.120–132.
5. Дроздов В.А. DUM SPIRO SPERO: О Вадиме Шершеневиче и не только: статьи, разыскания, публикации. М.: Водолей, 2014. 799 с.
6. Жизнь и творчество русской молодежи. 1918. Июль. №1.
7. Там же. 1918. Август. №2.
8. Там же. 1918. Сентябрь. №3–4.
9. Там же. 1918. Октябрь. №5.
10. Там же. 1918. Октябрь. №6.
11. Там же. 1918. Октябрь. №7.
12. Там же. 1918. Ноябрь. №8–9.
13. Там же. 1918. Ноябрь. №10.
14. Там же. 1918. Ноябрь. №11.
15. Там же. 1918. №12. 1 декабря.
16. Там же. 1918. №14. 15 декабря.
17. Там же. 1919. №16. 1 января.
18. Там же. 1919. №17. 5 января.
19. Там же. 1919. №18. 12 января.
20. Там же. 1919. №19. 19 января.
21. Там же. 1919. №20. 26 января.
22. Там же. 1919. №21. 2 февраля.
23. Там же. 1919. №22.
24. Там же. 1919. №23. 16 февраля.
25. Там же. 1919. №24–25.
26. Там же. 1919. №26–27.
27. Там же. 1919. №28–29.13 апреля.
28. Там же. 1919. №30–31. 4 мая.
29. Там же. 1919. №32–33. 18 мая.
30. Там же. 1919. №34–35. 1 июня.
31. Там же. 1919. Экстренный выпуск. 16 июня.
32. Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917–1922 гг.). М.: Мысль, 1974. 415 с.
33. Леонтьев Я.В. Кропоткин как правозащитник // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений. К 170-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Дмитров: Музей-заповедник «Дмитровский кремль», 2012. С.130–139.
34. Леонтьев Я.В. П.А.Кропоткин и Е.И.Чиволов-Габрилович. К вопросу о съезде ВсеФАМ и его участниках // На Внутреннем фронте Гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний / Сост. Я.В.Леонтьев. М.: Русская книга, 2019. С.195–201.
35. Московский набат. 1919. Август. №1.

36. Там же. 1919. №2. 18 августа.
37. Набат. 1919. №21. 30 июня.
38. Овсянников С. А. Список делегатов на I съезд ВФАМ, арестованных 1 июля 1919 года // На Внутреннем фронте Гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний / Сост. Я. В. Леонтьев. М.: Русская книга, 2019. С. 201–206.
39. Овсянников С. А. Смоленские анархисты во времена Великой российской революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Край Смоленский. 2020. №3. С. 20–27.
40. Письма П. А. Кропоткина М. И. Гольдсмит, А. А. Боровому и А. Шапиро // Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. М.: Ин-т экономики, 1992. С. 175–195.
41. РГАСПИ. Ф. 17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп 84. Д. 274. Об анархистах.
42. Рублев Д. И. Анархисты и руководство РКП(б): переговоры о легализации анархического движения в 1920 г. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 113–135.
43. Рублев Д. И. Черная гвардия. Московская Федерация Анархических групп в 1917–1918 гг. М.: Common place, 2020. 702 с.
44. Рублев Д. И. «Анархисты-синдикалисты-коммунисты»: К истории анархического движения России в эпоху гражданской войны // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. №4. С. 86–110.
45. Савченко В. А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр.: історичний аспект та політична практика: монографія. Київ: Національна академія наук України, Інститут історії України, 2017.
46. Труд и воля. 1919. №2. 11 февраля.
47. Там же. 1919. №3. 14 апреля.
48. Там же. 1919. №4. 28 апреля.
49. Там же. 1919. №5. 9 мая.
50. Там же. 1919. №6. 20 мая.
51. Харьковский набат. 1919. №10. 30 марта.
52. ЦА ФСБ. Д.Р-27898. Дело анархистов «Всефама».

(Окончание следует)

Олег Наумов

ДВОРЯНИН В ИНТЕРЬЕРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ:

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПУШКИН – ВНУК ПОЭТА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

929.7.03

В статье на основе неизвестных источников реконструируется биография полковника Григория Александровича Пушкина (1868–1940), внука А.С.Пушкина. Рассказано о его военной службе в императорской и Красной армиях, семье и сложном материальном положении после 1917 г. Показано, какими сложностями сопровождалось назначение ему персональной пенсии в 1923 г. и последующая помощь. Особое внимание уделено получению жилья в Москве. На основе личного дела детально выяснена история устройства Г.А.Пушкина на работу в Государственную библиотеку СССР имени В.И.Ленина, где в 1936–1938 гг. с ним заключались временные трудовые договоры, а с января 1939 по январь 1940 г. он находился на постоянной должности. Биография внука поэта анализируется в контексте социальной истории русского дворянства после 1917 г., его адаптации к советской действительности.

The article reconstructs the biography of Colonel Grigory Alexandrovich Pushkin (1868–1940), grandson of A.S.Pushkin, on the basis of unknown sources. It tells about his military service in the Imperial and Red Armies, his family and difficult financial situation after 1917. It is shown what difficulties accompanied the appointment of his personal pension in 1923 and subsequent assistance. Special attention is paid to obtaining housing in Moscow. Based on the personal file, the history of G.A. Pushkin's employment at the State Library of the USSR named after V.I.Lenin was clarified in detail, where temporary employment contracts were concluded with him in 1936–1938, and from January 1939 to January 1940 he was in a permanent position. The biography of the poet's grandson is analyzed in the context of the social history of the Russian nobility after 1917, its adaptation to Soviet reality.

Ключевые слова: Г.А.Пушкин; русское дворянство; Государственная библиотека СССР имени В.И.Ленина; потомки А.С.Пушкина; эпистолярные источники; социальная адаптация.

Key words: G.A.Pushkin; Russian nobility; the State Library of the USSR named after V.I.Lenin; descendants of A.S.Pushkin; epistolary sources; social adaptation.

E-mail: onnaum@mail.ru

*225-летию со дня рождения
А. С. Пушкина посвящается.*

Пушкины вне закона

Идеология Советского государства, опираясь на учение о «диктатуре пролетариата», требовала подавлять любое сопротивление «свергнутых классов» и перевоспитывать их самым решительным образом, поэтому в СССР все дворяне считались «чуждыми трудовому народу» вне зависимости от пола, возраста и рода занятий, а в общественной иерархии занимали низшее место, официально преследовались и были лишены многих прав. У бывшей элиты имелось только два способа адаптации к изменившейся реальности: остаться в Советской России и пойти на компромисс с властью, приспосабливаясь к новым социальным, политическим, экономическим и культурным трендам, или покинуть страну, отправившись в эмиграцию [26; 35].

Дворяне Пушкины также попали в категорию «классовых врагов» и испытали на себе всю строгость карающей социальной политики [27]. Особенно тяжело им пришлось в первые постреволюционные годы, когда официально сформулированное отношение к личности и творчеству А. С. Пушкина отсутствовало и было неясным, в какой степени его имя можно использовать в идеологической «борьбе».

Все превратности судеб дворянства при советской власти отразил жизненный путь Григория Александровича Пушкина, единственного внука поэта, оставшегося в СССР [о нем см.: 18, с. 239–249; 28, с. 311–328; 31, с. 327–328].

Офицер Пушкин

Он родился 15 сентября 1868 г. в Вильне [метрическое свидетельство см.: 10, л. 32], где при виленском генерал-губернаторе исправлял должность члена в Комиссии по крестьянским делам его отец, в дальнейшем генерал-лейтенант Александр Александрович Пушкин (1833–1914). Сначала внук поэта учился в Пажеском корпусе, но в сентябре 1880 г., «по настоянию родных и лицейского начальства [...], в память деда» [17, л. 6]¹ был помещен в Императорский Александровский

¹ В варианте автобиографии 1937 г. Г. А. Пушкин писал об этом немного иначе: «На открытии памятника А. С. Пушкина в Москве отец решил поместить меня [в лицей] в память деда» [17, л. 7].

Александр Александрович Пушкин. 1900-е гг.
Государственный музей А.С.Пушкина

лицей. Как вспоминал один из однокурсников, «роста он был небольшого, но очень коренастый и обладал значительной физической силой. Лицом очень походил на деда, но никаких поэтических дарований от него не унаследовал. [...] Маленького, курчавого, коренастого Григория Пушкина за его замечательную силу прозвали в лицее пудофунтом. Все любили его веселую шутливость, добрый нрав и прекрасную душу» [24, с.45].

Внук поэта окончил лицей с чином IX класса (титулярный советник), но от гражданской службы отказался и 6 ноября 1889 г. поступил для отбывания воинской повинности на правах вольноопределяющегося в лейб-гвардии 2-й стрелковый батальон, расквартированный в Царском Селе (с мая 1910 г. лейб-гвардии 2-й

Пушкины Наталья, Мария, Александр, Ольга, Анна и Григорий 1874 г.
Государственный музей А.С. Пушкина

стрелковый Царскосельский полк). Через полгода – 6 мая 1890 г. – Г. А. Пушкин стал младшим унтер-офицером, 25 июня 1891 г. по экзаммену, сданному в Первом Павловском военном училище по I разряду, был переименован в подпрапорщики, а через несколько дней, 5 августа, произведен в подпоручики «как вполне достойный в нравственном отношении и по строевой подготовке» [8, л. 343]. Вершиной его карьеры стал чин полковника, полученный 6 декабря 1910 г. Служил Г. А. Пушкин в 92-м пехотном Печорском полку, стоявшем в Нарве, а с 30 сентября 1914 г. командовал 91-м пехотным Двинским полком.

Во время Первой мировой войны внук поэта показал себя доблестным офицером, находился во многих сражениях с немцами и австрийцами. За боевые заслуги пожалован мечами к ордену Святой Анны 2-й степени (19 декабря 1914 г.), орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом (9 января 1915 г.) и 3-й степени с мечами (5 марта 1915 г.). В аттестации 1915 г. подробно описывались качества полковника Пушкина: «Лично храбр и мужественен. В бою спокоен, хладнокровен и распорядителен. Военное дело знает и умеет применять свои познания на деле. Заботлив о подчиненных и требователен, но подчас недостаточно тверд и строг, что является следствием любви своих подчиненных. Физически бодр и здоров. Штаб-офицер отличный и полезный командир в бою» [9, л. 11].

В октябре 1915 г. внук поэта получил тяжелое ранение в голову [9, л. 9], поэтому 11 января 1916 г. оставил полк и оказался в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. После выздоровления, 22 октя-

Григорий Александрович Пушкин. 1915 г.
Государственный музей А.С. Пушкина

бря того же года (по другим сведениям – в декабре [17, л. 7]), он был назначен помощником начальника 11-й пехотной запасной бригады в Москве, 27 ноября 1917 г. уволен в отставку по болезни и как достигший возраста 49 лет.

Материалы личного дела из архива Российской государственной библиотеки дают уникальную возможность уточнить хронологию службы Г.А.Пушкина в советский период, которая описана в литературе искаженно и неполно. Как следует из собственноручно заполненного личного листка по учету кадров, 1 апреля 1918 г. внук поэта поступил делопроизводителем в Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, с октября того же года до июня 1919 г. занимал аналогичную должность в Московском областном эвакуационном пункте военно-медицинского ведомства [17, л. 1 об., 7–7 об.].

В советской историографии сообщалось, что «после Октябрьской революции 1917 года Григорий Александрович Пушкин без колебаний переходит на сторону восставшего трудового народа. Явившись в солдатский комитет, он попросил использовать его военные знания в интересах революции» [33, с. 100]. Однако это не совсем так. Из публикуемого ниже письма к хранителю отдела рукописей и славянских старопечатных книг Государственного Румянцевского музея Г.П.Георгиевскому следует, что отправка на фронт стала для внука поэта полной неожиданностью [11, л. 1].

Также мифологично утверждение о службе под командованием К.Е.Ворошилова [33, с. 100]. Оно должно было показать лояльность дворянина Пушкина к рабоче-крестьянской власти, но названный партийный деятель не служил в тех же частях, где и внук поэта. К сожалению, это недостоверное известие бытует до сих пор [21, с. 382].

Находясь с 13 июня 1919 г. по 2 июня 1920 г. на фронте, Г.А.Пушкин из-за ранения занимал исключительно административно-хозяйственные должности: инструктор для поручений при инспекторе пехоты и подчиненный начальника санитарной части 9-й армии Южного (с 1 октября 1919 г. Юго-Восточного) фронта. Затем оказался в Москве, где с 15 июня 1920 г. недолго служил в полевом штабе, с 2 августа – старший делопроизводитель штаба Войск обороны железной дороги, а в декабре – на той же должности сначала (всего несколько дней) в Штабе недавно созданных Войск внутренней службы, которые занимались охраной тыла, с 20 декабря – в Центральном управлении военных сообщений. Из-за последствий контузии 5 июля 1921 г. уволен в бессрочный отпуск [17, л. 1 об.].

**Пенсия Г.А.Пушкина
как зеркало советской
бюрократии**

Покинув службу, Г.А.Пушкин вернулся домой и сразу попал в сложную жизненную ситуацию. Необходимо было содержать большую семью из семи человек: его самого, жены Юлии Николаевны, рожденной Бартеневой, четырех несовершеннолетних мальчиков – родного сына Григория (родился в 1913 г.)² и детей супруги от первого брака: Федора (родился в 1905 г.), Николая (родился в 1907 г.) и Александра (родился в 1909 г.) Катывбаевых [32, с. 120]. Также с ними жила старушка-няня [20, с. 103].

Покинув службу, Г.А.Пушкин вернулся домой и сразу попал в сложную жизненную ситуацию. Необходимо было содержать большую семью из семи человек: его самого, жены Юлии Николаевны, рожденной Бартеневой, четырех несовершеннолетних мальчиков – родного сына Григория (родился в 1913 г.)² и детей супруги от первого брака: Федора (родился в 1905 г.), Николая (родился в 1907 г.) и Александра (родился в 1909 г.) Катывбаевых [32, с. 120]. Также с ними жила старушка-няня [20, с. 103].

Юлия Николаевна Пушкина с сыном Сергеем.
Середина 1910-х гг. Государственный
музей А.С.Пушкина

Григорий Александрович Пушкин
с сыном Сергеем. 1913 г. Государственный
музей А.С.Пушкина

Как офицер в 1917 г. Г.А.Пушкин получал 1200 рублей жалования и 2700 рублей столовых, 14 августа 1918 г. за 29 лет военной службы

²Пока Г.А.Пушкин находился в Красной армии, от менингита умер его старший сын Сергей (1912–1920).

ему назначили пенсию в 2418 рублей (431 из эмеритальной кассы и 1987 из казны) [9, л. 3, 4], которая не спасала от нищеты. Ранение вызывало постоянные головные боли, полноценно работать бывший офицер не мог. «Болен и к труду не способен», – отмечалось в документах [6, л. 89; 20, с. 101]. Кроме того, несмотря на службу в Красной армии, ему, как бывшему полковнику и дворянину, не вполне доверяли, долго припоминая, по свидетельству племянника Г.А.Галина, участие в наведении порядка в Москве в декабре 1905 г. [18, с. 240].

С 1917 г. семья Пушкиных жила в селе Лопасня (ныне город Чехов), в усадебном доме своих родственников Гончаровых-Васильчиковых. Сюда же приехал из Москвы демобилизованный внук поэта. Он сразу же устроился на работу в учреждение, которое по-разному называлось в литературе. Сын Г.Г.Пушкин и Г.А.Галин считали, что бывший полковник занял должность бухгалтера в местном райпотребсоюзе [18, с. 243; 30, с. 3], а В.М.Русakov полагал, что «в местном кооперативе» [32, с. 119]. Сам Г.А.Пушкин в одном из документов написал, что в 1921–1922 г. состоял секретарем в Лопасненском потребительском обществе, а в другом – в Лопасненском обществе потребителей [17, л. 6 об., 7 об.]. Однако проработал недолго: мешало подорванное на фронте здоровье и, кроме того, попал под сокращение штатов [17, л. 7 об.; 30, с. 3].

Фактически семью содержала одна Ю.Н.Пушкина, которая преподавала немецкий язык в школе II ступени, размещенной в той же усадьбе Гончаровых-Васильчиковых. Г.Г.Пушкин вспоминал, что отец его «был очень трудолюбив, не мог празднично проводить время. Он помогал маме по ведению домашнего хозяйства, [...] проверять тетради ее учеников, так как хорошо знал немецкий и французский языки [30, с. 3]³.

Пушкины бедствовали, поэтому уже весной 1922 г. возник вопрос о назначении внуку А.С. Пушкина «усиленной пенсии» и пайка. О них ходатайствовала Главнаука, находившаяся в ведении Наркомпроса РСФСР, однако коллегия Наркомата социального обеспечения РСФСР 6 апреля 1922 г. просьбу отклонила, указав на отдаленность родственной связи с поэтом. Тогда в дело вмешался лично нарком А.В.Луначарский. Он постарался придать делу политическую злободневность и связать с культурной жизнью страны. Признав с формальной точки зрения отказ правильным, А.В.Луначарский мотивировал необходимость пенсии недавним «празднованием» 85-летия со дня смерти А.С.Пушкина и обосновал необходимость удовлетворить ходатайство «ввиду исключительности и особенности данного случая» [1, л. 2]. Наркомсозем обращение

³Г.А.Пушкин владел еще английским языком [17, л. 2].

долго игнорировал, и в июне Наркомпрос даже просил ускорить рассмотрение дела [1, л. 4, 6]. Наркомсобез просьбу наркома также не удовлетворил, сославшись на декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 5 декабря 1921 г., согласно которому «усиленная пенсия назначается в случае постоянной утраты трудоспособности лицам, имеющим крупные заслуги перед Республикой, а в случае смерти таких лиц нетрудоспособным членам их семей, находившимся при жизни этих лиц на их иждивении». Далее включалась бюрократическая логика: поскольку А.С.Пушкин не находился на иждивении своего внука, то и пенсия тому не положена [1, л. 5].

А.В.Луначарский не сдался. На заседании коллегии Наркомпроса 24 мая 1923 г. «бедственное положение внуков Пушкина» обсуждалось повторно. Заместителю наркома, историку М.Н.Покровскому было поручено возобновить ходатайство о пенсии [2, л. 2, 3]. На этот раз дело увенчалось успехом, Г.А.Пушкину установили персональную пенсию в 75 рублей [17, л. 1 об.]⁴. Значение этой мизерной суммы не стоит преувеличивать. Финансовую ситуацию в семье исправить она не могла.

О материальных проблемах потомков великого поэта узнали за границей. В 1924 г. посылками Американской администрации помощи (АРА) и деньгами Г.А.Пушкину помогал президент Чехословацкой республики Т.Г.Масарик. Скандальная ситуация вышла на международный уровень и могла обернуться для СССР серьезными имиджевыми потерями. Чтобы их избежать, власть стала более активно помогать потомкам А.С.Пушкина. В феврале 1926 г. через Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при Совнарком РСФСР Г.А.Пушкину с сыном выделили целых 150 рублей. Единновременно, конечно [18, с. 101]. В 1927 г. она же выделила всей семье бесплатную месячную путевку в подмосковный санаторий «Сосновый бор» [32, с. 316–317].

В мае 1928 г. председатель Пушкинской комиссии П.Е.Щеголев направил члену коллегии Наркомпроса А.И.Свидерскому справку, составленную секретарем этой комиссии В.С.Нечаевой⁵. В документе указывалось, что пенсии Г.А.Пушкина и зарплаты Ю.Н.Пушкиной «с трудом хватает» на жизнь, материальное положение «очень тяжело», семья «по-

⁴Г.А.Галин утверждал, что с апреля 1923 г. Григорий Александрович и его сестра Анна Александровна Пушкины получали академические продовольственные пайки, а назначение пенсии относил к 1924 г. [18, с. 244].

⁵Нечаева Вера Сергеевна (1895–1979), литературовед, в 1931–1941 гг. работала в Государственной библиотеке СССР имени В.И.Ленина, основала и заведовала Музеем Ф.М.Достоевского в Москве, доктор исторических наук (1948).

стоянно нуждается в самом необходимом, особенно в одежде» [3, л. 6; 20, с. 103].

О помощи Пушкиным с удовольствием сообщала советская пресса, преподнося ее как выражение благодарной памяти перед поэтом. Однако такая информация иногда вызывала не одобрение, а зависть и даже протесты, причем не только со стороны простых трудящихся [3, л. 2], но и интеллигенции. Г.А.Галин описал случай, как в 1937 г. на заседании, где обсуждалась материальная поддержка потомкам поэта, и в их присутствии пушкинист Т.Г.Цявловская, сама дочь министра народного просвещения при Николае II, внезапно заявила: «Но мы не должны забывать, что они [Пушкины] дважды породнились с царствующей до 1917 года династией Романовых», после чего услышавшая это Анна Александровна Пушкина, сестра Г.А.Пушкина и бывшая гофмейстерина Двора великого князя Петра Николаевича, встала и молча вышла из комнаты [18, с. 233–234].

Анна Александровна Пушкина. 1949 г. Государственный музей А.С.Пушкина

Особенно трудным положение стало после того, как весной 1933 г. Ю.Н.Пушкина, признанная инвалидом, не смогла больше работать. О ситуации в семье Г.А.Пушкин рассказал в письме от 13 февраля 1933 г. литературоведу П.С.Попову⁶, с которым был давно знаком:

⁶Попов Павел Сергеевич (1892–1964), литературовед, историк философии, кандидат философских наук (1943), профессор, заведующий кафедрой логики Московского государ-

«Многоуважаемый Павел Сергеевич!

Еще раз от всей души благодарю Вас за все Ваши хлопоты, так от-
радно теперь видеть такое к себе – столько внимания, как Вы мне ока-
зываете. Из Вашего письма я вижу, что Вы не уяснили себе смысл моей
телеграммы, последнее слово "крайность"⁷ означало наше теперешнее
положение. Дело в том, что болезнь жены принимает затяжной харак-
тер. Ее посылают в Москву, во-первых, получить снимок лучами и, в за-
висимости от результата, лечиться, а денег нет. Жене дают месячный
отпуск по болезни, и чем скорее будут деньги, тем дольше она может
пролечиться; отпуск ей дают 15-го, и 18-го она должна быть в поликли-
нике для получения направления для снимка, т[ак] к[ак] предполагают
или ишиас⁸, или туберкулез в ноге вследствие ушиба. Я предполагаю
приехать 18-го на один день, чтобы успеть вернуться к отъезду жены.
Я непременно буду у Вас, во-первых, чтобы еще раз Вас поблагодарить
за все Ваше внимание, и еще хотел с Вами посоветоваться о дальней-
ших шагах. Надеюсь, что ничто не помешает мне в моих намерень-
ях, а пока остаюсь благодарный Вам и уважающий Вас Г.Пушкин» [14,
л. 1–1 об.].

Видимо, в связи с болезнью жены Г.А.Пушкин ходатайствовал перед
Всесоюзным центральным исполнительным комитетом о повышении
не менявшейся в течение 10 лет пенсии. Момент для просьбы оказался
чрезвычайно удобным. Приближалось 100-летие гибели его великого
деда, которое с размахом отмечалось по всей стране на государствен-
ном уровне и оказалось одной из крупнейших идеологических кампаний
сталинской эпохи. В такой ситуации вопрос о материальной поддержке
решился гораздо проще, чем в прошлый раз, в апреле 1933 г. Секретариат
ВЦИК постановил передать дело в Комиссию по назначению персональ-
ных пенсий при Центральном исполнительном комитете РСФСР [4, л. 1,
2], и через некоторое время Г.А.Пушкин стал получать уже 300 рублей.

Кроме того, в 1935 г. в связи с переездом на новую квартиру семье
выделили единовременно 500 рублей [20, с. 102].

Ни повышение пенсии, ни одnorазовые суммы не могли помочь Пуш-
киным полностью справиться с материальными трудностями, это были
лишь полумеры, не изменявшие ситуацию кардинально.

ственного университета (1947–1948), женат на внучке Л.Н.Толстого.

⁷Телеграмма сохранилась, ее текст таков: «Благодарю [за] хлопоты. Прошу телегра-
фировать, когда крайность. Пушкин» [14, л. 2]. Вместо слова «крайность» напечатано
«крайность», которое не понял П.С.Попов.

⁸Так в тексте.

Квартирный вопрос

Не менее остро, чем финансовые проблемы, в начале 1930-х гг. перед Г.А.Пушкиным стоял пресловутый «квартирный вопрос». Его семья

жила в двух маленьких комнатах около чердака школы, где работала Юлия Николаевна. В уже упомянутой справке В.С.Нечаевой отмечалась необходимость переезда семьи в Москву – и из-за тесноты, и из-за негативного отношения местных жителей к родственникам помещиц Гончаровых. Требовалась трехкомнатная квартира, а также работа для внука поэта (счетоводом или бухгалтером) и его жены. О ситуации знала ЦЕКУБУ, обещала помочь, но ничего не сделала [5, л.6; 20, с. 104].

Многолетняя бытовая неустроенность привела к тому, что в 1929 г. Г.А.Пушкин попросил комнату в доме престарелых ученых в Неопалимовском переулке в Москве [20, с. 101]. В том же году Ю.Н.Пушкиной предложили работу в сельскохозяйственном техникуме «Новый быт», который размещался в бывшем монастыре Давыдова пустынь. Она согласилась, поскольку предполагалось, что в этом учебном заведении будет учиться сын Григорий. В октябре 1930 г. Пушкины покинули усадьбу Гончаровых-Васильчиковых и поселились на новом месте, где прожили до октября 1932 г., а затем ненадолго вернулись в Лопасню [18, с. 243].

Когда Ю.А.Пушкина не смогла работать, от семьи потребовали покинуть служебную квартиру. После этого переезд в Москву стал неизбежен. Ю.Н.Пушкина обратилась в жилищный отдел Моссовета с просьбой выделить квартиру. Разумеется, было понятно, что для ее удовлетворения необходима поддержка влиятельного лица, поэтому 12 мая 1933 г. Г.А.Пушкин обратился к директору Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, старому большевику В.Д.Бонч-Бруевичу со следующим письмом:

«Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

К крайнему моему сожалению, обстоятельства не позволили мне лично до сих пор поблагодарить Вас за Ваше внимательное ко мне отношение, но нездоровье жены, принуждающее ее жить почти все время в Москве, и боязнь оставить одну в деревне тоже большую престарелую ее родственницу не позволили мне отлучаться из Лопасни. Но все же я решаюсь обратиться к Вам с просьбой. Дело в том, что теперь меня ничего не удерживает в Лопасне: жена признана врачами инвалидом и должна прекратить педагогическую деятельность, а вместе с тем лишается казенной квартиры; кроме того, сын мой в этом году кончает техникум вблизи Лопасни, и кроме старых воспоминаний никаких свя-

зей у меня не остается. Я надеюсь, что сын мой будет иметь возможность продолжать свое образование в Москве, но для этого надо жить в Москве, а квартирный вопрос самый трудный. Жена моя должна была подать мое заявление в Жилищный отдел Моссовета, но я боюсь, что оно, не поддержанное авторитетными лицами, останется без результата, и вот моя просьба к Вам: не найдете ли возможным поддержать в Моссовете мою просьбу? Остаюсь в надежде, что не получу от Вас отказа в моей просьбе.

Остаюсь готовый к услугам Г.Пушкин» [13. л.3–3 об.].

В решении «квартирного вопроса» принял участие Союз писателей СССР. От него за подписью А.А.Фадеева в президиум Моссовета было направлено официальное письмо с ходатайством предоставить Г.А.Пушкину жилую площадь [32, с. 119–120].

Не дожидаясь реакции на обращения, в июне 1933 г. Пушкины переехали в Москву и поселились на съемной квартире [17, л. 7 об.; 18, с. 244]. По всей видимости, именно о ней вспоминал Г.Г.Пушкин, утверждавший, что сначала семья жила на окраине города, в доме 10 по Кирпичной улице, уплотнив священнослужителя одной из московских церквей [30, с.5].

Наконец, в апреле 1935 г. Пушкины получили собственную квартиру. Она находилась в новом доме, недавно построенном для жилищно-строительного кооператива Товарищества «Изотерма». В литературе сообщается, что жилье располагалось по адресу улица Рождественка, дом 21 [18, с. 244–245; 20, с. 102], недалеко от Пушкинской площади, где стоит самый известный памятник

Григорий Григорьевич Пушкин.
1920-е – 1930-е гг. Государственный
музей А.С.Пушкина

великому поэту. На самом деле, адрес был иным. Публикуемое ниже письмо Ю.Н.Пушкиной к В.С.Нечаевой [15, л. 2 об.] свидетельствует, что

официально семья жила в Нижнем Кисельном переулке, в угловом доме №7, хотя он действительно выходил одним из фасадов на Рождественку, и числился на ней под №21.

Отдельная, да еще пятикомнатная, квартира в центре была редкостью для переполненной Москвы, большинство населения которой теснилось в коммуналках. В апреле 1935 г. газета «Вечерняя Москва» подробно описала жилье Г.А.Пушкина, упомянув и о центральном отоплении, и о ванне, и о газе – почти недоступных для простого советского человека благах [25]. Статью эту 25 июня 1936 г. перепечатала парижская газета «Последние новости» [вырезку см.: 7, л.8, 9]. Таким образом эмиграция узнала о том, как советская власть помогает потомкам великого поэта.

Г.А.Пушкин в эпистолярном отображении

Перед 100-летием со дня смерти А.С.Пушкина музеи чрезвычайно интересовались его рукописями и памятными вещами, которые могут сохраниться у его потомков. Те оказались в центре назойливого и небескорыстного внимания. Подобное отношение демонстрирует письмо В.Д.Бонч-Бруевича Г.А.Пушкину от 16 февраля 1933 г.:

«Многоуважаемый Григорий Александрович,

Вы, наверное, уже знаете, что, наконец, собранные Вами документы Вашего гениального деда А.С.Пушкина и принесенные Вами [П.С.] Попову, наш Центральный литературный музей приобрел за 12 тыс[яч] рублей. Чек на эти деньги уже мною затребован из Наркомпроса, на днях он получится и тогда Вам придется приехать сюда, чтобы получить его, а по нему – деньги в Московской конторе Государственного банка.

Мы очень счастливы и рады, что, наконец, эти документы находятся во вполне безопасном месте, в государственном хранилище, будут разрабатываться и печататься как 1-й том нашей "Летописи Центрального литературного музея"[29].

Осматривая их, меня невольно охватило грустное чувство при виде значительных повреждений, нанесенных документам плесенью и мышами, и я чувствую потребность написать Вам это письмо и просить Вас самым тщательным образом осмотреть все закоулки Ваших чердаков, сундуков, столов, чуланчиков и пр[очих] мест. Почем знать, не лежит ли еще где-нибудь, завалившись за какую-нибудь балку или трубу, какая-нибудь пачка документов той же эпохи, которая имеет прямое отношение к делам и дням жизни всем нам дорогого нашего

незабвенного Александра Сергеевича? Очень прошу Вас энергично просмотреть все и знать, что это дело не только Вы делать вправе, но, в буквальном смысле слова, обязаны перед прошедшими, настоящим[и] и будущими поколениями.

Кроме того, я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне указали всех лиц из Ваших родственников и знакомых, в отношении которых можно предположить, что какие-либо документы, связанные с А.С.Пушкиным, могут еще у них находиться.

А также, нет ли у Вас фотографий того времени, книг с автографами, дагер[р]отипов, картин и пр[очего], и т[ому] п[одобного]. Обо всем, пожалуйста, сообщите.

Помимо чисто пушкинских материалов очень хотелось бы знать, нет ли у Вас также материалов его современников и вообще той или другой эпохи XIX века? Я буду очень рад Вас видеть лично. Пожалуйста, постарайтесь, когда будете ехать в Москву, побывать в день моих приемов, и мы с Вами повидаемся в Государственном Толстовском музее, где я принимаю 2, 8, 14, 20, 26 каждого месяца, от 1 ч[асу] до 4-х (улица Кропоткина, 11). Ответ же мне пишите по моему личному адресу: Москва, 9, Большой Кисловский пер[еулок], д[ом] 5, кв[артира] 2.

Мне очень хотелось бы, кроме того, чтобы Вы установили, когда и кто был у Вас ранее: Щеголев или кто-либо другой, и кто именно другой и, если Вы помните и знаете, что они у Вас брали из документов?

Всего Вам наилучшего» [12, л. 1–1 об.].

Ответ от 7 марта 1933 г., должно быть, разочаровал охотника за литературными раритетами. Г.А.Пушкин по-военному четко описал судьбу пушкинских вещей в период политических потрясений:

«Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

Страшно извиняюсь пред Вами, что так поздно отвечаю на Ваше письмо. Но дело в том, что я надеялся лично быть у Вас в Москве, но болезнь живущей у нас старушки не позволила мне отлучиться более суток, и я к Вам не мог явиться. Теперь постараюсь ответить на Ваши вопросы; но, к сожалению, ответы мои будут неутешительны. Из дома б[ывшего] Гончаровых в с[еле] Лопасни мы выехали в октябре 1930 г. и теперь там не осталось никакого следа нашего пребывания, на чердаке нет следа даже домашнего хлама и старых журналов, которые мы там оставили. Из вещей, относящихся к той эпохе, у меня ничего нет; мой отец скончался в день объявления [Первой мировой] войны, и моя мачеха⁹ ликвидировала квартиру в Москве и все вещи,

⁹Второй раз А.А.Пушкин был женат на Марии Александровне Павловой (1852–1919).

альбомы, книги сдала на хранение в б[ывшие] Ступинские склады. Когда я в конце [19]16-го года получил назначение в Москву, то я взял из склада только необходимую обстановку, т[ак] к[ак] считал, что мое назначение в Москву временное и куда придется переехать, не знал. С началом революции склады эти были национализированные¹⁰, и все вещи пропали бесследно. Указать кого-либо, у кого могли бы находиться какие-либо документы – не могу. За время житья в Лопасне потерял связь со всеми знакомыми. Единственное, про что я слышал – это портреты Марии Александровны Гартунг¹¹ и Наталии Александровны графини Меренберг¹², которые продавал худ[ожник] Нестеров¹³, но как они к нему попали – не знаю, т[ак] к[ак] не в курсе этого дела, принадлежали они М.А.Гартунг. Что же относится до Щеголева или кого-либо другого, то безусловно никто в Лопасню не приезжал¹⁴, а как бумаги попали к Щеголеву, может объяснить П.С.Попов, посвященный мною в это дело. Не теряю надежды лично быть у Вас в Москве и устно дополнить написанное.

Уважающий Вас Г.Пушкин» [13, л. 1–2 об.].

После обретения квартиры и прибавки к пенсии жизнь Пушкиных, казалось бы, должна была стать спокойной и обеспеченной, но этого не случилось. Семья по-прежнему находилась в отчаянном материальном положении. О нем эмоционально рассказала Ю.Н.Пушкина в письме к В.С.Нечаевой, известной отзывчивым отношением к людям.

Предварительно следует уточнить датировку источника. В архивной описи он отнесен к 1920-м гг., что никоим образом не соответствует действительности. Между тем год легко устанавливается по упомянутому поступлению Г.А.Пушкина на работу в мае. Единственный раз в том месяце трудовой договор между ним и Государственной библиотекой СССР имени В.И.Ленина заключался в 1936 г. На тот же год указывают отсылки к предстоящей памятной дате, связанной со смертью А.С.Пушкина (1937 г.) и к службе Г.Г.Пушкина в Красной армии, а сетования о скорой осени позволяют безусловно датировать текст концом лета 1936 г.

«Многоуважаемая Вера Степановна.

¹⁰ Так в тексте.

¹¹ Гартунг Мария Александровна, рожденная Пушкина (1832–1919), старшая дочь А.С.Пушкина.

¹² Меренберг Наталия Александровна, графиня, рожденная Пушкина (1836–1913), младшая дочь А.С.Пушкина.

¹³ Видимо, Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), академик живописи (1898).

¹⁴ Шесть слов подчеркнуты простым карандашом.

Извините меня, что я обращаюсь к Вам с просьбою, но Вы имеете частое общение с Ел[еной] Фед[оровной]¹⁵ и, быть может, найдете возможным сказать ей то, что я пишу Вам. Пока я могла работать и поддерживать семью, я молчала, но сейчас ввиду моей и нервной, и сердечной болезни я инвалид, хотя и бодрюсь, и стараюсь держать себя в руках. Гр[игорий] Ал[ександрович] обращался к Ел[ене] Фед[оровне], и она обещала выхлопотать мне путевку для отдыха. Я с благодарностью это отклонила. В таком нервном состоянии, в кот[ором] я нахожусь, я еле выживаю день в Лопасне, мысль о смерти вдали от Г[ригория] Ал[ександровича] меня гнетет, и я еду обратно. За лето в такую жару я извелась окончательно и не знаю, что с собою делать. Г[ригорию] Ал[ександровичу] очень трудно работать, я это вижу и страдаю вдвойне, но без работы жить нельзя. Он получает 300 р[ублей] пенсии, из них сто отходит на квартиру и заем, оставалось 200 р[ублей] на четверых, так как Гриша в армии, и ввиду его болезни его¹⁶ надо было его подкармливать, так как (еда в армии неплохая) аппендицит не давал ему покоя. Сейчас он оперировался и выбыл на маневры. На 200 р[ублей], конечно, жить было нельзя, и начались долги, платежи, отсрочки, и затянулись мы так, что я зимой форменно сходила с ума. Союз писателей дал Г[ригорию] Ал[ександровичу] 1000 р[ублей], кот[орые] сейчас же пошли на выплату срочных долгов и на мое лечение. В мае Г[ригорий] Ал[ександрович] получил место, и те 300 р[ублей], кот[орые] он получает, идут на погашение оставшихся долгов, а нам снова остается 200–250 р[ублей] на жизнь! Опять новые долги, а подходит осень, зима, а одеться нам не во что, все пришло в ветхость, поддержать питание Г[ригория] Ал[ександровича] – не на что. В ноябре мы ждем маленького-ую Пушкина-у, купить кроватку или коляску не на что, жена Гриши¹⁷ работает, помогает матери и, конечно, сделать кроме кое-чего из белья ребенку не сможет. Мои дети от первого брака женаты, имеют детей и сами еле-еле выкарабкиваются. Один только Николай холост и помогает мне. О том, чтобы к юбилею А. С. Пушкина мы могли бы присутствовать на торжествах, и говорить нечего. Ни костюмов, ни шубы у нас приличных нет. Я прошу Вас, если только найдете возможным, доложить Е[лене] Ф[еде-

¹⁵ Розмирович Елена Федоровна (1886–1953), секретарь Пушкинского комитета, в 1935–1939 гг. директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина..

¹⁶ Так в тексте.

¹⁷ Пушкина Клавдия Сергеевна (1914–1999), с 1934 г. жена Григория Григорьевича Пушкина.

ровне] и комитету¹⁸ об этом; если же Вы не найдете удобным это сделать, научите меня, как мне поступить; но силы мои уменьшаются, а я так хотела бы дожидаться лучшей жизни Г[ригория] А[лександровича] и Гриши с его женой и будущей крошкой.

Я хотела принести Вам показать вещи, которые отдала мне Нат[алья] Ив[ановна] Гончарова¹⁹, они той эпохи (это зонтики, веер и флакон), но не выдаю их за пушкинские, ибо стыд имею, но мне кажется, это не интересно для музея, и я поставила на этом крест. За ответ буду крайне признательна. Наш адрес: Москва, 91, Нижне-Кисельный пере[улочек], д[ом] 7, кв[артир]а 13. Прошу еще раз простить мое письмо – но от энергичной Ю[лии] Н[иколаевны] остался один вздох. Всего хорош[ег]о.

Уважающая Вас Ю.Пушкина» [15, л. 1–2об.].

Г.А.Пушкин и Государственная библиотека СССР имени В.И.Ленина

С Румянцевским музеем (впоследствии Государственной библиотекой СССР имени В.И.Ленина) Г.А.Пушкин был связан давно. Он сыграл

большую роль в спасении рукописей А.С.Пушкина, в частности, автографа «Истории Петра Великого», несколько листов которого уже использовали в лопасненском доме на хозяйственные нужды.

В 1919 г., отправляясь в Красную армию и желая обеспечить семью материально, внук поэта, вопреки мнению родственников, продал туда величайшую семейную реликвию – дневник деда, перешедший к нему после смерти М.А.Гартунг в марте того же года. Переговоры велись с Г.П.Георгиевским, а посредником выступила О.М.Веселкина²⁰, работавшая с октября 1918 г. научным сотрудником в библиотеке Государственного Румянцевского музея [16].

Вот текст письма Г.А.Пушкина Г.П.Георгиевскому от 1/14 июня 1919 г.:

«Многоуважаемый Григорий Петрович.

Заходил к Вам два раза, но оба раза Вы были в отпуску. Дело в том, что дневник я отыскал и, хотя в семье против того, чтобы его уступить теперь, но ввиду изменившихся обстоятельств, я сегодня заходил

¹⁸ Имеется в виду Всесоюзный пушкинский комитет.

¹⁹ Гончарова Наталья Ивановна, племянница жены А.С.Пушкина.

²⁰ Веселкина Ольга Михайловна (1873–1949), библиограф, преподаватель, начальница Александровского женского института благородных девиц (1909–1918), троюродная племянница Михаила Юрьевича Лермонтова и Петра Аркадьевича Столыпина.

к Вам, чтобы переговорить об нем. Вчера экстренно я призван на фронт и завтра в 10 ч[асов] утра уже отправляюсь с особым эшеленом, должно быть, на Южный фронт. Я поручил его жене моей Юлии Николаевне, и она уже переговорит с Вами. Дорогой Григорий Петрович, я Вам чистосердечно говорю, что это последнее средство к жизни моей семьи и надеюсь, что в память деда Вы сделаете все возможное, чтобы возможно полнее обеспечить мою семью. Когда я был еще в Москве, то мог кроме моей службы еще кой-чем помогать жене и детям, но, будучи на фронте, при теперешнем положении дел оказывать помощь семье я почти лишен возможности. Жену мою с девичества знает Ольга Михайловна Веселкина, и жена обратится к Вам через ее посредство. Извините за нескладное письмо, но страшно тороплюсь, время так мало.

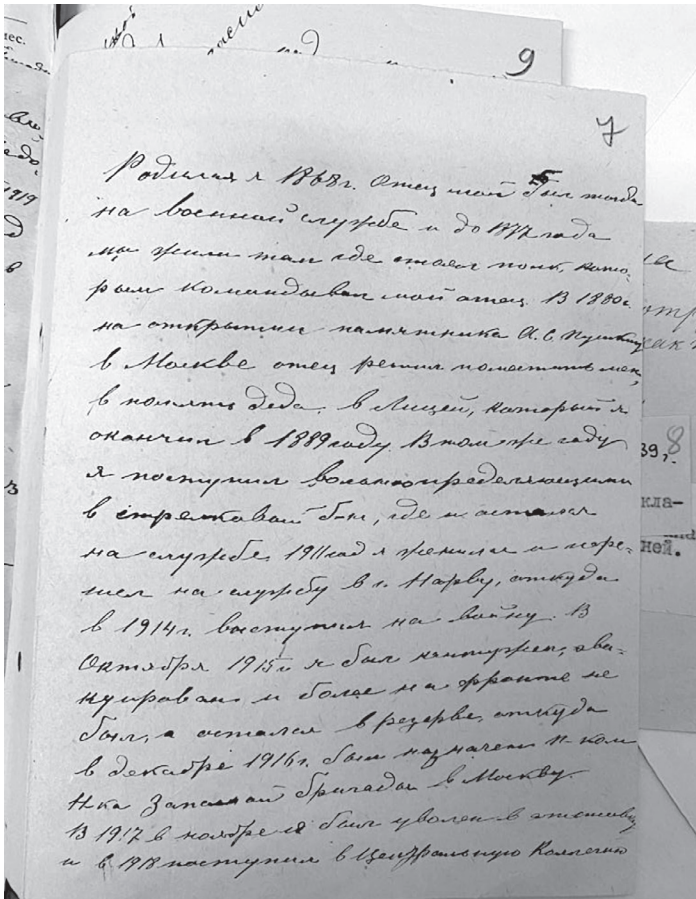
Остаюсь глубоко уважающий Вас, готовый к услугам Г.Пушкин» [11, л. 1–2].

Уже через неделю, 20 июня 1919 г., Г.П.Георгиевский выдал Ю.Н.Пушкиной расписку в том, что дневник поэта на хранение принят [публикацию см.: 18, с.242].

Незадолго до 1937 г. была решена проблема трудоустройства Г.А.Пушкина. Его приняли в самое подходящее место – Государственную библиотеку СССР имени В.И.Ленина, давшую после 1917 г. прибежище и спасение многим гонимым отовсюду «бывшим» [например, см.: 34], поскольку нуждалась в сотрудниках с хорошим образованием, эрудицией, знанием иностранных языков.

Небольшое – всего на 11 листах – личное дело Г.А.Пушкина из архива Российской государственной библиотеки чрезвычайно информативно. В нем хранятся два личных листка по учету кадров (заполнены 30 сентября 1935 и 3 августа 1937 г.), две автобиографии (от 20 мая 1936 и 3 августа 1937 г.), заявление об отпуске от 9 июля 1939 г., две машинописных выписки: из приказа от того же 9 июля 1939 г. и из распоряжения от 21 января 1939 г., записка заместителя заведующего рукописным отделом Л.В.Сафроновой от 9 января 1940 г. [17].

Идея устроить Г.А.Пушкина в библиотеку возникла не в 1932 г., как считал Г.А.Галин, ошибочно именовавший своего дядю научным сотрудником [18, с.245], а в сентябре 1935 г. Именно тогда был заполнен первый листок по учету кадров, но, как часто бывало, если претендент происходил из дворян, решение вопроса очень затянулось. Только спустя 8 месяцев, 20 мая 1936 г., внук поэта написал первую автобиографию [17, л. 6–6 об.; небольшие фрагменты из нее опубликованы, см.: 22, с. 13, 14]. Через три дня, 23 мая, на листке, выполняв-

Лист из автобиографии Г.А.Пушкина. 1937 г.
Архив Российской государственной библиотеки

шем одновременно функцию заявления о приеме на работу, директор библиотеки Е. Ф. Розмирович наложила положительную резолюцию, а 29 мая был заключен трудовой договор, хотя и кратковременный – всего на полтора месяца, до 15 июля²¹.

Причины длительного рассмотрения дела разъясняет помета. В графе социальное происхождение честно написано: «Дворянин», и слово это жирно подчеркнуто простым карандашом.

²¹ Сам Г.А. Пушкин указывал, что работает в библиотеке с 5 мая 1936 г. [17, л. 4].

Аналогичные трудности и сомнения возникали при поступлении в библиотеку и у других «бывших». Хотя Г.А.Пушкин из-за родства с великим поэтом занимал особое положение, для советской власти он оставался «классовым врагом»: происходил из дворян, служил в царской армии в значительном чине полковника, имел родственников-эмигрантов, при этом участвовал в гражданской войне на стороне красных и, главное, являлся единственным внуком А.С.Пушкина в стране.

Устраиваясь в советские учреждения, бывшие дворяне стремились акцентировать заслуги перед новой властью и умалчивали о фактах, которые могли бы восприниматься негативно [26, с.286, 289]. Оба тренда характерны и для документов Г.А.Пушкина. В частности, он не написал, что командовал полком. Другим неприятным моментом был вопрос о наличии родственников за границей. Внук поэта признал, что там проживают его «сводные братья и сестры», дети его отца от второго брака – Николай Александрович Пушкин и Елена Александровна, в замужестве фон Розенмайер. Персональную пенсию Г.А.Пушкин занес в графу «Какие награждения получил после Октябрьской революции» [17, л.5об.], поскольку она демонстрировала определенное признание со стороны власти.

Трудовой договор с внуком поэта продлевался 5 раз: 1) 17 августа 1936 г. – на 4 месяца, до 15 декабря, 2) 1 апреля 1937 г. – на 3 месяца, до 1 июля; 3) 2 августа 1937 г. – на 5 месяцев, до 31 декабря; 4) по 28 февраля 1938 г. (дата заключения договора не указана); 5) по 1 июля 1938 г. (дата заключения договора также не указана) [17, л. 1, 4]. Все даты, номера и сроки договоров вписаны на полях листов по учету кадров. В связи с очередными договорами 7 января 1938 и 20 января 1939 г. Г.А.Пушкин сделал на их последних страницах помету, что «изменений в анкете нет» [17, л.2об., 5об.].

Таким образом, бывший полковник работал в библиотеке с 1936 г. не постоянно, с перерывами. Такое неустойчивое положение не обеспечивало стабильного дохода и принципиально не влияло на жизнь семьи. Обращает на себя внимание перерыв в трудовой деятельности с декабря 1936 по март 1937 г. Возможно, он связан с активным участием в мероприятиях по случаю 100-летия со дня гибели А.С.Пушкина. Внук присутствовал на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР, выступил с речью на могиле деда в Святогорском монастыре.

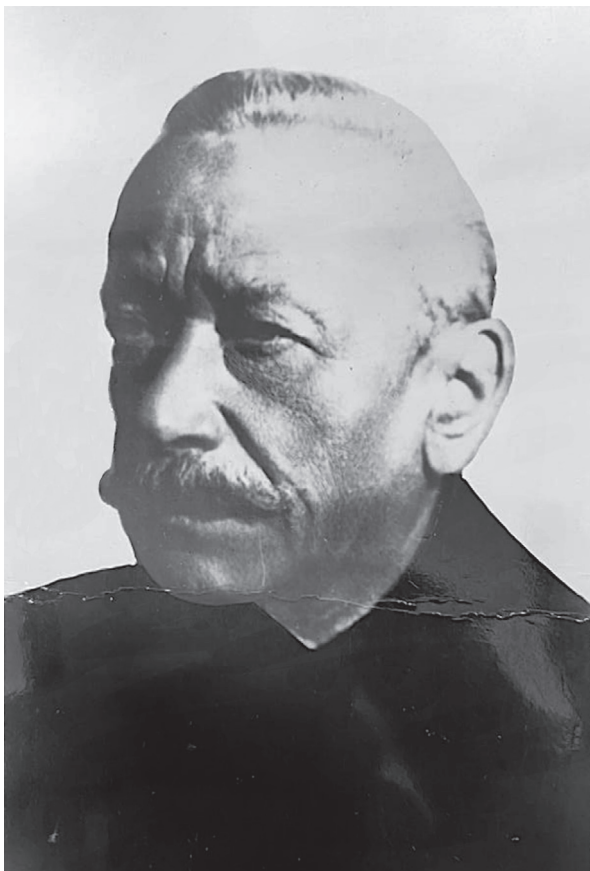
В связи с одним из договоров 3 августа 1937 г. Г.А.Пушкин заполнил новый листок по учету кадров и в тот же день написал автобио-

графию [17, л.4–6об.]. Она короче аналогичного документа 1936 г.: отсутствовали указания на месяцы и более лаконично рассказано о военной службе.

На постоянную работу Г.А. Пушкин был принят только распоряжением №9 от 21 января 1939 г., причем задним числом, с 1 января, с месячным испытательным сроком в Рукописный отдел на должность библиотекаря I разряда с окладом 325 рублей, превышавшим персональную пенсию [17, л. 8]. Наконец, наступили относительный покой и какая-то уверенность в завтрашнем дне. Однако состояние здоровья не позволило проработать в библиотеке долго. С 16 июля по 28 августа 1939 г. внук поэта находился в отпуске [17, л. 9, 10], а 5 января 1940 г. в связи с переходом на инвалидность был уволен [17, л. 11]. После этого прожил меньше года и скончался 1 сентября; похоронен на семейном кладбище в Лопасне.

Вдова продолжала получать пенсию Г.А. Пушкина в 300 рублей. В феврале 1941 г. вице-президент Академии наук СССР О.Ю. Шмидт ходатайствовал перед наркомом социального обеспечения РСФСР А.П. Гришакowej об ее увеличении, а если оно «не представляется возможным», то просил выдать одновременно две тысячи рублей на приобретение теплых вещей [19, с. 56].

В истории устройства Г.А. Пушкина в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина следует отметить важное обстоятельство. В ходе чисток 1930-х гг. дворяне из нее активно изгонялись [23]. Приняв на работу внука поэта, сделали исключение из общего правила, создав прецедент, отразивший интеграцию образа А.С. Пушкина в идеологию сталинской эпохи. Присутствие внука поэта в библиотеке стало, с одной стороны, знаковым событием, своеобразным маркером преемственности, а с другой – объективно обозначило тренд социальной мобильности определенного времени, когда знания представителей «враждебного класса» оказались незаменимы в «культурном строительстве» страны. Сотрудничество с главной библиотекой страны завершило длительный и трудный процесс адаптации царского полковника Пушкина к жизни в новом, советском социуме.

Григорий Александрович Пушкин. 1930-е гг.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1463.
2. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1861.
3. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 3. Д. 584.
4. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 35. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф. Р-4359. Оп. 1. Д. 261.
6. ГА РФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 175.
7. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 384. Оп. 6. Д. 17.

8. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф.400. Оп.9. Д.27314.
9. РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.177329.
10. Центральный государственный архив города Москвы. Ф.4. Оп.12. Д.154.
11. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф.217. К.13. Д.86. 2 л.
12. ОР РГБ. Ф.369. К.194. Д.37. 1 л.
13. ОР РГБ. Ф.369. К.322. Д.28. 5 л.
14. ОР РГБ. Ф.547. К.5. Д.54. 2 л.
15. ОР РГБ. Ф.792. К.18. Д.13. 4 л.
16. Архив Российской государственной библиотеки. Оп.22. Д.127.
17. Архив Российской государственной библиотеки. Оп.125. Д.473.
18. Галин Г.А. Дети и внуки Пушкина. М.: Новый индекс, 2009. 312 с.: ил.
19. Жиркова М.А., Капустина О.В. К вопросу о пенсионном обеспечении потомков и родственников А.С.Пушкина, установленном в 1930–1940-х гг. за заслуги поэта перед советским государством // *Art Logos*. 2022. №3. С.52–71.
20. Зелов Н.С. Уважение к памяти поэта // *Вестник архивиста: спец. вып., посвященный 200-летию юбилею А.С.Пушкина*. М., 1999. С.98–104.
21. Императорский Александровский лицей: воспитанники, педагоги и служащие: биографический словарь / авт.-сост. В.Н.Рыхляков. М.: Старая Басманная, 2019. 551 с.: ил.
22. Коваль Л.М. А.С.Пушкин и хранители памяти о нем // *Вестник архивиста: спец. вып., посвященный 200-летию юбилею А.С.Пушкина*. М., 1999. С.8–14.
23. Куглюковская Л.И. Судьба сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина в период чисток и репрессий: (1918–1939 гг.) // *Книга в пространстве культуры*. 2008. Вып. 1. С.28–46.
24. Лукаш И.[С.] Отрезанная ветвь // *Родина*. 1990. №6. С.40–46
25. Мани П. Потомки великого поэта // *Вечерняя Москва*. 1935. 16 апр.
26. Наумов О.Н. Дворяне Арсеньевы – сотрудники Библиотеки Государственного Румянцевского музея в постреволюционные годы // *Библиотекосведение*. 2022. Т.71, №3. С.285–294.
27. Наумов О.Н. Пушкины и советская власть: (опыт социогенеалогического дискурса) // *Клио*. 2017. №5. С.105–114.
28. Полушин В.Л. Потомки великого древа. Красноярск, 1999. Красноярск: Бонус, 1999. 489, [2] с.: ил.
29. Попов П.С. Новый архив А.С.Пушкина // *Звенья*. Т.3/4. М.; Л., 1934. С.129–178.
30. Пушкин Г.Г. Остался только я // *Слово*. 1994. №7/8. С.2–7.
31. Пушкины: генеалогическая энцикл. М.: Политическая энцикл., 2019. 592 с.: ил.
32. Русаков В.М. Избранные рассказы о потомках А.С.Пушкина. Псков, 2010. 327, [20] л. портр.: ил.

33. Русаков В.М. Потомки А.С.Пушкина. 2-е изд. Л.: Лениздат, 1978. 224 с., 25 л. ил.: ил.
34. Самарин А.Ю. М.П.Келлер – заведующий отделом редких книг Библиотеки Румянцевского музея // Румянцевские чтения. Историко-культурные традиции и инновационные преобразования России. Просветительская ответственность библиотек: Материалы международной науч. конф. М.: Пашков дом, 2009. Ч. 1. С.216–222.
35. Чуйкина С.А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с., 32 с. ил.

Всякие перемены связаны с неудобствами, даже если это перемены к лучшему.

Сэмюэл Джонсон

Единственное средство
удержать государство
в состоянии независимости
от кого либо – это сельское
хозяйство.

Жан Жак Руссо

Сергей Козлов

РЕСУРСЫ НАЦИИ

**«НАСТОЯЩИЙ ПУТЬ К
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
НАШЕГО ХОЗЯЙСТВА»:**

**ФРАНЦ ХРИСТИАНОВИЧ
МАЙЕР (1783—1860)**

УДК

94(47).073

В статье рассматриваются экономические взгляды и многолетняя хозяйственная и культуртрегерская деятельность выдающегося лесовода дореформенной России Ф.Х.Майера. Особое внимание уделяется книге Ф.Х.Майера «Опыт сельского благоустройства, или полиции» (М., 1835), заслужившей широкую общероссийскую известность, однако все еще не ставшей объектом комплексного анализа современных ученых.

The article examines the economic views and long-term economic and cultural management activities of the outstanding forester of pre-reform Russia F.H.Mayer. Special attention is paid to the book by F.H.Mayer's "The Experience of rural improvement, or the police" (Moscow, 1835), which has earned wide national fame, however, still has not become the object of a comprehensive analysis by modern scientists.

Ключевые слова: дореформенная Россия; рациональное лесоводство; просветительство; Ф.Х.Майер.

Key words: pre-reform Russia; rational forestry; enlightenment; F.H.Mayer.

E-mail: sa-kozlov@yandex.ru

Ф.Х.Майер. Портрет работы неизвестного художника.
Музей Шатиловской государственной опытной сельскохозяйственной станции.
Источник: <https://mj.rusk.ru/show.php?idar=801337>

Имя Ф.Х.Майера часто упоминается в отечественной научной литературе, включая современные исследования [35, с. 86–93 и др.; 13; 45; 22, с. 178, 204, 278–281; 48; 26; 27; и др.]. Вместе с тем жизни и творчеству этого выдающегося рационализатора и просветителя посвящено довольно мало специальных обобщающих работ [42; 43; 36; 37, с. 34–37; 4; 24; 26; и др.]. В то же время российские ученые XIX–XX вв. не раз обращали внимание на огромные заслуги аграрника в развитии как теории, так и практики рационального сельского хозяйства Центральной России, прежде всего, в области лесоводства [47; 49; 40; и др.].

Начало аграрных трудов

Франц Христианович Майер родился в 1783 г. в Ганновере (Германия). Его отец служил органистом в придворной церкви. Майер окончил Придворное училище короля Георга III, затем изучал садоводство. В литературе отмечается, что образование у него было «весьма основательное» [49, с. 26]. Изгнанный из семьи мачехой, в 1801 г. 18-летний юноша

по поручению известного ботаника и садовника Г.Л.Вендланда отправляется в далекую Россию в качестве садовника вместе с партией редких растений, купленных гр. А.К.Разумовским, и оказывается в Тульской губернии. С этого времени жизнь Майера навсегда оказалась связана с нашей страной. Он перешел в российское подданство, быстро усвоил новый язык (сохранив, однако, родную веру – лютеранство), но, главное, – принял *как лично-собственные* русские обычаи и традиции, причем не только аграрные, но и социокультурные. Вначале Ф.Х.Майер работает винокуром на заводе в Туле, где регулярно вносит различные улучшения в технологическое производство. Его незаурядный талант оценил кн. Б.А.Голицын, пригласивший в 1806 г. молодого человека на ответственную должность управляющего в свое имение в с.Ломец Новосильского уезда Орловской губернии. Здесь Ф.Х.Майер проявил выдающиеся организаторские и хозяйственные способности: за 11 лет службы в имении он ввел в нем правильный многопольный севооборот, произвел посадки лесных деревьев, разбил большой парк, закупил новейший сельскохозяйственный инвентарь. Специалисты однозначно оценивают эти мероприятия как успешный опыт соединения передовой западноевропейской аграрной теории с российской практикой [см., напр.: 41, с. 16].

**Работа в Мохомовом:
от обычного хозяйства –
к образцовому имению**

С 1817 по 1860 гг. (до своей смерти) Ф.Х.Майер работал управляющим в имении помещиков Шатиловых в с.Мохомов Новосильского уезда

Орловской губернии (в настоящее время – Новодеревеньковского района Орловской области) [о роде Шатиловых см.: 40, с. 1015]. Именно здесь в полной мере раскрылся его во многом уникальный талант необычайно активного аграрника-рационализатора и талантливого просветителя. Этому способствовало и то обстоятельство, что владельцем имения в последние предреформенные десятилетия являлся известный помещик-рационализатор, агроном и общественный деятель Иосиф Николаевич Шатилов [см. также: 20], который поддерживал все начинания своего управляющего, включая заботу о его хозяйственно-бытовой жизни: так, Майер, оставшись один (когда дети стали взрослыми, он разошелся с женой), жил в доме, специально выстроенном для него и находящемся в отдалении от основной усадьбы; здесь размещались слесарная и столярная мастерские, хранились собранные им коллекции (семян, орудий труда и др.).

С 1821 г. Майер постепенно превратил Моховое в образцовое имение: создал занимавший более 100 десятин парк и лесной питомник (первые посадки он сделал сам вместе с крепостным крестьянином С. Носковым, позже, после кончины Майера, ставшим лесничим и «смотрителем всех работ»); осуществил рациональное культивирование искусственными лесами оврагов, балок и неудобных земель; провел серию испытаний различных древесных пород и кустарников. Доходы владельцев имения резко возросли: так, они получали около 1000 рублей годового дохода с десяти земель, переведенных под лес. Майер впервые предложил способ посадки древесных пород в плужные борозды; показал преимущества культуры ели, созданных крупномерным посадочным материалом, по сравнению с посадкой семян. Общими усилиями Майера и Шатилова к середине XIX в. Моховое превратилось в авторитетнейшее общероссийское «культурно-хозяйственное гнездо», один из важнейших центров отечественной сельскохозяйственной науки и практики. Саженцы из майеровского питомника покупали многие помещики центральных губерний Европейской России, в т. ч. Л. Н. Толстой, который в 1857 г. консультировался с Ф. Х. Майером по поводу своего «Проекта по улучшению лесного хозяйства в казенных лесах», а также по вопросам организации полевых работ, лесоводства, полеводства и животноводства с целью их применения в своем имении Ясная Поляна [4; 43]. Писатель также приобрел в Моховом для посадки в Ясной поляне 536 саженцев сибирской лиственницы. Примечательно, что после посещения Ф. Х. Майера Л. Н. Толстой записал в своем дневнике: «Ясная, просторная голова» [44, с. 17].

До 1860 г. из питомника Майера было продано свыше 1 млн саженцев хвойных, около 800 тыс. саженцев лиственных пород и около 200 тыс.

Фотография И. Н. Шатилова (время неизвестно)

садовых кустарников [47]. В 1839 г. в пойме местной р.Раковки рационализатор основал первый в России питомник для саженцев. Начиная с 1848 г., посадочный материал не только удовлетворял возрастающие потребности в собственном хозяйстве, но и шел на продажу. С 1848 по 1883 гг. было продано уже 8,96 млн штук саженцев (причем, при Майере даже дешевле стоимости выращивания [44, с. 17]). В середине XIX в. на Шатиловской опытной станции площадь искусственных лесов, посаженных на склонах оврагов и балок, составляла уже около 1200 га. Вместе с тем эта важнейшая экологическая разработка Ф.Х.Майера так и не получила широкого распространения в нашей стране – ни в Российской Империи, ни после 1917 г. [26, с. 5].

Ф.Х.Майер впервые в России провел в Моховом массовые посадки лесов на больших площадях (свыше 100 га искусственного леса и посадок лесных пород). Он также доказал, что на черноземных почвах южных губерний страны возможно успешно выращивать хвойные породы деревьев: пихту, ель, лиственницу, кедр сибирский и др. Сохранившиеся до наших дней «майеровские» посадки хвойных культур, как и прежде, поражают воображение современников...

Аграрник сконструировал сельскохозяйственные орудия (сеялки, «скоропашки», солодовни и др.), которые пользовались большим спросом у землевладельцев центральных губерний России из-за их «замечательной практичности». На протяжении многих лет он проводил различные хозяйственные эксперименты: посевы новых сельскохозяйственных культур, испытания передовых агротехнических приемов.

В течение многих лет Ф.Х.Майер проводил селекцию наиболее продуктивных сортов овса. Особенно ценился по крупности зерна и кормовым достоинствам среди торговцев семенами шатиловский овес, полученный Майером из французского. В 1866 г. шатиловский овес был удостоен бронзовой медали на Всемирной Парижской выставке. Позже овес из имения Моховое был использован в качестве исходного материала при селекции современных сортов.

Технология глубокой вспашки, разработанная Майером, актуальна и в настоящее время. Она состояла из двух приемов: первый проход делался плугом или сохой, а затем в той же борозде пускался углубитель, рыхливший почву без оборота пласта. Удобрению навозом в паровом поле он придавал большое значение. «Моя цель – не скрыть навоз, но смешать его с землею» [32, с. 92], – подчеркивал новатор.

Кроме того, Майер внес важные технические улучшения в области винокурения, при постройке мельниц и сушке зерна [29].

Аграрник принимал активное участие в работе Императорского Московского общества сельского хозяйства (ИМОСХ), на протяжении многих лет будучи его действительным членом.

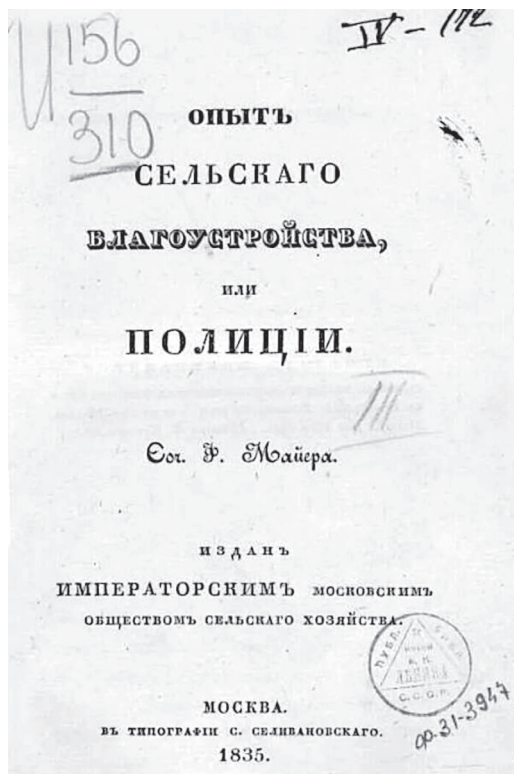
Ф.Х.Майер оставил богатое литературное наследие. Он регулярно публиковал свои статьи на страницах российских экономических и общественно-политических журналов. При этом Майера интересовали не только хозяйственные вопросы, но и проблемы, касающиеся управления трудом и бытом земледельцев, а также особенностей традиционного культурно-хозяйственного уклада русского крестьянства. Обращает на себя внимание его статья 1854 г., в которой подробно рассматривался порядок проведения крестьянами полевых работ на землях хозяина (барщина) [30]. В дореформенную эпоху самым распространенным порядком организации барщинных работ в Российской империи был участочный, согласно которому каждый работник наделялся одинаковым по площади участком для возделывания определенной культуры. Этот участок крестьянин в дальнейшем обрабатывал вплоть до уборки урожая и сдачи хлеба помещику. Вместе с тем такой способ вызывал массу трудностей и неудобств для крестьян. Ф.Х.Майер поддержал другой способ, при котором крестьяне получали задания для каждого вида полевых работ [30, с. 186–191]. Фактически этот способ был основан на принципе разделения труда; в настоящее время именно он лежит в основе работы современных агрохолдингов.

**Главный труд жизни –
«энциклопедия сельского
хозяйства»**

Рассмотрим подробно главное сочинение Ф.Х.Майера – «Опыт сельского благоустройства, или полиции».

Сразу же после публикации оно заслужило широкую общероссийскую известность, однако, вплоть до настоящего времени не стало объектом комплексного внимания со стороны ученых.

Книга была издана в 1835 г. в Москве в известной типографии С.Селивановского. Автор отмечал, что она появилась в результате «постоянных наблюдений свойств и домашнего быта крестьян» и предназначена, прежде всего, «молодому домоводцу» (помещику) [31, с. VII]. При этом выводы Майера относились, в основном, к тем барщинным крестьянам, которые вели традиционное хозяйство: «Крайне затрудняло меня приспособление общих правил к различию местностей и образа жизни крестьян в обширном нашем Отечестве. ...сочинение это относится более к крестьянам хлебопашцам, нежели к тем, которые почти исключительно

Титульный лист книги Ф.Х.Майера

но занимаются промыслами» [31, с. VI]. Еще до публикации рукописи Майера она получила положительные отзывы ведущих помещиков-рационализаторов, входивших в состав ИМОСХ. Отметим вывод одного из самых авторитетных аграрников дореформенной эпохи – Н. Н. Муравьева [см. о нем: 23], который отметил, что работа Майера – это первое в России капитальное сочинение, «указывающее на настоящий путь к усовершенствованию нашего хозяйства» [31, с. X].

Муравьев обратил внимание на самобытные особенности отечественного культурно-хозяйственного уклада, которые требовали столь же искусного и бережного учета крестьянских традиций в процессе внедрения различных новаций. Именно этот путь и нашел отражение в книге Ф. Х. Майера. Наиболее ценным для земле- и душевладельцев был, прежде всего, прагматичный хозяйственный результат: «Теперь – удовле-

творительнее будут приступы помещиков, начинающих заниматься хозяйством, – подчеркивал Муравьев. – Они постигнут непрременное влияние крестьян на предпринимаемое ими улучшение; познакомятся с их свойствами, бытом, средствами, и тогда с основанием решатся, предпринять ли или отложить – до приведения в порядок крестьян своих – замышляемые улучшения...» [цит. по: 31, с.XIII].

Н.Н.Муравьев. Портрет работы Н.И.Аргунова (1817 г).
Государственный исторический музей

Сочинение Ф.Х.Майера было отнюдь не единственным на эту тему. Так, в своем известном сочинении «Мысли о возможности рационального хозяйства в России» (1832–1833) тверской помещик-рационализатор И. Я. Вилькинс подробно охарактеризовал возможности усовершенствования не только помещичьих, но и крестьянских хозяйств. При этом

он особо отмечал необходимость *тщательного учета традиционного крестьянского уклада*, опиравшегося на архаичные общинные обычаи.

В то же время и И. Я. Вилькинс, и Ф. Х. Майер были убежденными сторонниками улучшения земледелия «под личным надзором самого помещика» [9; 8, с. 43, 45–46; и др.]. Отметим, что и другие помещики-рационализаторы, и ученые, входившие в состав ИМОСХ, как правило, были *вполне лояльны к власти*, вместе с тем решительно *борясь против ее злоупотреблений* и выступая за *широкое развитие просвещения* в России. Позиция членов ИМОСХ по крестьянскому вопросу была предельно прагматичной. В отличие от помещиков-крепостников, они неоднократно подчеркивали, что именно крестьяне представляют главную «движущую силу», от которой зависит все сельское хозяйство и которая приносит помещику «настоящий доход». Значимость этого подхода становится еще рельефнее, если принять во внимание, что в первой половине XIX в. «домашняя жизнь» крестьян – главная обитель многих архаичных обычаев – все еще оставалась для многих представителей дворянства *terra incognita*. Между тем, именно здесь таились скрытые ресурсы для творческого подъема русской деревни [22, с. 307–319, 381–382].

Возвратимся, однако, к сочинению Ф. Х. Майера 1835 г. В самом его начале автор дал подробные разъяснения о главном объекте исследования: «Сельским благоустройством, или полициею называю я ту часть сельского управления, которая относится... к спокойствию селения и к благосостоянию крестьян» [31, с. 1]. При этом в задачи сельской полиции, по его мнению, входило как исполнение обязанностей перед государством, так и исполнение традиционных патерналистских охранительных функций, направленных на поддержание и сохранение архаичных порядков русской крестьянской общины; особое внимание при этом обращалось на заботу о «добром поведении крестьян» [31, с. 12].

По мнению автора, его рекомендации носили *универсальный* характер и могли с успехом использоваться помещиками при управлении как барщинными, так и оброчными крестьянами [31, с. 2].

Примечательно, что основную ставку в качестве непосредственных исполнителей полицейских функций Майер делал отнюдь не на старост либо управляющих, а на сельских десятников из числа зажиточных крестьян, – честных, пожилых, «смирных» (лояльных начальству), «доброго поведения, не глупых, хороших хозяев и семьянинов» [31, с. 34]. В их задачи должен был входить надзор за крестьянскими дворами, разбор тяжб между крестьянами и прочее, но главное – охрана помещичьего имущества и оперативное информирование «сельского начальства» о любых

отклонениях от заведенного распорядка [31, с. 7–11 и др.]. Сельским десятникам, по замыслам Майера, отводилась еще одна, не менее важная роль: они должны были разъяснять другим крестьянам смысл и значимость различных хозяйственно-просветительских мероприятий [31, с. 11].

В проекте Майера значительную роль играли сельские десятники и при сборе казенных податей и сборов: именно на них лежала задача хранения платежных квитанций [31, с. 16].

Особенно важны были функции «сельского начальства», направленные на то, чтобы всячески оградить крестьянскую общину не только от «крамолы» («вредных» идей), но и от любого воздействия извне. Они должны были «иметь деятельный присмотр за поведением крестьян», запрещать им «своевольные и тайные отлучки» из селений, бороться с пьянством и даже следить за выполнением рекрутской повинности [31, с. 12–13, 22–23]. Вопросам, касающимся обязанностям «сельского начальства» в отношении «безопасности жизни и здоровья крестьян», в книге Майера была отведена специальная глава. При этом особое внимание уделялось соблюдению крестьянами хозяйственной и бытовой гигиены, а также «истреблению всяких предметов, могущих заразить воздух» [31, с. 29–30 и др.]. Поскольку центром всей крестьянской жизни был двор, в работе отмечалась необходимость строгого надзора за прочностью и внутренней чистотой деревенских и сельских жилищ: «Ветхое строение не только угрожает задавить живущих в нем, но сыростью, холодом и частым угаром разстроивает здоровье... Кто привык видеть вблизи строение и жилье крестьян в избах, тот знает, сколько в них важнейших неудобств для здоровья...» [31, с. 30]. Однако изменить этот архаичный уклад было неимоверно тяжело: крестьяне упорно сопротивлялись любым новшествам, даже в тех случаях, когда от них не требовалось денежных затрат [31, с. 30–31]. Остановимся на другом важном моменте, а именно: на «заботе о народной нравственности». Эта тема в дореформенную эпоху привлекала особо пристальное внимание. Чаще всего она поднималась помещиками, что было вполне объяснимо: их доходы резко падали в тех случаях, когда имели место случаи пьянства, неповиновения, а также бегства крепостных крестьян. Так, уже знакомый нам И. Я. Вилькинс активно ратовал за сохранение традиционных для дореформенной России отношений деревенского патернализма, уходящих корнями в глубь веков.

Важное место в работе Майера отводилось борьбе с крестьянским пьянством. Он подчеркивал: «Пьянство должно быть искореняемо даже и потому, что оно вредно для здоровья крестьян. Нередко случается

видеть людей вовсе не способными к работе от того, что они пьяные отморозили себе руки или ноги» [31, с.37]. Запрету, согласно автору, подвергались любимые крестьянские забавы – кулачные бои, зачастую приводившие к тяжелым увечьям. Ф.Х.Майер также отмечал: «Распутство должно быть строго преследуемо. Любострастные болезни, заражая даже младенцев, свирепствуют иногда в деревнях с большею опасностью, нежели в городах... Сельское начальство должно озаботиться о том, чтоб узнавать заразившихся этой болезнью, удалять их от семейств и принимать надлежащие меры для лечения» [31, с.37–38].

Аграрник был твердо уверен, что хозяйственные и социокультурные (в современном понимании) проблемы необходимо решать сообща: «Нездоровое жилище, недостаток в одежде, худая пища, самый недостаток соли, по большей части, неразлучны с бедностью. Поэтому можно сказать, что кто печется о благосостоянии крестьян, тот вместе печется и о их здоровье» [31, с.41]. Ф.Х.Майер также обращал внимание на необходимость прививания оспы, борьбы с лекарями-шарлатанами. В его сочинении подробно регламентировались меры, направленные на оказание помещичьим крестьянам профессиональной медицинской помощи [31, с.42–45 и др.]. При этом учитывались особенности традиционной крестьянской ментальности: «Все медики согласны в том, что лечить крестьянина в его доме значит тратить лекарства по-пустому. Редкий крестьянин соблюдает предписанную диету. Он ест что вздумается, и ходит по морозу раздевшись. ...тот, кто намерен пользоваться больных крестьян, непременно должен завести небольшую больницу» [31, с.44]. Такой же установки автор придерживался при описании мер, которые необходимо принимать «насчет безопасности имущества крестьян». Им также отводилась отдельная глава [31, с.47–99]. Подчеркивая, что эти меры не должны препятствовать земледелию и промыслам, Ф.Х.Майер вместе с тем отмечал, что «очень затейливые постановления отягощают крестьян» и редко ими выполняются, поэтому «излишние полицейские строгости» в данном вопросе неуместны и вредны [31, с.47–48]. Для крестьянского хозяйства дореформенной России огромную угрозу представляли периодические пожары, наносившие огромный хозяйственный ущерб. «Ни в одной стране в мире нет столько пожаров, как в России, – подчеркивал выдающийся просветитель кн. В.Ф.Одоевский. – ...Вина пожаров – в нашем авось, ...кое-как и как-нибудь. Посмотрите на крестьянина, идущего с лучиной: обгоревшие части падают на деревянный пол... Он прилепливает свечку к образу и уходит в уверенности, что икона не даст свече отвалиться. Сколько пожаров от малолетних детей,

оставленных в избе! А уголи! А нечищенные трубы! А печи с деревянными подами! Вот где причина зла, и этому злу патриархальностью не поможешь. ...Залить огонь: да где ж это видано? Что мы, немцы что ли, в самом деле? На все – Божия власть: не сгореть – так не сгореть, а сгореть – так никакой водой не зальешь» [цит. по: 19, с.283]. Этот «православный фатализм» дорого обошелся сельскому хозяйству России [см. также: 52; 53]. Вместе с тем и большинство помещиков не уделяло должного внимания борьбе с пожарами.

Для решения этой проблемы в 1854 г. при МОСХ был даже учрежден специальный Комитет об овинах, который возглавил кн. В.В.Львов [25, с.63–64]. В его работе, наряду с Ф.Х.Майером, приняли участие «опытнейшие русские хозяева» (Н.П.Шишков, А.И.Кошелев и др.), а также ряд ученых: профессор физики М.Ф.Спасский, профессор механики А.Е.Ершов и другие, которые обсуждали и решали практические вопросы, касающиеся «устройства овинов и зерносушилен» [25, с.63]. Однако после смерти кн. В.В.Львова в марте 1856 г. деятельность комитета прекратилась. Ф.Х. Майер также пытался бороться с причинами пожаров, зачастую коренящимися в традиционной общинной ментальности. В своем сочинении он предупреждал: «Пожары в селениях происходят по большей части от неосторожности и беспечности крестьян; а иногда от грозы или злоумышления» [31, с.49]. Рационализатор обращал внимание на способы, снижающие сам риск возникновения пожаров, включая рациональную планировку деревенских жилищ и строительство каменных крестьянских изб [31, с.49–51]. Важное место отводилось и воспитанию у крестьян чувства ответственности.

Между тем реальная сельская жизнь отнюдь не давала поводов для излишнего оптимизма. «Простой народ – от худопонимаемого упования на Бога, и может быть от какой-то врожденной отважности, всегда не очень склонен к осторожности, – указывал Майер. – Но в праздничные дни, когда все пьют и веселятся, тогда осторожность и вовсе забывается; а потому бдительность начальника должна быть в это время удвоена. Особенные дозоры, состоящие из трезвых и надежных людей, необходимо нужны по праздникам» [31, с.54]. Нарушающие пожарную безопасность должны были подвергаться денежным штрафам «в пользу мирской суммы». Наконец, в работе Майера детально регламентировались все способы и средства борьбы с пожарами, включая наличие в селениях «пожарных орудий»: труб, черпаков, и пр. Еще одним ключевым негативным фактором деревенской жизни, по мнению автора, было воровство, широко распространенное в крестьянской среде. Особенно зна-

чителен был его вред по отношению к лесному хозяйству. Эти выводы подтверждаются и другими источниками. Так, барон А.Гакстгаузен признавал: «О рациональном лесном хозяйстве нигде еще нет речи. Леса помещиков... еще сколько-нибудь берегутся; в оброчных же имениях леса отданы в свободное пользование крестьян; тут они ужасно опустошаются, так что начинают уже чувствовать недостаток в них. То же самое и в государственных имениях» [11, с.90]. Главная причина сложившейся ситуации заключалась в отсутствии как у помещиков, так и у крестьян чувства *экологической ответственности* за состояние лесного хозяйства – самоограничения в тех традиционных формах и методах потребления лесных ресурсов, которые были заведомо разрушительны для их «малой родины» [12, с. 110–111; см. также: 21].

Богатейшие лесные ресурсы с каждым годом стремительно уменьшались в результате как бесконтрольных вырубок, так и крайне нерационального использования лесных массивов [10, с.222]. Предпринимаемые правительством меры, включая введенные в 1845, 1846 и 1859 гг. строгие наказания за порубки частных лесов [17; 46, с. 163, 164], изменить ситуацию к лучшему не смогли. В книге Ф.Х. Майера (а также в его отдельной статье по этому вопросу) [33] подробно анализировалось крестьянское воровство не только как хозяйственное, но и как социокультурное явление. Как отмечал автор, главная причина массовых хищений в частных и казенных лесах заключалась в том, что «крестьянин считает лес как бы общим имуществом; строгий надзор за ним насильством; а удачную кражу леса – каким-то геройским подвигом» [31, с.69]. Таким образом, в основе были архаичные традиции крестьянского общинного коллективизма. При этом переубедить крестьян было чрезвычайно трудно, фактически – невозможно.

Какие же меры предлагал автор для борьбы с воровством? Здесь он был отнюдь не оригинален, следуя феодально-сословным стереотипам и делая главный акцент на принципе *коллективной ответственности* общинников-крестьян на основе их круговой поруки: «Порядок (учрежденный в некоторых селениях), чтобы обществом платить за покраденное, – кажется мне превосходным. Убыток, падая на всех, не разорителен ни для кого, а величайшая польза состоит в том, что вор делается предметом преследования целого селения» [31, с. 74]. Видное место в сочинении Ф.Х. Майера отводилось вопросам, относящимся к деятельности самих владельцев имений. Здесь на передний план выходили рациональные методы управления и хозяйствования, позволявшие повысить доходы. Поскольку одной из главных бед помещичьего хозяй-

ства на протяжении многих лет оставалась «неурядица» в отношении спорных владений, необходимо было прежде всего завершить начатое при императрице Екатерине II межевание земель. Майер отмечал, что нужно ликвидировать «чрезполосные дачи», и здесь велика роль каждого частного землевладельца: «Целью всякого помещика должно быть уничтожение этого беспокойного и бедственного образа владения, – посредством покупки частей хотя и дорогою ценою, полюбовным разводом к одним местам, и проч.» [31, с. 25].

Особый интерес вызывают выводы Майера, касающиеся повышения «благосостояния крестьян». Он подчеркнул: «Крестьянин почти всегда так занят настоящим и личным, что от него никак нельзя ожидать, чтоб он занимался будущим и общественным» [31, с. 101]. В качестве доказательства этого весьма сомнительного утверждения (чему противоречат, в частности, многочисленные факты крестьянского патриотизма и самопожертвования в годы борьбы с вражескими нашествиями) он привел лишь случаи «расстройства управления» в тех помещичьих имениях, где был ослаблен частновладельческий контроль [31, с. 101]. Между тем реальная практика (включая искусное *сочетание* крестьянских и помещичьих органов управления в ряде вотчин [см.: 1; 2]) свидетельствовала скорее об *обратных* тенденциях. По мнению Майера, помещик должен прежде всего внимательно изучить все особенности принадлежавших ему крестьянских хозяйств, включая местные почвы, источники воды, методы хозяйствования и др. [31, с. 107–111]. При этом он подверг резкой критике традиционную общинную практику «поровнения» крестьянских угодий путем ежегодных земельных переделов, подчеркнув, что этот путь – «самое худое поощрение к трудолюбию!» [31, с. 114].

Во многом новаторское сочинение Ф.Х. Майера было четко ориентировано на «приучение» российских помещиков к рациональным методам хозяйствования, и первым шагом к решению этой нелегкой задачи должен был стать строгий учет на основе тщательного картографирования конкретного имения: «Без обстоятельного плана (или карты)... в имении трудно скоро осмотреться. С помощью же его можно в три дни узнать более, нежели без него в три месяца» [31, с. 105]. Особое внимание обращалось на качество местных почв («достоинство пахотных земель»), поскольку именно от него во многом зависела урожайность полей.

В то же время аграрник хорошо понимал, что именно крестьянская община выступает едва ли не главным тормозом на пути улучшения сельской жизни. Он подчеркивал: «Раздел земли между крестьянами предоставлен им самим, а потому... можно сказать, что при нем почти

всегда в выигрыше богатые» [31, с. 108]. Примечательно, что при характеристике системы выплаты помещичьими крестьянами разнообразных податей и повинностей рационализатор подчеркнул: «Раздел по тяглам справедливее и основательнее, нежели раздел по душам» [31, с. 112].

Какие же аргументы он при этом использовал? Отметим, что в данном вопросе аграрник опирался не только на соображения помещичьей выгоды, но и на учет интересов самих крестьян, как правило, привыкших к порядкам, касающимся и труда, и управления вотчиной. Вместе с тем предлагаемые им методы учитывали и изменения в текущей хозяйственной ситуации конкретных крестьянских дворов: «Тягла каждый год прибывают и убывают, почему во владении крестьянскими землями каждый год происходят перемены. Разумеется, что крестьяне должны владеть землями поровну количеством, качеством и расстоянием от селений. Поэтому редко удается поровнять их иначе, как давши земли на каждое тягло в 3–4 и даже более жеребьях. ...Итак, если семейство будет принимать по тяглу в разные времена, то у него составятся полосы в каждом поле по крайней мере в 9 или 12 местах... Легко можно видеть, как много в этом неудобства» [31, с. 113].

При таком раскладе выигрывали прежде всего «богатые и проницательные крестьяне», которые путем подкупа добивались, чтобы их земля оказывалась рядом с селением. В целом же, все это вносило дезорганизацию в хозяйственную жизнь имения, и Майер решительно осуждал подобные порядки, предложив конкретные действенные меры при жеребьевке земель общинниками, нивелирующие неудобства [31, с. 115–116].

При этом в сочинении отмечалось: «Чем чаще бывают переделы земли, тем меньше каждый крестьянин может считать свой участок прочным и надежным владением» [31, с. 116].

Майер даже предлагал ввести смелый, новаторский и даже радикальный для дореформенной эпохи проект, согласно которому крестьянин возделывал бы свой земельный участок *на постоянной основе* в возрасте от 14 до 60 лет, а затем передавал его своему внуку [31, с. 117–118]. В долгосрочной перспективе его внедрение, на наш взгляд, создавало основу для становления новых, *буржуазных*, отношений в сельском хозяйстве Центральной России: при новой схеме зажиточные крестьяне лишались возможности «обижать разделом своих простых и слабых собратьев» [31, с. 127], а главное – трудолюбивый крестьянин получал стимул качественнее возделывать землю, вносить удобрения и улучшать агрокультуру, будучи твердо уверен, что удобренный участок не будет отобран у него вследствие общинного передела. Вместе с тем у нас все же нет

оснований считать автора безоговорочным сторонником буржуазного пути аграрного развития. Ф.Х.Майер отнюдь не забывал об интересах «социально близкого» ему дворянского сословия. Не случайно в его работе подчеркивалось: «Каждый крестьянин должен сам обрабатывать свою землю, а не отдавать ее в наймы. Часто поступают против этого правила там, где недостает надзору» [31, с. 127].

В целом же, объем конкретных хозяйственных вопросов, затронутых в этой книге, поражает. Рационализатор рассмотрел множество тем и сюжетов: от разработанного им новаторского способа межевания земель до поддержания в исправности дорог и мостов в помещичьих имениях и «обсушки болот для превращения их в луга или пашни» [31, с. 139], что тоже имело большое практическое значение.

Разумеется, Майер не мог пройти мимо проблемы патриархального трехпольного хозяйства. Однако и здесь его позиция была предельно прагматичной: «Я отнюдь не ослепляюсь насчет недостатков обыкновенной трехпольной системы; но не могу равнодушно слышать, когда сравнивают улучшенное хозяйство с трехпольным, в то время, как в первом управляет помещик с сведениями, деятельностью, настойчивостью и имеющий в руках значительный капитал, которого он не жалеет в случаях, обещающих прибыль; а во втором – прикащик безграмотный, озабоченный выкормкою своих свиней... Поменяться бы распорядителями: тогда бы была перемена и в успехах» [31, с. 143, 144].

В конце книги Майер поместил небольшой очерк о рациональном лесном хозяйстве, подчеркнув при этом, что «без знания, хотя поверхностного, об этом предмете нельзя ожидать никакого успеха в выборе и приноровке полицейских мер, к нему относящихся» [31, с. VIII].

Отметим, что рассматриваемое нами сочинение было написано, прежде всего, *в русле российской аграрной традиции* и было глубоко проникнуто *идеями патриотизма*. Майер подчеркивал: «Странно слышать, когда люди говорят о превосходстве других систем хлебопашества, не познакомившись еще с хлебопашеством отечественным. Иной по пальцам расскажет, что и как делается в Англии; а что делается дома и по какой причине, того не знает. Неужели можно полагать, что народы работали целые века не думавши? Надобно наперед войти во все подробности и местные обстоятельства и потом судить и опорочивать то, что найдется несообразным; удостовериться в том, что настоящее не хорошо, и потом уже стараться вводить новое лучшее» [31, с. 132–133]. Выделим и заключительный его вывод по этому вопросу: «По моему мнению, каждая страна, смотря по населению, климату, грунту

земли и существующим от того ценам на хлеб и другие произведения, должна сама произвести для себя систему» [31, с. 142]. На практике это означало учет хозяйственных особенностей даже конкретного уезда [31, с. 170].

Важнейшую роль в решении аграрных задач аграрник отводил *русскому крестьянину*. При этом он учитывал все плюсы и минусы традиционной общинной ментальности. Признавая, что крестьянин «вообще не склонен к переменам», Ф.Х.Майер вместе с тем обращал особое внимание на то, что помещик должен, в первую очередь, воздействовать на него *силой убеждения*, причем действовать *постепенно*: «Я не знаю ни одного примера, чтобы такого рода предприятия были неудачны, если они начаты с одобрения крестьян. Перемены, которые можно испытать в малом виде, никого не затрудняют... Прочие мужички, увидя выгоды такой новизны, не замедлят ей последовать» [31, с. 134–135].

Вместе с тем аграрник предостерегал, что вводить хозяйственные новации (о социокультурных – в современном понимании – речь, разумеется, не шла: российские помещики были заинтересованы в сохранении и упрочении традиционного сельского уклада) нужно с величайшей осторожностью: «От неудачных опытов сельское начальство может лишиться доверенности крестьян; а до такой степени нужно, чтобы подчиненные имели доверенность к власти, которая ими управляет, – это не требует объяснения!» [31, с. 134–135].

Среди множества хозяйственных новаций, предложенных Майером, важное место отводилось «переселению крестьян на выселки или хутора». Автор отмечал, что из всех мер улучшений – это перемена, «которая всего важнее», но все еще не ставшая предметом внимания большинства российских помещиков [31, с. 135]. Подробно описав все ее преимущества (в основном, связанные с рациональной реорганизацией хозяйственных работ), Майер подчеркнул: «Тягости, упадающие на крестьян в первое время их переселения, надобно по возможности облегчать, например, помогать им перевозиться и строиться...; заставить крестьян сельских, которым достанутся их неудобренные загоны, отвозить им... приличное количество навозу. Если будет на то общее согласие, то можно им оставить унавоженные места при селе года на два или на три, пока удобряют на новом месте» [31, с. 138]. В сочинении Майера наряду с земледелием важное место отводилось и практическим рекомендациям, относящимся к другим ключевым отраслям сельского хозяйства России: скотоводству, луговодству, огородничеству, пчеловодству и лесоводству. И здесь также на передний план выходили методы строгого учета и контроля. При

этом аграрник подверг резкой, но вполне аргументированной критике существовавшие в дореформенную эпоху методы экстенсивного хозяйствования, которые неминуемо вели и помещиков, и крестьян к огромным убыткам. Так, характеризуя лесное хозяйство, он с горечью отмечал: «Можно утвердительно сказать, что в России часть лесного хозяйства и вообще лесоводства находится еще в младенчестве. По большей части леса употребляются с таким же небрежением, как трава, которая ежегодно косится и ежегодно вырастает. Попечительность некоторых строгих хозяев ограничивается большею частью тем, что они берегут леса свои в совершенной неприкосновенности, а от того лишают себя и настоящей пользы, и в будущем не обеспечивают себе постоянного дохода» [31, с. 175]. Опытный рационализатор предупреждал об опасности «чрезполосности» не только для хлебопашества, но и для лесного хозяйства, настаивая на скорейшем решении этой проблемы путем добровольного размежевания лесных участков между помещиками [31, с. 176]. Этот призыв был вполне обоснован: количество владельцев (в основном, помещиков-дворян), сберегающих лесные угодья, было в те годы (как впрочем и впоследствии) крайне незначительным.

Не менее важным фактором лесоохраны было и соблюдение правил самими крестьянами, которые в массе своей относились к лесу потребительски. Примечательна любимая крестьянская пословица, обычно употребляемая ими, когда речь заходила о необходимости сбережения леса: «Авось, лес богаче царя!» [цит. по: 6, с. 13]. Другая старинная русская поговорка гласила: «От леса крестьяне не богатеют, а горбатеют» [цит. по: 7, с. 153]. Борьба с этими глубоко укоренившимися хозяйственными предрассудками Ф.Х.Майеру и другим рационализаторам-аграрникам дореформенной эпохи было чрезвычайно трудно; этому во многом препятствовали исторически сложившиеся навыки экстенсивного хозяйствования. Отметим и более поздние выводы Н.А.Бердяева: «Русская душа подавлена необъятными русскими полями..., она утопает и растворяется в этой необъятности... Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть... И в собственной душе чувствует он необъятность, широк, как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем» [5, с. 165–166]. Крайне противоречивую мозаику «славянского хаоса» традиционной крестьянской ментальности хорошо понимал и Майер, который подчеркивал: «Крестьяне вообще не склонны к бережливости и не охотники до порядка... Они охотно употребляют прямой

хороший лес на дрова, потому только, что он лучше колется. Оградами они чрезвычайно щедры, потому что не любят смотреть за скотом» [31, с. 180], отсюда – и необходимость строжайшего владельческого контроля, включая охрану лесов и соблюдение рациональных методов лесного хозяйства [31, с. 180–189].

Примечательно, что Майер придавал большое значение крестьянским промыслам в ряде губерний России (Ярославской, Московской, Костромской, Нижегородской и др.), игравшим важную роль в хозяйственной жизни. Он писал: «При оценке выгод, предоставленных во владение крестьянам, никак не должно упускать из вида оценку... промыслов, т. е. возможность в свободное время найти заработки» [31, с. 192].

Рационализатор был твердо убежден в исключительной значимости описанной им практики управления крестьянским хозяйством, рассуждая при этом в русле традиционной российской патерналистской традиции: «Всякий помещик, который убежден в двух неоспоримых истинах: 1-е, что собственное его богатство сопряжено с благосостоянием крестьян, и 2-е, что крестьяне суть только пожизненные владельцы земли, которая есть его прочная, крепостная собственность, и которую поддерживать в хорошем состоянии должен он для истинной своей пользы, – всякий... помещик тотчас согласится в важности вышеозначенных правил» [31, с. 180].

Примечательно, что Майер, понимая всю значимость сохранения традиционного общинного уклада, вместе с тем отнюдь не идеализировал его, включая печально знаменитые «поровнение» и круговую поруку, нивелирующие частную инициативу и предприимчивость. Аграрник отмечал: «Долголетняя опытность убедила меня в том, что между крестьянами восемь примеров из десяти показывают, что *богатый* (здесь и далее выделено в источнике. – С.К.) и *бедный* – синонимы *трудолюбивого* и *ленивого*» [31, с. 197–198].

Таких же взглядов придерживался и главный единомышленник Ф. Х. Майера – И. Н. Шатилов, который, в частности, подчеркивал: «Преуспевание сельского хозяйства немыслимо в стране, где большинство деревенского населения коснеет во мраке невежества» [51, с. 2].

Ф. Х. Майер еще в середине 1830-х гг., задолго до Крестьянской реформы 1861 г., обратил внимание помещиков на необходимость учета имущественных и прочих прав *крепостных* крестьян. Он, в частности, подчеркнул: «Крестьянин, как член общества, имеет полное право на защиту от обид. ...Правило собственности должно быть священной между крестьянами, как и во всяком другом состоянии (сословии. –

С.К.)» [31, с.219; см. также: 14; 15]. Аграрник хорошо осознавал, что проблемы, которые он попытался рассмотреть в своем сочинении (фактически, в хозяйственном руководстве), сложны и масштабны. Он отмечал 9 июля 1835 г.: «Время доказало мне совершенно, что я взялся за дело, превышающее силы одного человека». Поэтому он признавал свой труд *незавершенным*, а свою главную цель видел в том, чтобы *привлечь внимание* членов ИМОСХ к вопросам крестьянского хозяйственного быта [31, с. VII].

Книга Ф.Х. Майера была единодушно признана современниками настоящей энциклопедией сельского хозяйства дореформенной России. Выделим два ключевых момента.

Во-первых, небогатые помещики получили подробные и действенные хозяйственные инструкции о том, как без привлечения значительных денежных средств организовать рациональную перестройку своих имений. Во-вторых, в сочинении Майера было убедительно доказано, что внедрение аграрных новаций в различных губерниях России должно проходить не на основе копирования западноевропейского аграрного рационализаторского опыта, а путем строгого учета своеобразия *рос-сийских* традиций и природных условий. Не случайно Ф.Х. Майер одним из первых в Российской империи организовал работы по апробации и разработке прогрессивных сельскохозяйственных технологий применительно к местной обстановке. Фактически именно он одним из первых в России внедрил в сельскохозяйственную практику современный ему научный подход к постановке и интерпретации полевых опытов. При этом он выступал противником использования под лес пахотных земель.

Печатные труды по лесоводству

Наряду с сочинением 1835 г., перу аграрника принадлежит и ряд других содержательных трудов.

Так, в статье «Лесоводство» 1845 г.

он подробно рассмотрел ключевые вопросы практического лесоводства, дал ряд рекомендаций по созданию рационального лесного хозяйства и по искусственному разведению лесов [28].

Свой многолетний практический опыт в области степного лесоводства Ф.Х. Майер обобщил в капитальном сочинении «Степное лесоводство», которое было издано в 1860 г. уже после его смерти на средства ИВЭО «для безденежной раздачи» хозяевам «черноземных безлесных местностей». В этом труде содержались рекомендации по выращиванию посадочного материала в питомнике и по созданию лесных культур [34].

По существу, это было изложение прикладного учения по выращиванию леса в степных районах, основанное как на длительном опыте лесоводства, так и на знаниях (причем, как самого Ф.Х.Майера, так и И.Н.Шатилова) о разведении лесных пород в более южных районах (включая Крым). При этом первоочередным фондом выращивания лесных культур в степи Майер считал склоны оврагов и балки. Все свои рекомендации (во многом сохранившие практическую значимость вплоть до наших дней [27; и др.]), рационализатор всегда основывал на личном богатейшем хозяйственном опыте. Так, именно широкомасштабная посадка лесов в лесостепной зоне Мохового позволила успешно решить такие важные вопросы, как защита полей от ветра, а почв от эрозии. Всего же с 1853 по 1889 г. в Моховом было облесено 166,8 га на истощенных почвах, оврагах и балках [44, с. 19].

Отметим также полное собрание сочинений рационализатора, вышедшее в трех томах в Москве в 1850–1854 г. Особую практическую значимость имел первый его том – «Лесоводство», в котором отмечалось значение «плановой съемки лесных угодий», давались практические советы лесовладельцам, уделялось большое внимание роли почвенных условий для успешного роста и качества древесины. Кроме того, в конце книги Майер знакомил читателей со своим практическим опытом по устройству «орошаемого питомника», приводил описание изобретенного им снаряда («земляного свертеля») для посадки саженцев по залежной земле [32, с. 153–168].

Вместе с тем не все проведенные аграрником опыты оказались удачными. Так, удобрение полей известью по истощенному чернозему и посевы клевера не принесли желаемых результатов [44, с. 18].

«Пойти против всеобщих убеждений» – и одержать победу!

Многолетняя хозяйственная и просветительская деятельность Ф.Х.Майера заслужила огромное уважение в дореформенной России. Моховое часто посещали как помещики, так и агрономы. Известный ученый-аграрник Н.А. Анненков, побывавший в Моховом в 1851 г. и подробно изучивший хозяйство на протяжении 18 дней, посвятил этому визиту специальную статью, в которой отмечал: «Лесоводство составляет предмет любимейших занятий и особенного попечения г. Майера. Ему посвящает он почти все свое время, и можно смело сказать, что его неусыпные заботы об этой важной отрасли сельского хозяйства, особенно в здешнем безлесном краю, принесли желаемые успехи. Там,

где за 30 лет были одни голые площади... – там ныне стройно растут прекрасные рощи, зачатки будущих лесов... Питомник г. Майера по своей обширности... и порядку... заслуживает всеобщего внимания. ...Пойти же против всеобщих убеждений и разводить лес, притом хвойный, там, где общий голос считал это невозможным, и наконец развести его в таком объеме и достоинстве, как в Моховом, – это составляет факт в высшей степени отрадный и достойный подражания» [3, с.94–95, 118].

Усадьба Шатиловых в с.Моховое. Дом управляющего.
Современный вид

Ф.Х.Майер был одним из образованнейших людей дореформенной России. Он прекрасно разбирался в искусстве и литературе, любил сочинения Гете и Шиллера, коллекционировал гравюры выдающегося английского художника XVIII в. Уильяма Хогарта, очень любил животных (сам дрессировал кошек и собак), прекрасно чертил и рисовал; собрал большие коллекции семян, уменьшенных моделей машин и орудий труда, а также гербарий местных растений. Аграрника отличали и прекрасные человеческие качества: доброта, отзывчивость и доброжелательность, бодрый и оптимистичный настрой, что позитивно отражалось на всей коллективной аграрной работе в Моховом.

26 июля 1860 г. Франц Христианович Майер скончался на 77 году жизни после тяжелой болезни. Похоронен он был в с.Моховое, в ограде церкви во имя Казанской Божией Матери.

Аграрные начинания Майера были продолжены в XIX–XX вв. его единомышленниками и последователями. Так, И. Н. Шатилов (удостоенный трех золотых медалей за выдающиеся заслуги по искусственному лесоразведению и на протяжении 25 лет являвшийся президентом ИМОСХ) значительно расширил заложенный Майером лесопитомник в Моховом, усовершенствовал и практику выращивания саженцев [см.: 50]. Ценнейший опыт Майера по разведению лиственницы, веймутовой сосны, способов выращивания саженцев в лесном питомнике оказали существенное влияние на выращивание лесных пород в степной зоне [40, с. 19].

В настоящее время на территории имения в Моховом расположена Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция, организованная в 1896 г. и названная именем И. Н. Шатилова. Работа станции, сотрудники которой, продолжая дело Ф. Х. Майера и И. Н. Шатилова, внесли большой вклад в аграрную рационализацию Центральной России [18; и др.], получила в XX в. всемирную известность. Общеизвестен ее вклад в сельскохозяйственную науку и практику, особенно в области земледелия, агрономического почвоведения, селекции и семеноводства, методики опытного дела [18; 16].

В 1919 г., в разгар Гражданской войны, усадебный дом в Моховом и семейное хозяйство были разграблены и разрушены. В начале 1930-х гг. могилы Ф. Х. Майера и И. Н. Шатилова, а также могилы ряда других работавших в имении аграрников сравняли с землей, стремясь уничтожить даже память о подвижниках-дворянах дореволюционного времени.

В наши дни в доме, где жил Ф. Х. Майер, создан музей Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции; там оборудован его мемориальный кабинет [38; см. также: 39].

В поселке Шатилово оборудован музей дворянского рода Шатиловых. На территории храма во имя Казанской Божьей Матери реконструировано захоронение и сооружен памятник И. Н. Шатилову. Отремонтированы здания управляющего имением, сушилки, каретного сарая. В старом усадебном парке Шатиловых, в урочище Колок и на месте нахождения лесного питомника установлены памятные знаки. Удалось, в основном, сохранить и знаменитый Шатиловский лес – один из самых выдающихся заповедных лесов современной Европы, возраст деревьев в котором колеблется от 135 до 175 лет! При этом ряд его участков считается эталоном лиственничных культур, выращенных на черноземных почвах [44, с. 21]. Как справедливо отмечал аграрник М. Д. Мерзленко, «Моховое

с его парком и рукотворными лесами – лучший памятник Ф.Х. Майеру» [36, с. 45].

С 1835 г. Ф.Х. Майер был действительным членом ИМОСХ и ИВЭО. Кроме того, он являлся членом Тульского статистического комитета, членом-корреспондентом Ученого комитета МГИ и Горьгорецкого земледельческого института; членом Казанского экономического общества, Московского общества любителей садоводства и др. За заслуги в области лесоводства еще при жизни (в 1839 г.) его портрет был помещен в зале заседаний ИМОСХ.

В 1860 г., уже после кончины выдающегося аграрника-рационализатора, ИВЭО постановило ежегодно присуждать в память Ф.Х. Майера золотую медаль за лучшее печатное сочинение на русском языке в области «разведения и правильного употребления лесов». Эта медаль считалась одной из самых почетных наград у российских лесоводов и агрономов. Что же касается вклада аграрника в рационализацию сельского хозяйства России,

а также в развитие отечественной аграрной теории, то его трудно переоценить. Именно труды Ф.Х. Майера способствовали формированию национальных научно обоснованных систем ведения сельскохозяйственного производства, которые соответствуют природно-климатическим особенностям отдельных местностей страны. Рационализатор по праву признан основоположником лесоразведения в средней полосе России.

Обелиск на могиле Ф.Х. Майера

Список сокращений

- Б. и. – без издателя
ЗЖ – «Земледельческий журнал»
ЖСХ – «Журнал сельского хозяйства»
ЖСХО – «Журнал сельского хозяйства и овцеводства»
ИВЭО – Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства
ИМОСХ – Императорское Московское общество сельского хозяйства
МГИ – Министерство государственных имуществ
ОЗ – «Отечественные записки»
РА – «Русский архив»
Разд. паг. – раздельная пагинация
ЭЗ – «Экономические записки»

Библиографический список

1. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М.: Наука, 1984. 255 с.
2. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
3. Анненков Н. А. Лесоводство в с. Мохомов, заведываемым г. Майером // Лесной журнал. 1851. №1. С.94–118.
4. Архангельская Т. Н. Лесовод Ф. Х. Майер – знакомый Л. Н. Толстого и князей Голицыных // Хозяева и гости усадьбы «Вяземы»: материалы XIII Голицынских чтений. Большие Вяземы, 2006. С.302–306.
5. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Издательство МГУ, 1990. 240 с.
6. Боборыкин В. О лесах Нижегородского у. // ЖСХ. 1855. №7. Отд. II. С. 12–15.
7. В. У. Экономическая заметка // ЭЗ. 1860. №20 (4 мая). С. 152–153.
8. Вилькинс И. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности в замосковных к северу губерниях // ЖСХО. 1843. №8. С.42–48.
9. Вилькинс И. Разбор книги «Опыт сельского благоустройства или полиции» г. Майера // ЗЖ. 1836. №3. С.39–41.
10. Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1988. 303 с.
11. Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / Пер. с нем. Л. И. Рагозина. Т. 1. М.: Типография А. П. Мамонтова и К, 1870. 490 с.
12. [Гаряинов А. А.] Взгляд на естественные и нравственные производительные силы России. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1858. Разд. паг.

13. Гладышевский М.К. Шатиловский лес. М.: Издательство Министерства сельского хозяйства РСФСР, 1959. 45 с.
14. Долгих А.Н. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им.П.П.Семенова-Тянь-Шанского, 2022. 478 с.
15. Долгих А.Н. Проблема собственности в контексте правового положения владельческих крестьян России XVIII – первой половины XIX вв. // История: факты и символы. 2021. №4 (29). С.61–71.
16. Зарьянова З.А. Шатиловская сельскохозяйственная опытная станция в лицах и публикациях. 2-е изд. Орел: Б.и., 2013. 591 с.
17. Зоммер Ф. Порубки вследствие развивающейся лесной промышленности // ЖМГИ. 1860. Ч. 74. Отд. III. С. 17–30.
18. Зотиков В.И., Зарьянова З.А. Вклад Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции в изучение севооборотов, приемов обработки почвы и применения гербицидов // Земледелие. 2016. №4. С.6–10.
19. Из неизданных бумаг кн. В.Ф.Одоевского // РА. 1874. Т.2. С.278–360.
20. Иосиф Николаевич Шатилов (1824–1889): биобиблиографический указатель // [сост. А.Г.Ноготкова]. Изд. 2-е, доп. Орел, 2016. 36 с.
21. Истомина Э.Г. Факторы формирования экологической культуры России в XVIII–XIX вв. // Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: Материалы XXX Международной научной конференции. М., 2017. С.21–24.
22. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центральные-нечерноземные губернии) / Отв.ред. А.В.Семенова. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
23. Козлов С.А. «Гражданин в полном смысле полезный»: Николай Николаевич Муравьев // (1768–1840) // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Вып.25. Калининград, 2019. С.83–100.
24. Козлов С.А. Майер (Maуer) Франц Христианович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия. В 2 т. / Отв. ред. Ю.А.Петров. Т.1. М.: РОССПЭН, 2008. С.1265–1266.
25. Комитет об овинах // Историческое обозрение действий и трудов ИМОСХ за второе двадцатилетие. Период первый. М., 1870. 401 с. Разд. паг.
26. Лопачев Н.А., Коломейченко В.В., Митусов А.В., Небытов В.Г., Мазалов В.И. Выдающийся агроном-лесовод Ф.Х.Майер // Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences (Орел). 2016. №9 (57). С.3–9.
27. Лопачев Н.А., Коломейченко В.В., Митусов А.В., Небытов В.Г., Мазалов В.И. Роль Ф.Х.Майера в облесении склоновых земель Среднерусской возвышенности // Вестник аграрной науки. 2017. №5 (68). С.30–35.

28. Майер Ф. Лесоводство // ОЗ. 1845. №4. Т. XXXIX. С. 15–22.
29. Майер Ф. О сушке вообще, а в особенности о сушке сыромолотых зерен. М.: Университетская типография, 1856. 41 с.
30. Майер Ф. Об участочных, или урочных работах // Майер Ф. Полн. собр. соч. Т.3. М., 1854. С. 183–196.
31. Майер Ф. Опыт сельского благоустройства, или полиции. М.: ИМОСХ, 1835. 372 с. Разд. паг.
32. Майер Ф. Полн.собр.соч. В 3 т. Т. 1: Лесоводство. М.: Университетская типография, 1850. 361 с. Разд. паг.
33. Майер Ф. Словарь сельского воровства и предупредительных против него средств // ОЗ. 1840. №4. Т. IX. С. 13–22.
34. Майер Ф. Степное лесоводство. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. 77 с.
35. Мелехов И.С. Очерк развития науки о лесе в России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 207 с.
36. Мерзленко М.Д. Пионер степного лесоразведения (К 200-летию со дня рождения Ф.Х.Майера) // Устойчивое лесоразведение 2003. №1. С. 44–45.
37. Мерзленко М.Д., Бабич Н.А. Выдающиеся лесоводы-лесокультурники России: Биографический справочник. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им.М.В.Ломоносова, 2005. 298 с.
38. Музей истории Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. URL: <http://adminnovod.ru/index.php?katalog=econom&id=806> (дата обращения: 25.04.2023).
39. Небытов В.Г. Познавательная роль музеев рода Шатиловых и Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции в развитии краеведческого и сельского туризма // Вестник сельского развития и социальной политики. 2016. №3 (11). С. 7–10.
40. Небытов В.Г., Зотиков В.И., Николаев А.В., Мазалов В.И., Наумкина Т.С., Грядунова Н.В., Хмызова Н.Г. Основоположники и организаторы Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции. 2-е изд. Орел: Картуш, 2016. 182 с.
41. Никитина И.К. Хозяин и президент ИМОСХ И.Н.Шатилов, 1824–1880. М.: Журнал «Аграрная наука», 1999. 71 с.
42. Орлов В.П. Ф.Х.Майер – крупный русский деятель в области сельского хозяйства // Сб. научно-исследовательских работ Орловской сельскохозяйственной опытной станции. Орел, 1963. С. 145–150.
43. Орлов В.П. Поездка Л.Н.Толстого к Ф.Х.Майеру // Сб. научно-исследовательских работ Орловской сельскохозяйственной опытной станции. Орел, 1966. С. 370–377.
44. Поляков А.Н. Ими восхищался Л.Н.Толстой. Первопроходцы // Лесной вестник. 2000. №4. С. 16–21.
45. Северов В.И. Ученые-аграрники Тульской губернии и области: Сб. биографических очерков. Тула: ИПО Лев Толстой, 2001. 126 с.

46. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг.: ГУЗиЗ, 1914. 474 с.
47. Советов А.В. Майер Франц Христианович // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза, И.А.Эфрона. Т.18. СПб., 1896. С.369.
48. Тюляков С.П. «В степях российских рукотворный лес» // Московский журнал. 2007. №6. С.62–64.
49. Шатилов Н.И. Из недавнего прошлого // Голос минувшего. 1916. №1. С.22–39.
50. Шатилов И.Н. Лесоразведение в с.Моховом Тульской губ. Новосильского уезда. М.: Тип. А.А.Левенсон, 1885. 52 с.
51. Шатилов И.Н. Речь при открытии Второго всероссийского Съезда сельских хозяев в Москве 21 декабря 1870 г. // Второй всероссийский съезд сельских хозяев в Москве 21 декабря 1870 г. М., 1871. С.2–6.
52. Щаблов Н.Н., Дюжева Г.А. Огненный крест: страницы из истории пожарного дела государства Российского. СПб.: Б.и., 1996. 337 с.
53. Черных В.В. История борьбы с огнем в России. Иркутск: Оттиск, 2010. 591 с.

Наши авторы

Орешин Сергей Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН

Маслов Дмитрий Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории Московского государственного областного педагогического университета (МГОПУ)

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Богданов Андрей Петрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

Рублев Дмитрий Иванович

кандидат исторических наук, доцент Факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Наумов Олег Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Государственного университета просвещения, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки

Козлов Сергей Алексеевич

доктор исторических наук

Our authors

Oreshin Sergey Aleksandrovich

Ph.D, historian, researcher, Institute of Ethnology and Anthropology,
N.N.Miklukho-Maclay RAS

Maslov Dmitriy Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor of the Department
of Contemporary History, Moscow State Regional
Pedagogical University (MGOPU)

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Professor Chair of Early
and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Bogdanov Andrey Petrovich

D.Sci., historian, Leading Researcher at the Institute
of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Rublev Dmitrii Ivanovich

Ph.D., historian, Associate Professor,
Faculty of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University,
Leading Specialist of the Russian State Archive
of Social and Political History

Naumov Oleg Nikolaevich

D.Sci., historian, Professor,
Moscow State Regional University,
full member of the International Academy Genealogy in France

Kozlov Sergey Alekseevich

D.Sci., historian

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2023.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 30.10.2023. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 196300**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

4. 2023 july–august

Geopolitics and International Policy Issues

Sergei Oreshin

Political Development of the Chechen Republic
in 2000–2004 _____ 6

Labels and Myths

Dmitriy Maslov

“...Every Right-thinking and Truly Decent
Person Should Be a Revolutionary”. What
Brought Vladimir Ulyanov into the Revolution:
Discussions Continue _____ 34

Andrey Yurganov

The Hidden Personal Life of Stalinist
Playwright Alexander Afinogenov _____ 72

Andrey Bogdanov

Suvorov in Finland: Mythology and History _____ 88

Pages of History

Dmitry Rublev

All-Russian Federation of Anarchist
Youth (1918–1919): Ideology and
Evolution of Organizational Structures

_____ 126

Oleg Naumov

Nobleman in the Interior of the Soviet
Era: Grigory Alexandrovich Pushkin –
Grandson of the Poet _____ 146

Resources of Nation

Sergey Kozlov

“Outstanding Agricultural Innovators
Russia in the 19th – Early 20th Centuries”
Essay 2. “The Real Path to Improvement
Our Farm”: Franz Christianovich Mayer
(1783–1860) _____ 172

РОССИЯ XXI